

**ХУДЖАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА БОБОДЖОНА ГАФУРОВА**

На правах рукописи

Шамсидинова Назира Раимовна

**АНТОЛОГИЯ «ШОМИ ГАРИБОН» («ВЕЧЕР СТРАННИКОВ»)
ЛАЧХМИ НАРАЙИНА ШАФИКА И ЕЁ ЛИТЕРАТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ**

Диссертация

**на соискание научной степени кандидата филологических наук по
специальности 10.01.03 - Литература зарубежных стран (таджикская
литература)**

**Научный руководитель:
доктор филологических наук
Гаффорова Замира Абдуллоевна**

Душанбе-2018

Содержание

Введение	3-12
 ГЛАВА I. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ЛАЧХМИ НАРАЙИНА ШАФИКА.....	 13-38
I.1. Краткая биография Лачхми Нарайина Шафика.....	13-23
I.2. Литературное наследие Лачхми Нарайина Шафика и его место в персоязычной литературе Индии XVIII века.....	24-38
 ГЛАВА II. СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ И ЛИТЕРАТУРНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНТОЛОГИИ «ШОМИ ГАРИБОН» ЛАЧХМИ НАРАЙИНА ШАФИКА.....	 39-98
II.1. Структура и отличительные особенности антологии «Шоми гарибон»	39-50
II.2. Литературная ценность антологии.....	51-67
II.3. Стилистические особенности антологии «Шоми гарибон».....	68-81
II.4. «Шоми гарибон» как источник литературной критики....	82-98
 ГЛАВА III. МЕСТО АНТОЛОГИИ «ШОМИ ГАРИБОН» В ЖАНРЕ ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ АНТОЛОГИИ ПОЛУОСТРОВА ИНДОСТАН.....	 99-153
III.1 Краткий обзор развития жанра антологии на полуострове Индостан в XVIII веке	99-111
III.2. Влияние предшествующих антологий на антологию Лачхми Нарайина Шафика	112-135
III.2.1. «Сарви Озод» Мир Гулямалихана Озода Балгирами....	113-121
III.2.2.«Тазкираи Насрабади» Мирзы Мухаммадтахира Насрабади.....	121-127
III.2.3. «Каламат-уш-шуара» Мухаммадафзала Сархуша	127-135
III.3. Преимущество традиций написания антологий и последователи Лачхми Нарайина Шафика.....	136-153
III.3.1. «Натаидж-ул-афкар» Мухаммада Кудратуллага Гупамуи.....	136-146
III.3.2. «Корвони Хинд» Ахмада Гулчина Маани.....	146-153
Заключение.....	154-158
Список литературы.....	159-166

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Антологии являются источниками, служащими не только для прояснения автобиографических сведений и литературного творчества определенного круга поэтов, но и служат для понимания и анализа важнейших литературных и научных тенденций конкретного временного отрезка или различных литературных кругов. В связи с этим, исследование способов составления, написания, языковые особенности и историческо-литературные сведения антологий должны быть исследованы литературоведами глубоко и всесторонне, чтобы прояснить, изучить и представить различные литературные вопросы, в частности развитие персоязычной литературы в различных местностях, становление различных литературных жанров, представление поэтов, литераторов, до настоящего времени незнакомых или малознакомых в таджикской литературе.

На полуострове Индостан, являющимся величайшим средоточием персидско-таджикской литературы, жанр антологии, расцвет которого особо ощущается в XVII-XVIII веках, получил чрезвычайное развитие. Именно здесь в указанном периоде выдающиеся представители персидско-таджикской литературы составили и представили на суд читателей множество антологий. Лачхми Нарайин Шафик был одним из известных персидских ученых-языковедов и литераторов, который, не будучи персом по происхождению, оставил неизгладимый след в развитии таджикского языка и культуры. Наряду с поэтическим талантом, воплощённым в его изящных стихах, он оставил ряд примечательных прозаических произведений, продолжающих традиции персидско-таджикской прозы и демонстрирующих его непревзойденные писательские способности. Исторические летописи Шафика содержат важнейшие события его времени, происходившие в различных местностях Индии и имеют важное научно-историческое значение. Наряду с этим, его вклад неocenим в плане новшеств, внесённых

им в развитие жанра персидско-таджикской антологии. Шафик признан одним из первых антологистов, классифицировавших поэтов по месту их происхождения, автобиографическим данным о поэтах, мигрировавших в Индию и наконец, собравшим все эти подробные сведения воедино в антологии «Шоми гарибон» («Вечер странников»). Его антология содержит сведения о 479 поэтах, прибывших в Индию в различные периоды из различных регионов. Способ составления и классификация антологии следуют традиционным правилам, стилистика, языковые особенности, научно-художественная ценность, критический анализ и практический силлогизм антологии с другими аналогичными произведениями освещают не только вопросы развития жанра антологии и литературно-художественных тенденций в период жизни Шафика, но и в целом затрагивают вопросы становления теории литературоведения, роли и места персидско-таджикского языка и литературы на территории Индии в период ухода от власти правителей персидского происхождения, всё большего распространения английского языка и языка урду на полуострове Индостан, развития поэзии, прозы и литературной критики.

Степень изученности темы. Исследование жизни и наследия самого Лачхми Нарайина Шафика было предметом изучения ещё в период его жизни, вехи которой и его творчество описаны такими исследователями, как Хусайнкулихана Азимабади в антологии «Наштари ишк» («Жало любви»), Сиддикхасанхан Ахмада в антологии «Шам`и анджуман» («Светоч собрания»), Мухаммада Кудратуллаха Гупамуи в антологии «Натаидж-ул-афкар» («Совершенство мысли») и др.

В XIX веке целый ряд востоковедов посвятили свои исследования языку, литературе и в целом, персидской литературе, что обусловило новую ступень в развитии персидско-таджикского литературоведения. Получило новое развитие и исследование жизни и творческого наследия Шафика. Алоис Шпренгер, австрийский востоковед, упоминает о месте его антологии «Гули ра`но» («Изящный цветок») и «Вечер странников» в истории

антологистики и отмечает, что указанные антологии оказали существенное влияние на произведение Мухаммада Кудратуллаха «Натаидж-ул-афкар» [131, 644]. Другие ориенталисты, такие как Денисон Росс и Эдуард Браун приводят сведения о существовании рукописи «Нахлистан» («Финиковая роща») Шафика [125, 153], трёх рукописей «Хакикатхон Хиндустан» («Реалии Индии») [125,238] и Мавлави Мирза Ашраф о существовании рукописей «Хакикатхон Хиндустон» [128, 29], «Таварихи Осафи» («Летописи Осафи») и двух трактатов под названием «Дар ибтидои офариниш» («В истоках сотворения») и «Дар ахволи баъзе салотин» («О жизни некоторых правителей») [128, 30].

Н.И. Пригарина в ходе исследования об индийском стиле и распространении персидской поэзии и литературы в Индии упомянула антологию «Гули ра'но» Лачхми Нарайина Шафика как важное произведение жанра антологии на полуострове Индостан [59, 224]. Другой исследователь Г. Алиев в подтверждение своего мнения о нравственном вкладе поэта по имени Тоджуддин, опирается на сведения Шафика, который считал его «одним из первых сладкоголосых соловьёв Индии» [52,38].

В исследованиях иранских учёных жизнь и творчество Шафика получает новый ракурс. Алириза Накави – один из первых исследователей, предоставивших наиболее подробные автобиографические сведения о Шафике и некоторой части его наследия [105, 439-445]. Накави приводит полное имя поэта, приблизительные годы его рождения и кончины [105, 439], краткие энциклопедические сведения о его наследии [105, 443-445], что открыло последующим учёным новые возможности в изучении жизни и творчества Шафика. Творчество Шафика некоторым образом изучил также выдающийся учёный Ахмад Гулчин Маани [97, 46-50]. Отличительной чертой его внимания к личности Шафика и его творчеству от других исследований состоит в том, что Гулчин Маани обосновывает свои утверждения, опираясь на сведения антологии «Натаидж-ул-афкар» [97,47-48].

Сведения, приведённые Хусайном Барзгаром в «Персидской литературной энциклопедии» (под покровительством Хасана Ануша – Н.Ш.), наиболее подробны [70, 1518-1519], однако все учёные и исследователи ограничиваются лишь энциклопедическими сведениями, несмотря на то, что биография и художественные особенности произведений Шафика могли бы стать огромным пространством для продолжительных литературных дискуссий и критической полемики.

В исследованиях профессора Наби Хади и Раиса Ахмада Нумани также приводятся некоторые сведения о жизни Шафик [124, 301] и кратко рассмотрено его творчество [124, 302; 103, 18]. После публикации стараниями Мухаммада Акбаруддина Сиддики в 1977 году книги «Шоми гарибон» («Вечер странников»), его автобиография [88,3-5], его взаимосвязь с Озод Балгирами [88,6-7], важнейшие особенности антологии «Вечер странников» [88,8-10] были исследованы более подробно. Однако языковые, стилистические особенности, влияние данной антологии на последующие антологии, её место в развитии данного жанра антологии, остались без должного внимания Мухаммада Акбаруддина Сиддики.

В таджикском литературоведении о жанре антологии в истории персидско-таджикской литературы, специфических особенностях отдельных антологий и их художественной ценности осуществили исследования или же опубликовали отдельные научные статьи такие выдающиеся учёные, как А. Мирзоев, Р. Хадизаде, У. Каримов, А. Афсахзод, Р. Мукимов, Б. Валиходжаев, М. Мирзоюнус, З. Гаффорова, С. Вохидов, А. Набави, Ш. Мухаммадиев, Х. Каландаров, М. Окилова, С. Азамзод, И. Эшонкулов, С. Окилова, Э. Раджабов, А. Рахимов и др., или же частично ссылаются на антологию при исследовании других произведений. Лишь Х. Каландаров в своем исследовании «Хизонаи Омира» («Сокровищница правителей») Мир Гулямалихана Озода - как источник изучения истории персидской литературы IX-XVIII веков» отчасти исследует место антологий «Изящный цветок» и «Чаманистони шуаро» («Поэтический цветник») в становлении

жанра антологии на полуострове Индостан [34,6]. Никто из упомянутых выше отечественных и зарубежных учёных не изучал автобиографические сведения, наследие поэта, особенности творчества Лачхми Нарайина Шафика, его антологию «Вечер странников», её стилистику, художественную ценность, критическое исследование произведения, вопросы сравнительного анализа с другими произведениями данного жанра, что и стало ключевыми вопросами нашего осуществлённого исследования.

Научная значимость исследования состоит в том, что в рамках научного исследования впервые изучена жизнь Лачхми Нарайина Шафика - известного персоязычного антологиста полуострова Индостана, его наследие, художественная ценность антологии «Вечер странников», её структура и содержание, сравнительный анализ классификации и способы составления с другими аналогичными произведениями предыдущих и последующих периодов, определение роли указанной антологии в истории персидско-таджикской антологистики и вклад Шафика в развитие персидско-таджикского языка. Осуществленное исследование антологии «Вечер странников» и, в целом творчества его автора, является одним из первых исследований в данном направлении, всесторонне рассматривающее структурно-композиционные особенности произведения, художественно-стилистические аспекты антологии, остававшейся до настоящего периода вне рамок научного исследования.

Основная цель и задачи исследования. Настоящее научное исследование осуществлено в целях всестороннего изучения автобиографии и творческого наследия Лачхми Нарайина Шафика. Для достижения и решения указанной цели нами поставлены следующие задачи исследования:

1. Взгляд на жизнь и творчество Лачхми Нарайина Шафика на основании литературно-исторических источников и существующих научных исследований в данном направлении;

2. Исследование поэтического, прозаического, а также исторического наследия Шафика;
3. Определение места антологии «Вечер странников» Лачхми Нарайина Шафика в истории персидско-таджикской антологий;
4. Исследование художественной и научной ценности антологии «Вечер странников»;
5. Исследование стилистических и жанровых особенностей антологии «Вечер странников»;
6. Изучение теоретических взглядов литературной критики в XVIII веке на примере антологии «Вечер странников»;
7. Определение важнейших композиционных особенностей антологий в XVIII веке и подражание Лачхми Нарайяна Шафика предыдущим антологиям;
8. Исследование влияния антологии «Вечер странников» Лачхми Нарайна Шафика на последующие антологии.

Практическая значимость исследования. Практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты исследования могут быть использованы при составлении учебников по истории таджикской литературы, теории литературы, учебных материалов и практических занятий по спецкурсам «Источниковедение», «Персоязычная литература Индии», при проведении практических занятий на филологических факультетах, а также как дополнительный материал для курсовых и диссертационных исследований.

Источниками исследования являются антология («Вечер странников») (издание Анджуман таракки Урду-Карачи) и «Гули ра'но» («Изящный цветок») Лачхми Нарайина Шафика (литографическая печать) № 6413, хранящаяся в библиотеке Университета Торонто в Канаде. Важными источниками для уточнения автобиографических сведений Шафика послужили антологии «Натаидж-ул-афкар» Мухаммада Кудратуллага Гупамуи, «Наштари ишк» Хусайнкулихана Азимабади, «Шам'и анджуман»

(«Светоч собрания») Сиддикхасана Ахмада; в сравнительном исследовании научной и художественной ценности антологии Шафика были использованы сведения антологий «Сарви Озод» («Вольный человек») Мир Гулямалихана Озода Балгирами, «Тазкираи Насрабади» («Антология Насрабади») Мирзы Мухаммадтахира Насрабади, «Каламат-уш-шуара» Мухаммадафзала Сархуша, «Натаидж-ул-афкар» Мухаммада Кудратуллаха Гупамуи и «Корвони Хинд» («Индийский караван») Ахмада Гулчина Маани. В вопросе исследования развития жанра персидско-таджикской антологии мы обратились к научным исследованиям «История персидских антологий» Ахмада Гулчина Маани, «Жанр персидской антологии в Индии и Пакистане» Алиризы Накави, «Библиографический свод персидских рукописей» Ахмада Мунзави и другим существующим по теме исследования изысканиям.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в таджикском литературоведении рассмотрена личность, биография известного поэта, прозаика, историка и антологиста Лачхми Нарайина Шафика, его до настоящего времени неисследованная антология «Вечер странников», её композиция, стилистика и жанровые особенности, художественная и научная ценность, стилистика, взаимовлияние персидско-таджикских антологий, важнейшие тенденции развития жанра антологии в XVII-XVIII веках, вклад Шафика в развитие персидской антологии на полуострове Индостан. Диссертация знакомит исследователей персидско-таджикской литературы с незаурядной личностью Лачхми Нарайина Шафика, его поэтическим и прозаическим мастерством, обширными знаниями в области истории и литературной критики.

Методология исследования. Важным условием для успешного осуществления научного исследования является выбор методологии. При написании диссертации основными методами исследования стали составляющие комплекс исследовательские методы: сравнительно-исторический, статистический метод и метод композиционного анализа. Диссертант в ходе исследования воспользовалась методами исследования

известных ориенталистов и литературоведов, таких как Ахмад Гулчин Маани, Саид Нафиси, Алириза Накави, Тавфик Субхани, А.Шпренгер, Э.Браун, Е.Э.Бертельс, Н.И.Пригарина, А.Мирзоев, З.Ахрори, Р.Хадизаде, Х.Шарифов, А.Насриддин, А.Сатторзода, З.Гаффорова и др.

Основные положения, вынесенные на защиту:

- Наряду с тем, что Лахчми Нарайин Шафик являлся одним из успешных поэтов и прозаиков, слава пришла к нему после написания антологии «Вечер странников», оставившей неизгладимый след в развитии жанра антологий. Это произведение, несмотря на наличие большого количества новшеств, открывающие новые направления в написании персидско-таджикских антологий и имеющие важное значение для исследования таджикской литературы до настоящего времени, оставалось без должного внимания таджикского литературоведения и не становилось предметом отдельного, глубокого и всестороннего исследования.
- Наряду с тем, что антология написана в традиционно архаичном стиле, автор вместе с углубленным вниманием к автобиографическим данным каждого из поэтов, также оценивает его место в литературе, приводит сведения о дошедшем наследии, о наличии поэтического собрания или его отсутствии, степени авторитетности в поэтических кругах, примыкания поэтов к мистическим течениям, суфизму и суфийским обителям, в отдельных случаях излагает критический взгляд на препятствия, мешающие в сочинении изящной поэзии и многом другом. Это свидетельствует о том, что книга может служить также важным научно-историческим источником.
- Вопросы стилистики написания и языковых особенностей, способов изложения Шафика в антологии «Вечер странников», отличающихся изящной и красивой прозой, наполненных художественными средствами выражения, демонстрируют нам высокое писательское мастерство. Выбор поэтических образцов, особый взгляд и подход с критической оценкой к поэзии является ещё одним аспектом, требующим всестороннего научного анализа. Цитирование выдающегося современника Шафика - Мир Озода

Балгирами – прекрасное знание поэтического наследия предшественников и осуществлённые им сравнительный анализ и критическое исследование демонстрируют его литературоведческое мастерство.

- XVII–XVIII века являются периодом расцвета жанра антологии на Индийском полуострове, ведь именно в этот период наблюдается развитие многих его аспектов. Антологии, появившиеся в этот период, стали не только авторитетными литературными источниками, но и сыграли важную роль в исследовании исторических, культурных, социально-нравственных вопросов данного исторического периода. Антологии указанного периода содержат традиционно не только сведения о поэтах, живших в ту эпоху, но и множество жанровых и стилистических новшеств, одним из ярчайших примеров которого является антология Лахми Нарайина Шафика.

- Источники мировоззрения и цитирования Лахми Нарайина Шафика - «Сарви Озод», «Маджмаъ-ул-нафаис», «Арафат-ул-ашикин», «Тазкире Насрабади», «Каламат-уш-шуара» и множество других – стали центральной осью сравнительного анализа антологии «Вечер странников».

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре таджикского языка и литературы факультета восточных языков Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова 30 октября 2018 года (протокол №8). Основные теоретические положения и результаты диссертационного исследования были изложены в 7 статьях и публикациях автора, в том числе в 4 статьях помещённых в научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и образования РФ. Также основные положения диссертации нашли своё отражение на теоретических семинарах кафедры языка и литературы факультета восточных языков ХГУ им. академика Б. Гафурова, а также в докладах на ежегодных научных конференциях преподавателей и молодых учёных Согдийской области (2011 – 2018 г).

Структура и объём диссертации включает введение, три главы, девять соответствующих разделов, заключение, список использованной литературы. Общий объём диссертационного исследования составляет 166 страницы компьютерного набора.

ГЛАВА I. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ЛАЧХМИ НАРАЙИНА ШАФИКА

I.1. Краткая биография Лачхми Нарайина Шафика

На Индийском полуострове продолжавшиеся нескончаемой волной завоевательные походы Махмуда Газневида во многом способствовали проникновению исламской веры и культуры, наряду с чем получили огромное распространение персидско-таджикский язык, литература и культура. Несмотря на существование незримой и прочной, уходящей далеко вглубь древних веков взаимосвязи между таджикским и индийским народами, благодаря завоевательным войнам Махмуда Газневида, которого всегда сопровождали поэты и учёные, исследователи и философы, персидско-таджикский язык и культура получили величайший статус на этой обширной территории. Если одним из мотивов распространения персидско-таджикского языка, литературы и культуры на полуострове Индостана можно считать распространение исламской веры, то ещё более главным мотивом упрочения иранской культуры признаются торговые и лишенные политического окраса отношения, существовавшие между народами ещё в стародавние времена. Распространение персидско-таджикского языка на обширной территории Индии, его господство в течение многих лет стали причиной его главенства при дворах и в других административных единицах, на нём издавались приказы и распоряжения, сочинялись величайшие поэзия и проза, развивались философская наука и естествознание. Наследие, оставленное персоязычными поэтами и прозаиками, учёными и философами в указанный период, всё ещё остаётся неисследованным, многие вопросы ждут своего анализа и изучения. Кладёзь персоязычной литературы Индии ждёт своих искателей и первооткрывателей, требует всестороннего и дотошного исследования многих произведений и научных работ.

Как уже нами отмечалось, персидско-таджикская литература в Индии получила своё развитие в период правления Газневидов, а в дальнейшем достигла высочайшего пика приправлении Тимуридов Индии.

Говоря об огромном научном, литературном и философском (мистическом) наследии, следует отметить роль поэтов в развитии персидско-таджикского языка. Именно посредством поэзии персидско-таджикский язык стал доступен и простому народу; в обителях, проповедующих аскезу и глубокое изучение философии мироздания, обучение велось на персидско-таджикском языке, а поэзия имела необычайную силу воздействия в процессе обучения суфийской философии. Для полного понимания поэтического языка, языка иносказания и аллегорий, воплощённых в диванах, масневи и поэмах, специально создавались словари и комментарии, а также многочисленные антологии, служащие важнейшими источниками критического анализа поэтического мастерства и таланта, и «Вечер странников» является образцом такой антологии, написанной поэтом, историком, прозаиком и антологистом-энциклопедистом Лачхми Нарайином Шафиком.

Его полное имя - Мотхар Лачхми Нарайин, а Шафик является его литературным псевдонимом [105,439]. Его предки были из племени Кехтари-Капур [70,1518]. Согласно источникам сведений о Шафике, его дедушку звали Бхавани Дас, и он был родом из Лахора [20,395; 8,235;105,439]. Лишь в сведения Хусайнкулихана Азимабади немного различаются, которые в отличие от других, не упоминает Лахор, а говорит о Пенджабе [18,439]. В «Энциклопедии персидской литературы» подтверждаются сведения о происхождении дедушки Шафика из Пенджаба [70,1518]. Собственно сам Шафик в антологии «Изящный цветок», приводя автобиографические сведения, прямо указывает Лахор, как родину своих предков[15,19].

В целом, каждый источник, приводящий сведения о Лачхми Нарайине Шафике, обязательно упоминает полное имя его отца и его дедушки, которые указывает точно Манса Рам - отец Нарайина Шафика в книге «Маасир

Низами» («Милость Низами»), вероятно принадлежащей его перу. На основании этого источника можно утверждать, что имя отца поэта было Манса Рам, дедушки – Бхавани Дас Газиюддинхани, прадедушку звали Кишан Абидхани [105,439]. Из этих сведений следует, что предки поэта имели тесные связи с двором, отец поэта непосредственно занимался историографией.

Вероятно, вследствие того, что дедушка Лачхми Нарайина Шафика сопровождал войско Аурангзеба – Завоевателя мира (1658 – 1705) и вошёл в Аврангабад в целях распространения исламской веры, к его имени было добавлено почётное звание «Газиюддин». Упоминание имени дедушки поэта в ряду важнейших исламских борцов за веру, завоевавших в составе войска Аурангзеба различные области Индии, говорит о высоком статусе его предков. После получения почётного звания борца за веру, защитника ислама при дворе, после смерти Бхавани Даса этого званиям также был удостоен Манса Рам [20, 395;8, 236; 70, 1518; 18,847].

Согласно источникам, дедушка Шафика умер рано, тогда отцу Шафика было всего лишь двенадцать лет [20,395; 18,847], однако, в связи с проницательным умом и сообразительностью Манса Рам через некоторое время был принят на службу к одному из правителей Аврангабада - Нуввабу Самсомуддаву Бахадурхану Аврангабади. Мир Озод Балгирами, имевший в дальнейшем огромное влияние на становление личности самого Лачхми Нарайина Шафика, также был в хороших отношениях с отцом Шафика и именно по его рекомендации Манса Рам удостоился высокой должности при дворе. Это упоминает автор «Энциклопедии персидской литературы»: «Манса Рам после смерти отца по протекции одного из своих родственников по имени Лала Джасванат Рай и в период Низамулмулька Асафджаха - основателя династии Асафджахов в Декане, стал управляющим в шести областях Декана и далее Самсомуддава Бахадур покойный Аврангабади (имеется в виду Шахнавазхан (1699-1758) - *Ш.Н.*) во время своего правления по поручению господина Озода (да продлится долго его величие) назначил

его на должность и даровал ему управление Деканом» [70,1518]. Отец Лачхми Нарайина Шафика - Манса Рам наряду со службой при дворе, как уже нами указывалось, также писал исторические произведения. Ахмад Мунзави в «Своде» упоминает о произведении «Завобити дарбори Осафджох» или «Завобити Осафджох» («Завоевание двора Осафджоха»), которое написал Мансар Рам Мунши - сын Бхавани Даса. Это произведение посвящено вопросам государства Низамшахов и его управления, а также предоставляет некоторые исторические сведения [122,1391]. Книга начинается следующими словами:

حمد الله و نعت احمد
دو قالب و جان واحد آمد

[122,1391].

*Хвала Аллаху и Ахмаду слава,
Слились два образа, но едина их душа.¹*

Данное произведение известно под различными названиями: «Закон двора Осафджоха», «Законник», «Маасир Низами».

Следует отметить, что в антологиях о жизни самого Шафика биографических сведений очень мало. Известно лишь то, что Шафик родился в городе Аврангабад Декана в 1158/1745 году; его имя, как свидетельствует Алириза Накави, было записано как «Мотхар» из племени Кехтари-Капур [105,439]. Большинство составителей антологий по причине отсутствия сведений о самом поэте упоминают некоторые автобиографические моменты его отца и деда. Например, в антологии «Шам`и анджуман» упоминается: «Шафик, Мунши Лачхми Нарайин Аврангабади - ученик покойного Мир Озода. У него две антологии, одна под названием «Изящный цветок» и другая - это его написанный чистейшим языком «Вечер странников». Он был из племени Кехтари, родом из Лакхора. Его дедушка Бхавани Дас вместе с войском Завоевателя (Аурангзеб - *Н.Ш.*) вошёл в Декан, проживал в Аврангабаде.

¹ Здесь и далее стихи и цитаты источников переведены на русский язык автором диссертации.

Шафик вместе с высочайшими придворными - стал величайшим наместником Низамалихана Бахадура...[8,235-236].

Примечательно, что Шафик в антологиях всегда приводит очень краткие сведения о себе. Например, только в антологии «Изящный цветок», упоминая предков и своё происхождение, автор указывает дату рождения, не упомянутую в других антологиях: «Автор открыл глаза на мир в цветущем Аврангабаде второго сафара самана хамсина и миа и алф...» (1157 года - равного 5 марта 1745 года - *Ш.Н.*) [15,93].

Известно, что у Лачхми Нарайин Шафика был сын по имени Раджа Рам, который как, и его предки, служил на государственной службе при дворе и также имел почётное звание «*Муниши*» (секретарь). Ахмад Мунзави об «Избранном из «Шахнаме» Фирдоуси» упоминает, что данное изложение принадлежит Радже Раму ибн Лачхми Нарайин [122,993]. В другом месте он утверждает, что изложение принадлежит перу самого Нарайина Шафика [122,995], что, вероятно, является неверным, так как ни в одном из авторитетных источников нет сведений о кратком изложении «Шахнаме» Шафиком и следует понимать, что это произошло вследствие неправильной записи имени Шафика - Лачхми Нарайина после его сына, и энциклопедисты восприняли это как произведение, принадлежащее Шафику. Однако нами было указано, что там упоминается имя его сына Раджа Рама. Например:

جامه اين نمود رفوع

ام نرايين ز بسى آرزو

[122,995].

С большими надеждами Рам Нарайин,

Снял покровы с этого письма...

В другом месте это подчёркнуто ещё более ясно:

منتخب رام نرايين به نام

خواند ورا هاتف فروخيپام

[122,995].

И провозгласил глашатай, предвестник удачи,

Как «Избранное поэзии Рам Нарайина»

Однако, когда уточнили дату написания - 1140/1727 год, можно допустить вероятность того, что произведение написал отец Шафика - Манса Рам, хотя данное утверждение остаётся спорным.

Кроме сына, у Шафика по его же утверждениям в антологии «Изящный цветок», имелся брат, прославившийся как поэт. Так он приводит: «Захин - Руп Нарайин, да пребудет ему божеская милость, досточтимый брат. Родился в понедельник, двадцать четвёртого джамодиулаввала иснейна и ситтина и миа и алфа (1162/1749 - *Ш.Н.*). Признаки счастья и благоволения отражаются на его лице. Имел при дворе правителя стран, покойного Осафуддавлы достойную должность и его звание «Дажлашанд» (Давлатчанд). Он немного пишет стихи, о сочинениях своих слушает критику Озода (да продлится долго его величие) и Хана премудрого (да пребудет с ним благодеяние Аллаха). По воле Аллаха, постепенно он тоже станет опытным. Воистину Аллах пречистый и всемогущий да преумножит его жизнь и богатство» [15, 77-78]. Из приведённых нами важных сведений выясняются несколько достоверных фактов биографии Шафика. Автор при упоминании брата посредством слова «а`йани» подтверждает причастность своего брата - Руп Нарайина к придворной службе. А также он точно указал его год рождения 1162/1749 г. И третье, с пожеланием «Воистину Аллах пречистый и всемогущий да преумножит его жизнь и богатство» также подтверждает, что в момент написания антологии, то есть в период с 1181/1767 по 1182/1768 г. его брат был в полном здравии и ему было тогда 19 лет.

Лачхми Нарайин Шафик в антологии «Изящный цветок» точно указал, что его отец - Манса Рам в период написания антологии был в добром здравии [15, 95]. Шафик, как и его досточтимые предки, брат и его сын, также имел отношение к государственной службе и был удостоен звания «Дажлашанд» [15, 94].

По вопросу изучения наук, имевших значимость и распространение в период жизни Шафика, сведения источников отсутствуют. Вероятно, он изучал науки у наставников и учёных при дворе Низамшахов, так как у его

предков в Декане были особые взаимоотношения с данной правящей династией. Принимая во внимание сведения антологий о должности отца Шафика, предполагается, что он с детства ходил на службу ко двору правителей Декана и Аврангабада вместе с отцом, из чего следует, что ученые этой местности имели существенное влияние на образование Шафика. Особое влияние можно отметить в лице Мир Гулямалихана Озода, о дружбе которого с отцом Шафика - Манса Рам было выше отмечено. В книге «Энциклопедия персидской литературы» приводятся сведения о получении им образования у Шейха Абдулкадира Мехрубана, у которого Шафик обучался персидскому языку и другим наукам. По сведениям указанного источника и других книг Шафик с молодых лет увлекался поэзией [70, 1518] и получил первый поэтический псевдоним «Сахиб», который дал ему первый наставник в науках Шейх Абдулкадир Мехрубан [70, 1518]. Однако позднее, став последователем и почитателем Шейха Озода Балгирами в 1176/1763 году, по рекомендации своего почитаемого наставника, он стал называться «Шафик» [15, 95]. Этот факт сам Шафик отмечает следующим образом: «В прошлом под наставничеством того благословенного господина он полюбил поэзию, сочинял строки или двустиишия под псевдонимом «Сахиб». Когда господин Озод в 1176 году узнал об этом псевдониме, то пожаловал ему имя «Шафик» [15, 95].

Следует отметить, что Шафик в поэзии на языке урду, отдавая дань уважения своему первому учителю и наставнику, навсегда остался под псевдонимом «Сахиб».

Шафик состоял в дружеских отношениях со многими известными учёными и поэтами того времени, в числе которых Мир Озод Балгирами был одной из самых авторитетных личностей для него. Шафик был истинным последователем и почитателем Мир Озода Балгирами, поэтому в антологии «Вечер странников» он посвятил 29 страниц описанию его биографии и избранной поэзии известного ученого [14, 289-318]. В отдельной статье антологии Шафик описал важнейшие даты жизни Мир Озода Балгирами и

представил читателям избранную поэзию, и не удержавшись также от приведения небольшого прозаического отрывка в честь своего уважаемого учителя, который отозвался о нем как об опытном прозаике [14, 315-361]. В книге «Джавахир завахир» («Жемчужины драгоценностей»), воспевая мастерство и величие своего наставника и учителя Мир Озода Балгирами, он отмечает: «... с этим сейчас я заканчиваю перевод этой книги и открываю себе двери из дверей счастья. Не скрою, что ваш покорный слуга Шафик также написал отдельную книгу в пять тысяч строк в подражание и во славу того господина (Мир Озод Балгирами - *Н.Ш.*)» [14, 289].

Шафик в антологии «Изящный цветок» свою глубочайшую привязанность и уважение к Мир Озоду Балгирами выразил следующим образом: «Господь, да увеличит величие его, хранит это дерево, тень раскидывающее над покорным слугой вашим, пусть всегда и вечно. Автор отмечает:

فوق عرش است خرام آزاد	لا مكان است مقام آزاد
فلک پیر؟ به نام آزاد	به چه گردان ز کواکب هر شب
برق رخشان حسام آزاد	خرمن هستی اعدا سوزد
مورد رحمت عام آزاد	در گلستان جهان هر گل و خار
آب خضر است به جام آزاد	جدّ او ساقی کوثر باشد
گر برد باد پیام آزاد	گل شود گوش همه تن به چمن
می کند وصف کلام آزاد	بیش آئینه ضمیران طوطی
ساغر عیش به کام آزاد	ای خداوند جهان باد مدام
هر که گردید غلام آزاد	صاحب هر دو جهان است شفیق

[15, 94-95].

Нет предела величия знатного Озода,

Над землей шагает стая Озода.

Кто движет звездами каждую ночь,

Старый небосвод? По имени он - Озод.

Пылает суть врага нещадно,

От взгляда блестящего Озода.

*В цветнике мира каждый цветок,
Колени преклоняет пред Озодом.
Его предок виночерпий Кавсара,
А в кубке напиток Хызра у Озода.
Цветок всем станом тянется туда,
Откуда ветер весть несет от Озода.
Пред беспорочными людьми соловей.
Воспевает речь благодатную Озода.
О, Господь миров, пусть вечно,
Кубок жизни пребывает в руках Озода.
Владыкой двух миров, Шафик, стал тот,
Кто стал рабом покорным Озода*

Согласно сведениям автора «Встречи странников» он был связан узами большой дружбы с известным поэтом того времени Рустамалиханом Арифом Шуштари, прибывшем в Индию. Когда Шафик подарил ему две свои книги - «Изящный цветок» и «Жемчужина драгоценностей», Рустамалихан написал в его честь хвалебные стихи, на что Шафик также написал в ответ стихи в жанре саки-наме, образец которого приведен в антологии [14, 191-192].

О путешествиях поэта сведения отсутствуют. Из его творчества можно понять, что Шафик до конца жизни не выезжал за пределы Декана, однако некоторые его произведения, к примеру «Мираату Хинд» («Зеркало Индии»), «В описании Хайдарабада» и др., относятся к описанию различных областей Индии, вероятно, он бывал в этих областях, совершал путешествия в различные регионы страны.

По мнению многих источников, годом смерти Шафика назван 1113/1702 год [20,400; 8, 236; 97, 48], однако по утверждению Алиризы Накави [105, 440], эта дата не является достоверной. По нашему мнению, вероятно, при написании важных дат биографии дедушки и отца Шафика авторами антологий «Шам`и анджуман» и «Натаидж-ул-афкар» дата смерти Шафика

ошибочно была записана как дата одного из них, или произошла простая ошибка при переписи рукописи. Дата, указанная в антологиях, не соответствует дате смерти Шафика и автор антологии «Наштари ишк» («Жало любви») указывая на это, отмечает: «... дата смерти не установлена» [18, 847]. По утверждению Алиризы Накави, он умер приблизительно в 1223/1808 году в Хайдарабаде [105, 440] и эту дату он обосновал тем, что на первой странице рукописи «Изящный цветок» (литография, Хайдарабад) написано: «написал Шафик, умер в 1223 году хиджры». По нашему мнению, дата смерти, указанная Накави, является убедительной, так как если Шафик родился в 1157/1745 году и датой смерти нами признается 1223/1808 год, то поэт умер в возрасте 66 лет.

Наряду со сведениями о жизни Шафика из источников, важным автобиографическим источником являются его произведения, где он приводит краткие отрывки. К примеру, в антологии «Изящный цветок», он, описав жизнь и творчество поэта под псевдонимом «Бегам», приводит: «Бегам - Бахупат Рай, также как и автор этих строк, был из племени Кехтари...» [15, 32], что определяет его племенное происхождение. Или же в антологии «Вечер странников», говоря о Мир Масуме Тасалли, Шафик отмечает: «... как и автор этих строк, был мастером в гадании и даже написал трактат об этом ремесле...» [14, 61]. Из этих кратких ссылок можно проследить важные моменты биографии Шафика. К примеру, упоминание имени Шафик в разделе о поэтах-немусульманах в антологии «Изящный цветок» свидетельствует о том, что он не принадлежал исламскому мировоззрению, а также был искусен в гадании и предсказаниях.

О жизни Лачхми Нарайина Шафика нами сделаны следующие выводы:

1. Сведения о жизнеописании Лачхми Нарайина Шафика в литературных источниках весьма малочисленны, в связи с этим, составители антологий часто ограничивались упоминанием родословных его дедушки и отца.
2. В связи с отсутствием сведений Шафике можно обнаружить автобиографические сведения в произведениях самого Шафика,

проливающие свет на спорные вопросы о дате его рождения, смерти, месте рождения и пр.

3. Шафик с раннего детства был вхож в придворные круги Низамшахов и правителей Декана и Аврангабада, что несомненно обусловило существенное влияние учёных этих дворов на его личностное и творческое становление. Особое влияние на него имел Мир Озод Балгирами.

4. Из кратких цитат в различных произведениях самого Шафика и других источниках, упоминающих сведения о нём, можно проследить некоторые характерные особенности мировоззрения, жизни и быта поэта, к примеру о семейном составе, наличии брата и сына, о принадлежности к иной, немусульманской вере.

I.2. Литературное наследие Лачхми Нарайина Шафика и его место в персоязычной литературе Индии XVIII века.

Лачхми Нарайин Шафик оставил после себя богатое литературное и научное наследие, изучение которого до настоящего времени оставлено без должного внимания исследователей. Большинство исследователей и энциклопедистов, упоминая о богатом творческом наследии Шафика, ограничились только лишь упоминанием названий произведений и их тематики, в связи с этим, все последующие цитирования стали однотипными и однообразными.

Первой характерной особенностью его творчества можно назвать его многогранность, делящих его наследие на следующие группы:

1. Литературное наследие;
2. Произведения по теории литературы;
3. Исторические произведения.

Такая классификация наследия Шафика в некоторой степени облегчает его исследование, так как некоторые источники название одного произведения, упомянутого под различными именами, считают отдельными произведениями.

Литературное наследие. Лачхми Нарайин Шафик сочинял на двух языках: персидском языке и языке урду. В связи с этим, наследие Шафика дошло до нашего времени на двух языках, к примеру, в своде произведений автора существует «Диван» на персидском языке, а также на языке урду. Наряду с избранной поэзией можно назвать масневи «Аksam-ун-нисван» (на языке урду), и поэтическое произведение «Джавахир завахир» (на персидском языке), написанное в честь духовного наставника поэта - Мир Гулямалихана Озода Балгирами [97, 49].

Сведения о рукописях избранной поэзии поэта приводит большинство энциклопедистов, в числе которых Чарльз Рё, Герман Эте, Ахмад Мунзави и другие. Однако в связи с тем, что избранная поэзия Шафика до настоящего времени не удостоилась публикации, что существенно осложняет доступ к её

изучению, мы собрали фактологические материалы из антологий, просто упоминавших некоторые сведения о Шафике. Другим источником нашего исследования поэтического языка Шафика стали антологии самого поэта. К примеру, в антологии «Изящный цветок» им приводится 182 бейта стихов [15, 94-115], в антологии «Вечер странников», упомянуты 36 бейта в размере десятистрочного *мухаммаса* [14, 319-322]. Также при упоминании биографии Рустамалихана Арифа Шафик приводит 26 бейтов, написанных в честь поэта им самим в жанре саки-наме [14, 191-192] или же при исследовании поэзии Имтиязхана, Шафик в подражание поэта приводит полностью свою газель, состоящую из 7 бейтов.

Стилистика его газелей схожа со стилем Бобо Фаргони, Назири Нишапури, Зухури Туршези и др., его поэзия, как и поэзия множества поэтов-современников, лишена изящества и метафорической игривости и витиеватости Бедиля, прославившегося поэзией в индийском стиле. В связи с этим, Шафика можно отнести к группе последователей более “рассудительного направления” индийского стиля поэзии. Наряду с такой характерной чертой, поэзия Шафика не лишена всецело парадоксальных картин и двусмысленного изложения, что нами будет рассмотрено в нижеследующих разделах. Можно привести газель из его дивана в доказательство его простого и «без прикрас» изложения:

دایم از باد صبا می شنوم بوی ترا	گرچه ای دوست ندیدم چمن روی ترا
هست آئین گلستان ارم کوی ترا	هر که آنجا برود باز نگردهد هرگز
ماه نو گر نگردهد گوشه ابروی ترا	بر زمین آمده از دور زمین بوس کند
گر نه بیم به چمن سنبل گیسوی ترا	سنبل تازه و تر دود شود چشم مرا
آرزوی به ازین نیست دعا گوئی ترا	خواهد از گوشه چشمت نگه لطف شفیق

[14, 319].

Хотя, мой друг, не видел лика цветника,

Ветер доносит мне всегда твой аромат.

Кто поспешит туда, не вернётся уж обратно,

Ведь как цветник Ирама твоё жилище.
Издалека спускается и целует землю,
Если вдруг месяц излучину бровей твоих увидит.
То свежий гуанцинтна бровь мою наложит дымку,
И не увижу в цветнике твой локон, я.
Хочу узреть лишь взгляд очей твоих, Шафик благословенный,
Другой мечты нет у меня, молю тебя об этой только

Приведённая газель и большинство других газелей поэта написаны также просто, без вычурности и излишней церемониальности. В связи с этим, его стиль относится и к хорасанскому и иракскому стилям, чем к индийскому стилю поэзии. То есть, становление Шафика как поэта пришлось на время популярности изощрённой интеллектуальности стиля Бедиля, однако стихи он начал писать под влиянием поэтов первой волны индийского стиля, таких как Назир Нишапури, Зухури Туршези, Урфи Ширази, Кудси Мешхеди и другие, которые были последователями школы Бобо Фигани. Поэтому его поэзии свойственна устойчивая соразмерность, меткие, словно отчеканенные определения и особая притягательность. К примеру:

به كار خويشتن اين مست هشیار است می دانم	به صید دل نگاه او خبردار است می دانم
سخن گفتن به عاشق بر تو دشوار است می دانم	حیا هر لحظه مهری می زند درج دهانت را
سخن گفتن به عاشق بر تو دشوار است می دانم	حیا هر لحظه مهری می زند درج دهانت را
ترا انکار آن در رنگ اقرار است می دانم	ز قتل منکری اما زبانت می کند لکنت
شب تار ترا این شمع درکار است می دانم	دل روشن نیاز طره مشکین او کردم
که روزی چند شد بسیار بیمار است می دانم	صبا از کوچه او گر نمی آید نمی رنجم

[14, 319].

Её глаза охоту сердца лукаво наблюдают, ведомо мне,
Хоть и пьяна, в делах своих трезва вполне, ведомо мне.
Стыд сковывает уста твои жемчужные всегда,
Любви слова сказать тебе так трудно, ведомо мне.

*Хоть убийство моё отрицаешь, но запинаясь язык,
Твое отрицание, как чистое признание, ведомо мне.
Благоуханье локона её желает душа горящая моя,
Ведь в мрачной ночи нужна тебе свеча, ведомо мне.
Нет ветерка благоуханного из покоев её, но не обижаюсь я,
Ведь сколько дней уже больна она, ведомо мне*

Неброский взгляд лишь во вступлении к газели может сказать, что поэтический язык Шафика невероятно соразмерен и одновременного изящен и прост в уподоблениях. То есть, взгляд возлюбленной подобен искусному взгляду охотника, который чувствует движение сердца. В персидско-таджикской литературе образ возлюбленной имеет многочисленные сравнения и уподобления, во второй строке поэт мастерски использовал таджикскую пословицу «Безумен, но умён в своих делах». Такая образность и изящество свойственны в целом всей его поэзии, имеющей определённую художественную ценность.

Необходимо отметить, что индийский стиль, воспетый Бедилем, на поэзию Шафика наложил неизгладимый отпечаток. То есть, поэт, используя неожиданные сравнения и притчи, постепенно приближался к кругу поэтов, последователям поэзии Бедиля. К примеру:

فروغ جلوہ او سیلِ گریہ مارا طلوعِ ماہ کند بیش آبِ دریا را
[20, 848].

*Лик взошедший её слёз наших горьких потоки рождает
Сильнее, чем месяца серп вздымает поток реки.*

Или же:

خیالِ نرگس او سوی دلِ مستانہ می آید خدا حافظِ سیاهِ مستی به میناخانہ می آید
[20, 849].

*И вспоминаю как ачи её, в душу твою вливаюсь, взывает в
отчаяньи к ней,
Хранит вас Бог, произвольно дева чернокожая помимо воли
к кабаку плетётся*

В первом бейте смысл имеет скрытый, иносказательный характер, где поэт хочет сказать, что, увидев лицо возлюбленной потоки слез наших возрастают, также как и восход месяца увеличивает поток реки. В данном бейте использована стилистическая фигура *ибхам*, однако бейт по стилистике соразмерно скомбинирован.

Во втором бейте Шафик применил художественный прием - *таихис* (олицетворение), стих приобретает абстрактное обобщённое значение, даже несколько размытое.

Наряду с использованием употребляемых художественных приёмов и фигур поэзии, присущее всем поэтам-современникам Шафика, поэзии исследуемого периода свойственна еще одна характерная черта. К примеру, поэзия Шафика, наряду с простотой, имеет изящную привлекательность и не лишена новых приёмов в описании традиционных образов, понятий и событий. В качестве примера приведём бейт из его поэзии:

خال تو دل مرا خراشد این زاغ چه کاو کاو دارد؟

[20, 849].

*Родинка твоя скребёт мою душу,
Что ищет там ворон чёрный тот?*

В персидско-таджикской литературе встречается сравнение бровей возлюбленной с крылом ворона, однако родинка возлюбленной также сравненная с вороном, является красивым поэтическим уподоблением, а к слову «*харошидан*» -«скрести, царапать» поэтом применен художественный приём *таихис* (олицетворение).

Другой чертой, свойственной красивой и лиричной поэзии Шафика, является идеальная гармония лексики. Хотя соразмерность слова и его плавная связь, незримое соединение словосочетаний и оборотов в поэзии индийского стиля является первостепенной особенностью, часто тяга к высокопарности и витиеватости изложения приводит к некоторой непонятности и недостижимой двусмысленности. Однако поэзии Шафика эта особенность присуща в малой степени и даже в сложной по размеру и

содержанию поэзии он придерживается разумной гармонии и смыслового паритета. К примеру:

همی که شور جنون آشکار خواهم کرد هزار جیب نیاز بهار خواهم کرد

[20, 849].

В тот миг, когда кипение страсти охватит меня по весне,

Все путы покровов запретных, что давят нещадно, сорвать вазжелаю

Значение этого бейта заключается в том, что поэт, раскрывая своего «кипения страсти», тут же говорит о разрывании покровов. Образ «покрова» является раскрытием тайны страсти и образ «весны» подразумевает пробуждение природы, которая в мистической поэзии олицетворяет полное растворение влюбленного в любви к возлюблённой, является образом духовного пробуждения влюбленного и весной, когда набухают почки и они «рвут свои покровы», это приводит поэта в восторженный поэтический экстаз и он хочет сорвать тысячи покровов ради весны.

Поэзии Лачхми Нарайин Шафик присущи необычайная мелодичность и гармония звука. К примеру, в редифе нижеследующей газели слова «шуд» и «шуда» идут вслед за друг другом, что является отличительной особенностью изложения Шафика:

دیوانه از قید برون شد شده باشد	گر وحشت دل باز فزون شد شده باشد
گر دشمن بدکیش زبون شد شده باشد	از کف ندهم شیوه نیکوی خود را
هرچند خضر راهنمون شد شده باشد	بی یآوری بخت سکندر نخورد آب
جامی اگر از دست نگون شد شده باشد	ساقی سر مینا و سبو باد سلامت

[15, 105].

Если разросся страх души, да будет так,

Отдал душу чему-то какой-то безумец, да будет так.

Не поступлюсь я своим благонавием и честьне кому не продам,

Если повержен злонравный враг, да будет так.

От судьбы неудачной Сикандару не деться никуда,

Хоть Хызр указывал ему славный путь, да будет так.

Саки, пусть кубок и вино здравствуют всегда,

Коль кубок упал какой-то, да будет так

Применение художественных приёмов в поэзии - *таибих* (уподобление), *истиора* (аллегория), *таихис* (олицетворения), *талмих* (намек-импликация), *ирсоли масал* (использование пословиц), стало важной отличительной особенностью Шафика, а гармоничность, соразмерность и употребление понятной по смыслу общеупотребительной лексики сделали ее популярной среди большого круга почитателей. В качестве примера приведем красноречивый бейт из его поэзии:

کشد چه گونه مصور تمام شکل ترا که در کشیدن چشم تو مست می گردد

[20, 401].

Как описать художнику всю твою статью?!

Ведь рисуя очи твои, он вмиг опьянеет

Лачхми Нарайин Шафик, будучи тонким поэтом, был к слову также и умелым прозаиком, продолжавшим традиции предшественников. К прозаическим произведениям Лачхми Нарайина Шафика относятся:

1. «Нахлистан» («Финиковая роща»), написанная в подражание «Гулистан»-у («Цветник») Саади Ширази, и по утверждению автора “Энциклопедии персидской литературы Индийского полуострова” является важным по значимости произведением [70, 1516]. В ходе исследования, в связи с малочисленностью рукописей и сведений о нем, мы в основном опирались на мнение известных исследователей Накави, Арифа Барзгар Каштали (в «Энциклопедии персидской литературы») и др. По сведениям ориенталистов Денисона Росса и Эдуарда Брауна, существует всего лишь одна рукопись книги под номером 56, общим объемом 233 страницы, которая начинается следующими словами: «Слава Единому (Господу), да возвеличится его слава, чей образ преисполнен высоких качеств...» [125, 153-154]. В целом наследие Лачхми Нарайина Шафика, за исключением антологии «Вечер странников», не блещет излишним поэтическим убранством.

2. «Хиркаи садпора» («Рваное в сто клоч рубище») учёные относят к учебной литературе [70, 1518], состоящей в целом из нравственно-этической тематики, и видимо в связи с этим, исследователи посчитали ее учебной литературой, хотя произведение не является учебником. Данное произведение, по мнению Ахмада Мунзави, состоит из наставлений и нравоучений [122, 1357], в котором автор придерживается лучших традиций персидско-таджикской литературы и арабской литературы назидательного характера.

Произведения по теории литературоведения. Перу Лачхми Нарайина Шафика принадлежат три антологии: «Чаманистони шуаро» («Цветник поэтов»), «Гули ра'но» («Изящный цветок») и «Шоми гарибон» («Вечер странников»). Однако вопрос количества антологий Шафика остается спорным, к примеру автор антологии «Ахтари тобон» («Блестящая звезда») причисляет поэтическое произведение «Джавахир завахир» Шафика к его антологиям, однако Ахмад Мунзави в книге «История персидских антологий» полностью отрицает это [97, 481]. В связи с этим, в некоторых исследованиях «Джавахир завахир» упоминается как антология Шафика Нарайина, однако это не является верным. Вероятно, написание данного произведения во славу Озода Балгирами, которое придало ему характер антологии, обусловило данное ошибочное мнение, однако стоит отметить, что это произведение все же является поэтическим. Одна рукопись данного произведения находится в библиотеке города Карачи под номером 193 и его литографическая копия хранится в библиотеке Британского Национального Музея под номером 530 [122, 1892; 123,278].

В «Своде» Ахмада Мунзави антология «Тухфату-л-ахбаб» («Дар близким») причислена к произведениям Нарайина Шафика [122, 2045], что требует тщательного исследования. Нарайин Шафик в течение своей жизни написал всего три антологии:

1. Антология «Вечер странников» описывает жизнь и поэтические образцы поэтов иранского происхождения, прибывших в Индию, и содержит

сведения приблизительно о 479 поэтах. Данное произведение написано в особой стилистике и автор посвятил его Осафуддавлу Амирулмамалику. Рукописи книги хранятся в библиотеке Индия Оффис (№ 468), Британском Музее Лондона (№1085/3, № 876), Хайдарабаде (№ 172), Музее Салар (№ 433/5), Фонде Исламской энциклопедии (20359), Анджумани осор ва мафохири фарханги (14034) и др. Следует отметить, что произведение опубликовано в 1977 году в Хайдарабаде, однако оно не лишено смысловых и логических ошибок при публикации.

2. В антологии «Цветник поэтов» собраны сведения о поэтах, которые писали на языке урду, однако сама антология написана на персидском языке. В связи с тем, что в антологии содержатся жизнеописание и творчество поэтов, писавших на языке урду, в частности, поэтические образцы приведены на урду, она особо не заинтересовала персоязычных исследователей. По сведениям Ахмада Мунзави, литографическое издание данного произведения осуществлено в 1204/1928 году, его рукописи хранятся в библиотеке Осафия под номерами 146/4 и 230 [122, 1897].

3. Антология «Изящный цветок» посвящена жизнеописанию и наследию персоязычных поэтов Индийского полуострова. По сведениям автора, приведённым им в стихотворной форме, он начал писать её в 1181/1767 году и закончил в 1182/1768 году. О годе окончания написания книги указано в конце книги:

به چه اسلوب تازه شد مرقوم
گفت تاریخ : " نامه مختوم"

این کتاب مناقب شعرا
از پی ختم این صحیفه شفیق

[14, 360].

Эта книга во славу поэтов,

Написана новым способом.

В окончание этой страницы, Шафик,

Сказал: “номаи махтум”

Согласно исчислению «абджад» словосочетание «номаи махтум» означает 1182/1768 год.

Антология состоит из «Предисловия» и двух разделов. В «Предисловии» книги Шафик указывает, что книга написана в честь и славу своего учителя и духовного наставника Гулямалихана Озода Балгирами (1704 – 1786), а также в его подражание. Антология начинается следующими словами:

و از خوش سخنان بلند کن جای مرا

یا رب تو قبول ساز انشای مرا

بر نظاره گیان سخن و تماشا ئیان این چمن...

[14,16].

Бог мой, прими мое творение себе,

Среди творцов поэзии возвысь меня,

Чтобы узрели все поэты и почитатели этого цветника...

Антология «Изящный цветок» состоит из двух разделов: первый раздел назван «Исламские поэты», второй назван «Поэты-идолопоклонники». Первая глава начинается с личности Гулямалихана Озода, и заканчивается Мирюсуфом Балгирами. Вторая глава начинается с поэта под именем Эчилдос и заканчивается поэтом по имени Хунар - Гийян Рай. Об общем количестве поэтов, упомянутых в антологии «Изящный цветок» Алириза Накави и Ахмад Гулчин Маани умалчивают, так как первая часть (первый раздел) антологии утеряна. Вторая часть содержит сведения о 45 поэтах и издана литографическим способом в городе Хайдарабаде Декана. Шафик в своей антологии ограничился кратким изложением биографии поэтов, однако о некоторых поэтах привел несколько больше сведений, к примеру, об Озоде Балгирами, Бандрабане Дас Хушгу, Акбаре и др. Следует отметить, что автор рассказывает более подробно только о своих современниках, а также посвящает отдельные статьи поэтам так называемого «сложного» языка. При составлении антологии «Изящный цветок» Шафик воспользовался сведениями из «Яди байзо» («Белая рука»), «Хизонаи омира» и «Сарви Озод» Озода Балгирами, «Мираату-л-хайял» («Зеркало мечты») Шерхана Луди, «Каламату-ш-шуара» Сархуш, «Хамешабахар» («Вечная весна») Ихласа Дехлави, «Рийаз-аш-шуара» Валиха Дагистани, «Маджма-ун-нафаис»

(«Сборник ценностей») Сираджиддина Алихана Орзу, «Хаят-уш-шуара» («Жизнь поэтов») Мухаммадалихана Кашмири и др.

Рукописи антологии хранятся в библиотеках Бонкипура (№ 701/8), Индия-оффис (№ 468 и 682), в Британском Музее (British Museum) (№ 977/3 и 978), Осафия (№ 162/3), Аджуман тараккии урду - в Университете Пенджаба (№ 137), в Университете Атхари Алигарх (№ 177), в Университете Озода Алигарха (№ 139), в Бомбее (№ 161), Хайдарабаде (№ 172 и 530), Башир Хусайн Шерани (№ 79/1), в Музее Саларджанга (№383/1 и 384) [14,16].

Исследование данного произведения имеет огромное значение в изучении жизни и наследия множества поэтов, неизвестных до настоящего времени. Изучение произведения Шафика откроет новые горизонты для научных изысканий персидско-таджикской поэзии Индийского полуострова.

Научно-историческое наследие. Огромный пласт наследия Шафика составляют научно-исторические произведения, в числе которых:

1. Произведение «Реалии Индии» является одной из важнейших исторических книг Шафика. Автор предваряет книгу предисловием под названием «Макола», изданного по поручению британского военного представителя Уильяма Патрика. Книга состоит из четырех частей, самой важной частью является часть с описанием областей Индии - Декана, Дели, Агры, Аллахабада, Бихара, Бенгалии и др. Последняя часть книги описывает краткую историю мусульманских правителей Индии, начиная от Муиззиддина Сомы до Аурангзеба Аламгира. По мнению Чарльза Рё, основной темой данной части является восстание Низама Али против Султана [129,238]. Также Чарльз Рё считает, что написание первой книги начато дедом Шафика - Рай Манса Рамом, и далее Шафик продолжил ее [129,238]. Однако по нашему мнению, это утверждение является спорным, так как сам Чарльз Рё утверждал, что книга закончена в 1204/1790 году [129,238]. То есть, Шафик закончил книгу в этом году и если следовать хронологии исторических событий, в ней появляются пробелы. Рукописи

книги хранятся в библиотеках Лондона (№ 477/1 и 1310), Осафия (№ 98/4), Индия Оффис (№ 426, 427 и 428). Однако версия, что дед Шафика служил при дворе Осафджаха и писал историю этого двора, возникла вследствие того, что Шафик при написании «Реалий Индии» пользовался сведениями, записанными его дедом.

2. Книга «Танмики шигарф» («Великолепное описание») является историческим произведением о правлении династии Бахманидов и династий, пришедших к власти после них, таких как Адильшахи и Кутбшахи. Данное произведение Шафик написал по поручению англичан и подарил Ричарду Джонсону, английскому колониальному военачальнику. Книга написана в 1200/1786 году и основной темой произведения является история и география области Декан. Сайид Камалхаджи Сайидджавади, принимая во внимание особенности данного произведения, назвал его историей Декана [124,302]. Рукописи книги хранятся в библиотеках Лондона (№ 738), Ганджбахш (№ 200/5), Индия Оффис (№ 447), Бонкипур (№ 19/7), в Британском музее (№ 859/2), Музее Саларджанга (№ 383/1 и 348).

3. «Маасири Осафи» («Эпоха Осафи») также является одним из исторических произведений Лачхми Нарайина Шафика, где приведена история династии Осафджахов. Сайид Камалхаджи Сайидджавад указывает на другое название книги - «Маасир Осафджахи» [124,302]. В ней описываются восстания различных индийских племён и даются жизнеописания эмиров, индийских раджей того периода, воспроизводится борьба между индусами и мусульманами. Следует отметить, что книга Шафика посвящена как описанию жизни правителей Декана, так и различных групп населения. Книга также открывает читателю правду о захватнической политике Великобритании и её последствиях. Книга написана в двух томах и приблизительно в период между 1208/1786 по 1794 годами, так как по утверждению Ахмада Мунзави, в книге более подробно описаны события именно этого периода [122,1330].

Лачхми Нарайин Шафик также написал другие исторические книги, которые требуют отдельного и всестороннего исследования. Приведем лишь краткие сведения о них:

1. «Маасир Хайдари» («Эпоха Хайдара») - историческое произведение Нарайина Шафика, повествующее об истории правления Султана Хайдара Али Султана Майсура.
2. «Холоти Хайдарабод» («Описание Хайдарабада»), также известная под названием «Ахволи Хайдарабод», «Васфи Хайдарабад» и «Ахвалати Хайдарабад» написаны в 1214/1799 году и посвящены истории и географии города Хайдарабад провинции Декан. Рукописи этой книги хранятся в библиотеке Хайдарабада Декана. Также рукописи книги имеются в Лондонской библиотеке (№ 750/1), в Британском музее (№ 326/1), в библиотеке Ганджбахш (№ 200/5).
3. «Бисат-ул-ганаим» («Достояние богатства») являются логическим продолжением исторических произведений Шафика об истории и географии Декана. Данное произведение посвящено правителям и знати города Декан. Книга начинается со слов:

«الله، الله اين ندا آمد به گوش می رساند مژده تازه به گوش

Аллах, Аллах, этот возглас дошёл до слуха,

Доносит всё новые вести до нашего уха.

Это счастливое время и изредка радостное и суматошное, начиная с месяцев 1214 г. (1799 год - Н.Ш.)...» [105,801]. Данное произведение вместе с **«Тазкире нармил»** («Антология предсказательства») издано литографическим способом в 1322/1904 году. Об одной из его рукописей, при перечислении вышеупомянутых рукописей «Реалий Индии», приводит сведения Чарльз Рё [129,238].

По утверждениям Ахмада Мунзави, во введении изданной «Реалии Индии» приводится 22 названия произведений Шафика [121, 1261] и он признан одним из самых продуктивных поэтов и прозаиков своего времени. Его произведения «Хулосат-ул-Хинд» («Краткая история Индии») и

«Мираат-ул-Хинд» («Зеркало Индии») также имеют исторический характер. Необходимо отметить, что перу Нарайина Шафика также причисляют другое произведение - «Акбарнаме» [122,1135], что является спорным. Данное произведение посвящено династии Тимуридов Гуракани, написано другим человеком, ведь факты свидетельствуют от отсутствия какого-либо отношения Шафика к этой династии. С другой стороны, тематика его исторических книг не имеет ничего общего с содержанием вышеуказанного произведения. В своде Мавлави Мирзо Ашрафа также упоминаются два трактата под названиями «Дар ибтидои офариниш» («О сотворении мира») и «Дар ахволи ба`зе салотин» («Об истории некоторых правителей») [128,30] авторство которых причисляется Шафику, что также вызывает сомнения. По нашей гипотезе, вероятно автор антологии при изучении рукописей вышеуказанных трактатов не уделил должного внимания тому, что:

- **во-первых**, в начале каждого исторического трактата, написанного на персидском языке, обязательно приводится раздел о сотворении мира;
- **во-вторых**, существует несколько неизвестных трактатов Шафика, посвященных правителям Индии, которые не начинаются с изложения о сотворении мира и требуют более глубокого и всестороннего исследования.

Нарайину Шафику приписывают также написание книги «Тазкире Бобо Гаравнок» («Антология Бобо Гаравнок»), посвященной правителям и эмирам, однако о ней не существует никаких сведений.

В конце о наследии Лачхми Нарайина Шафика, являвшимся плодовитым поэтом и прозаиком своего времени, можно сделать следующие выводы:

1. Произведения Лачхми Нарайина Шафика имеют разностороннюю тематику и открывают новые грани персидско-таджикской литературы и культуры в Индии. Вследствие этого, литературное наследие Шафика на персидском языке и языке урду имеет огромное значение в исследовании литературной обстановки того периода.
2. Другим важным направлением его литературной деятельности является составление антологий, по некоторым аспектам не имеющих себе равных и

несущих важную литературоведческую миссию. Все антологии Шафика являются уникальными, где он скрупулезно исследует отдельные литературоведческие проблемы.

3. Его историческое наследие имеет огромное литературное и историческое значение в плане фактологического исследования событий и биографий. Примечателен тот факт, что его исторические книги написаны в эпоху развития языка урду и утраты ведущего статуса персидско-таджикским языком, однако он изложил историю именно на персидско-таджикском языке.

4. До настоящего времени наследие Шафика в таджикском литературоведении не было предметом изучений, поэтому наше краткое исследование его произведений является первым шагом в данном направлении. Многогранность творчества, разнообразие тематики, определённая сложность осмысления его произведений создаёт некоторые сложности для исследователей и требует отдельных и глубоких изысканий.

ГЛАВА II. СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ И ХУДОЖЕСТВЕННО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНТОЛОГИИ «ВЕЧЕР СТРАННИКОВ» ЛАЧХМИ НАРАЙИНА ШАФИКА

II.1. Структура и особенности антологии «Вечер странников»

Антология «Вечер странников» является одним из важнейших произведений Лачхми Нарайина Шафика, написанным между 1182/1197/1768-1783 годами в течение пятнадцати лет, и опубликованным в 1977 году Мухаммадом Акбаруддином Сиддики. В связи с тем, что Шафик в предисловии год начала написания и в заключении антологии дату окончания не указал, исследователи указывают дату в различных вариантах. В основном, исследователи указывают указанную выше дату написания книги. К примеру, Раис Ахмад Нумани в своей статье «Период персидской антологии» указывает вышеуказанную дату написания антологии «Вечер странников» [104,18].

Из трёх вышеназванных антологий Нарайина Шафика «Вечер странников» имеет особый стиль написания, констатации фактов; несмотря на то, что ей присущ характер специфической антологии (*хусуси*), она имеет важное значение. Согласно классификации исследователей антологии делятся на определённые группы, куда входят 1) общие антологии (в которых автор приводит биографию поэтов предшествующего периода, и опирается на предшествующие источники); 2) антологии современников (о поэтах-современниках); и 3) специальные антологии, которые в свою очередь делятся на антологии другого ряда: а) предместные антологии (поэты одной местности или области); б) тематические антологии (содержащие отдельные литературные жанры, как элегии, касыды или саки-наме); в) сословные антологии (содержат биографии отдельных сословий общества, относящихся к поэтическим кругам) [5, 97].

Антология «Вечер странников» написана по особому принципу и стилю, уникальному в персидско-таджикской литературе. Следует отметить, что

наряду с тем, что принцип написания антологии Шафика схож с предместными антологиями, отнести ее всецело жанру антологии не совсем верно, так как «Вечер странников» не имеет отношения к описанию биографий поэтов-выходцев из одной местности. Она содержит биографические данные и сведения о творчестве поэтов различных местностей, которых судьба занесла в Индию. В связи с этим, и по тематическому охвату и по охвату географической фактологии, что является важной чертой предместных антологий, данная антология является одним из приоритетных и обширных источников, но она не относится к категории предместных антологий. На основе вышесказанного и принципа составления данной антологии можно внести некоторые важные изменения в концепцию жанра персидско-таджикской антологии, разработанную предшествующими исследователями, актуальность которых подтверждается новыми научными фактами и доказательствами. То есть, существуют и такие специфические антологии, не относящиеся ни к одной категории из существующей классификации (предместной, тематической и сословной - *Н.Ш.*). В связи с этим, следует добавить ещё одну группу антологий под общим названием *антологии странствий*, вследствие того, что данные антологии дают представление о поэтах, которые прибыли извне в какую-то местность и занимались там творчеством. Аналогичным по содержанию произведением в жанре антологии странствий «Вечер странников» является книга Ахмада Гулчина Маани - «Корвони Хинд», написанная под вдохновленным влиянием книги Шафика и полностью совпадающая по принципу и содержанию с ней [21 и 22].

Тематический охват антологии Лачхми Нарайина Шафика обширен, при написании он воспользовался предшествующими его веку антологиями, оказавшими огромное влияние на жанр персидско-таджикской антологии в Индии, широко использовал их тематику и принципы классификации. К этим антологиям можно отнести антологии «Рияз-уш-шуара» Валиха Дагистани, «Сарви Озод» и «Мираат-ул-хайал» Мир Гулямалихана Озода, «Антология

Насрабади» Насрабади, «Каламот-уш-шуара» Сархуша, «Маджма-ун-нафаис»- Сироджуддина Алихана Орзу и др., которыми Шафик успешно и плодотворно пользовался в работе над своей антологией.

Антология «Вечер странников» состоит из предисловия, биографии 479 поэтов и заключения. В предисловии автор традиционно после прославления и восхваления указывает причину написания книги и её название, дату написания антологии «Вечер странников», которая схожа с датой написания другой антологии Шафика - «Изящным цветком» и точно отмечает: «Смотрящим в зеркала ума и бросающим взгляд в светочи просветления пусть станет ясно, что украшатель этого пространства, ваш покорный слуга Лачхми Нарайин, известный под псевдонимом Шафик Аврангабади в дату иснайн и саманина и миата и алфа - 1182 (1768 год - *Н.Ш.*) начал писать антологию...» [14,15]. Шафик в данном случае имеет ввиду антологию «Изящный цветок», посвящённую жизни и наследию поэтов, рождённых и выросших в Индии. При упоминании этой антологии он отмечает, что «необходимо написать другую антологию и посадить новый саженец в аллее напротив первого саженца, то есть надо собрать поэтов, которые прибыли (из других мест) в Индию» [14,15]. В этой книге, по словам самого Нарайина Шафика, совершенно противоположной по стилю другой его антологии «Изящный цветок», он исследует творения поэтов-странников, прибывших в Индию из других мест и потративших усилия в распространении персидско-таджикского языка, литературы и культуры и назвал её «Вечер странников» [14,15].

Окончание также имеет оригинальное, нетрадиционное оформление. Шафик в окончание книги вместо традиционной молитвы-благословения по окончанию своего творения, отдавая дань уважения духовному наставнику - Мир Озоду Балгирами, приводит его полную биографию, многочисленные поэтические образцы из поэзии своего наставника, и далее описывает собственно свою жизнь и деятельность, приводя при этом отрывки из своей поэзии [14, 318-322]. Далее он произносит молитву и указывает год

окончания книги: «теперь эта книга представит на суд почитателей жизнеописание незаконченное... [14, 323]. Шафик и в других ситуациях называет своё произведение как «краткий сборник», намекая на его незаконченность, несовершенство. Если в предисловии автор указал о начале написания, что книга по дате одинаково написана с антологией «Изящный цветок», то есть в 1182/1768 году, в конце книги Шафик приводит дату окончания 1197/1783 год в виде следующей кыт`а:

به خوبی رو نمود انجام نسخه	خدارا شکر که از کلک بیانم
برای ختم گفت: " اتمام نسخه"	شفیق از هاتفی تاریخ پرسید

[14,323].

Хвала Господу, пером моего изложения,

Славно закончена эта книга.

Шафик спросил у ангела дату:

Сказал тот: «Закончена книга»

Согласно исчислению абджад словосочетание «*итмоми нусха*» означает 1197 год.

Исследуя антологию Шафика, можно проследить, что он изучил биографии всех поэтов, прибывших в Индию или путешествовавших по ней и без исключения внёс их свою антологию. Подобная тенденция наблюдается в написании некоторых антологий того периода. К примеру, по мнению таджикского исследователя З. Гаффаровой, антология «Каламат-уш-шуара» Сархуш написана подобным образом: «...в заключении книги прослеживается, что Сархуш отказался от подобного стиля и сказал о каждом поэте, о котором имел сведения: «Вместе с тем поэты в мире многочисленны, - пишет Сархуш, - и писателей неисчислимо много, однако покорный слуга нашёл сведения об этих близких сердцу...» [29, 80].

Необходимо отметить тот факт, что Нарайин Шафик не во всех случаях чётко придерживался избранных принципов написания антологии, то есть констатации биографии и цитирования поэтических образцов поэтов-странников, иногда он выходил за рамки избранных им принципов.

Стилистика написания антологии Нарайина Шафика, как и многих составителей антологий того времени, подчинена каноническим нормам, содержащим сведения о месте рождения, дате рождения и смерти, происхождения, сословия, наставниках и учителях, взаимоотношений со знатью, путешествиях, некоторых отличительных качествах характера поэтов, места смерти и погребения и пр.

Естественно, составитель антологии при сочинении своей антологии первоначально уделяет внимание автобиографическим данным, и в данном аспекте можно утверждать, что Шафик является самым скрупулёзным и педантичным автором, у которого без внимания не остался ни один поэт.

Место рождения поэтов. К примеру, обозначение места рождения поэтов. Автор антологии, начиная с Озари Исфараини, до Шаха Якина Балхи указывает место рождения всех поэтов иногда посредством их нисбы, полученной по месту рождения, к примеру: «Вахши Каши - из учеников Мавляна Мухташам, с пытливым умом и силы свои тратил на сочинение газелей...» [14,277] и иногда непосредственно обозначает место рождения, к примеру: «Вахшат был из знати Ардистана...» [14,277] или же «Ходжи Музаффар из рода Аббасабада Исфакана...» [14,15].

В некоторых случаях Нарайин Шафик посредством какой-то связи поэта указывает родину и его родословную. Так, о поэте по имени Масуд он приводит: «Масуд - сын Окозамана Заркаша. Он был, как и его отец, весёлого нрава, имел обширные знания в истории, по причине смуты прибыл в Индию и после кончины отца уехал в Исфакан...» [14,253]. Из вышеприведённой цитаты можно проследить, что Масуд был из жителей Исфакана и Шафик подтверждает данный факт по его убытию» [14,118].

Дата рождения. Дата рождения поэтов различных веков и особенно малоизвестных поэтов в литературоведении всегда становилась предметом бурной научной полемики. Для установления правильной даты рождения всегда существовали антологии и летописи, поэтому исследователи всегда оценивают качество антологии по наличию в них достоверных сведений о

дате рождения. К сожалению, в антологии «Вечер странников» подобных сведений мало. Из 479 поэтов, биографии и творчество которых указаны в антологии, только в 5 случаях уделено внимание дате их рождения. К примеру, в биографии Мир Разе Шуштари, известного под псевдонимом «Акдас» указано: «Акдас, Мир Разе Шуштари, имеющий божественный талант и тонкий ценитель, предки его относились к Шейхулисламу Шуштари. Рождение его в том цветнике пришлось на дату самона и ишрина и миа и алфа (1128 г.х./1716 г - *Н.Ш.*)...» [14,44].

Нарайин Шафик, кроме Акдаса, также точно указывает год рождения Шейха Али Хазина [14,86], Шикеби [14,142], Матина [14,262] и Мухаммадшафе Варида [14,281].

Год смерти. Год смерти поэтов автор антологии «Вечер странников» указал у 135 поэтов. К этой большой группе относятся поэты Озари Исфараини [14,20], Кази Ахмад Гаффари [14,26], Абулфатх Гелани [14,27], Мухаммад Касим Асири [14,27], Илхам Миршариф [14,35], Мавляна Алим Газневи [14,47], Рифат Табреси [14,108], Шахиди Куми [14,137], Сафи Ширази [14,149], Надири [14,263], Вахши Каши [14,277], Мир Яхйа Балхи [14,288] и другие. В качестве образца приведём краткую биографию Мирза Салиха: “Мирза Салих - его нисба троекратно восходит к Садруддину Табибу Исфакхани, который был известным мудрецом и учёным того времени и был приближённым ко двору. Мирза Салих прибыл в Индию и вошёл в число воинов Джахангира и правителя Шахджахана. Умер восемнадцатого шаввала, на дату саласа и арбаина и алфа (1043 г.х./1634 г. - *Н.Ш.*). Мирза Садик - автор летописи «Субхи Садик» («Утренняя заря») является его сыном...” [14,153].

Наряду с этим, в антологии можно встретить и случаи, когда автор «Вечера странников» указывает год смерти из других источников и старается внести в антологию достоверные сведения. К примеру, год смерти Шахиди Куми он указывает следующим образом: «... на дату хамса и саласина и тису миа (935 г.х./1529 г - *Н.Ш.*) там и скончался. Он прожил почти сто лет.

Составители антологий записал год смерти в указанный год. Однако автор антологии «Летопись Фаришта» в разделе «События Исмаила Адилшаха» приводят год ситта и саласина тису миа...» [14,137].

В нескольких случаях Нарайин Шафик не уделяет внимания непосредственно году кончины поэта, однако какой-то ссылкой объясняет, когда поэт ушёл в мир иной. Так, при описании биографий Муллы Али Таки Сабика он привел: «Сабик, Мулла, Али Таки, сын Муллы Мухаммада Салиха Мазандарани и брат Муллы Мухаммадсаида Ашраф. После кончины брата прибыл в Индию и достиг успеха и недавно ушёл в мир иной...» [14,135]. То есть, указанный поэт умер приблизительно в 1182/1768-1197/1783 г., когда составлялась антология «Вечер странников» Шафика.

Связь с правителями и придворной знатю. По данному пункту антология «Вечер странников» является одной из авторитетнейших книг, так как автор наряду с указанием года рождения и кончины поэтов, обозначил особенности социальных отношений, царивших в период их жизни.

Для демонстрации жизненных ситуаций различных поэтов Шафик уделил внимание упоминанию точных имён и родословной правителей и их дворов, к которым имели отношение поэты. В антологии Шафика в 323 случаях существуют сведения об отношении поэтов ко двору того или иного правителя, что является важным критерием для определения эпохи проживания поэтов. Такие поэты, как Озари Исфараини [14,20], Ходжа Аюб [14,24], Мир Аmani Исфакхани [14,27], Бакирхан [14,15], Такия Шуштари [14,15], Ханджарбек [14,15], Мир Хайдар Муаммаи Каши под псевдонимом «Рафеи» [14,15], Саиб Табризи [14,158], Мухаммад Касим Кахи [14,220], Мир Алауддавла Ками [14,222], Малик Куми [14,240], Шейх Мухаммад Хатун [14, 246], Гияс Мунсиф [14,249], Хаким Рукнуддин Каши, под псевдонимом «Масих» [14,251] и др. были приближены и вхожи ко дворам таких правителей и везирей, как Шахрух Султан, Хумаюншах, Акбаршах, Джахангир, Шах Исмаил Сафави, Рустаммирза Сафави, Шах Аббас Сафави Второй, Абдуррахман Хане Ханнан, Мирза Джафар Казвини (везирь),

Касимхан (правитель области Бенгалия), Афзалхан (правитель одной из областей Индии), Муртаза Низамшаха (правитель Ахмаднагара), Абдуллаха Кутбшаха (правителя Декана). Большинство из вышеупомянутых поэтов, и не упомянутых нами, прибыли в Индию и Пакистан в период расцвета персидско-таджикского языка, то есть в период правления Тимуридов Индии. То же утверждает Саид Нафиси, что в период правления Тимуридов Индии, особенно в правление Акбаршаха, Джахангира и Шахджахана персидский язык получил величайший расцвет в Индии [80,572]. То есть внимание просвещенных правителей Индийского полуострова было всецело обращено на привлечение поэтов из различных местностей ко дворам. Так, по утверждению Мухаммада Таки Бахора, период правления Тимуридов Индии стал «периодом большего развития персидского языка и литературы при дворе Дели, чем при дворе в Исфахане» [30,257].

Можно с уверенностью утверждать, что большинство поэтов, указанных в антологии Шафика, прибыли в Индию именно в этот период. В большинстве случаев Шафик приводит только факт, что поэт прибыл в Индию в период правления тот или иного правителя. К примеру: «Мулло Хакими - сын сестры Урфи Ширази, прибыл в Индию в правление Шахджаханшаха...» [14,86]. Такое пристальное внимание к деталям жизни поэтов объясняется двумя причинами. Во-первых, составитель антологии, указывая правителя и двор, к которым относится поэт, обозначает его определенный статус в литературных кругах того времени. Во-вторых, если составитель антологии не придал должного внимания году рождения и кончины поэта, то это упущение он восполняет посредством указания жизни поэта в период правления какого-либо великого правителя, шаха или везира.

Странствия поэтов. Поэтический талант и мастерство поэта, заложенные самой природой, часто дополняются расширением его мировоззрения посредством долгих путешествий и странствий, рождая особую квинтэссенцию мировосприятия. Вследствие того, что антология “Вечер странников” составлена по особому принципу, странствию поэтов

Шафиком дана первостепенная позиция и данный критерий не оставляет сомнений. Стоит лишь отметить, что автор указывает некоторые причины странствий поэтов в Индию - либо для устройства нового быта и нахождения пропитания, либо для удовлетворения собственных поэтических амбиций, признания их мастерами слова. Иногда Шафик приводит сведения о паломничестве поэтов в Мекку, в биографии более 100 поэтов этот факт точно указан, к примеру, в биографии Садруддина Илахи [14,34], Рафеи [14,106], Рафеи Омули [14,86], Мумино Гунабади [14,252], [14,252] и др.

Мировоззрение. Вопрос восприятия истинного поэтического смысла и замысла поэта всегда является одним из спорных вопросов персидско-таджикской литературы, что обусловило появление некоторых произведений, посвящённых вопросам поэзии, оценивающих степень поэтического мастерства и таланта, различные мнения и взгляды о божественном, природном умении творить стихи или же достигнутом в ходе упорного труда и терпения. Полемика по вопросам мировоззрения поэтов, являющемся первым и важным критерием в мире поэзии, не оставалась без внимания составителей антологий, толковавшим и дававшим оценку поэзии по собственному взгляду и восприятию, или же на основе авторитетных источников. Нарайин Шафик в своей антологии приводит краткое описание мировоззрения, приверженности 25 поэтов посредством следующих словосочетаний и предложений: «тяготел к суфизму», «был отшельником», «проводил время в молитвах и бдениях», «жил отшельником», «жил затворником», «был отчаянно беспечен», «был мудрым отшельником», «предавался аскезе и преломлению страстей», отмечает их тяготение к суфизму и мистицизму, приводит пример из поэтического наследия, сочинённого в этой манере. К данной группе поэтов можно отнести таких представителей поэзии, как Озари Исфараини [14,23], Абтари Бадахши [14,29], Мир Илахи [14,86], Исмаилхан Хаджи [14,40], Шах Бакир Хосил [14,84], Хафиз Исфакхани [14,86], Сармад Каши [14,86], Сафийя Исфакхани [14,86], Амил Балхи [14,86], Карори Гилани [14,86] и другие. Так, говоря о

беспечности и бесцеремонности Сармада Каши, Шафик тонко подмечает: «Дорошукух, который близко общался с бедняками, был его приверженцем и рассказал о нём своему отцу, то есть Шахджаханшаху. Шах отправил Инаятхана Ошно, чтобы тот узнал о нем и принёс вести. Увидев, как Сармад ходил босой, с открытыми ногами, он вернулся и написал про него такие строки:

بر سرمد برهنه کرامات تهمت است کفشی که ظاهر است از او کفش عورت است

[14,86].

Милость Сармаду голому есть клевета,

Ясно лишь то, что ходит он с открытыми ногами

Нарайин Шафик представляет приблизительно личности десяти поэтов, отдававших предпочтение мистической литературе. Также он упоминает поэтов, знакомых с естественными и точными науками, такими как математика, медицина, история, теология, хадисоведение, логика, астрономия, геометрия, грамматика, философия, к которым относит Садруддина Илахи, Бадеи Самарканди, Бакира Мазхаба Ширази, Мирмасума Тасалли, Насира Хосрова, Хузни, Ханджарбека, Сайри Саджованди, Шуджаи, Сафи Ширази, Азизи Казвини, Ахди Хорасани, Абдулбаки Табрези, Ишрати Гилани, Фани Ширази, Муллу Нуруддина, Улфати Язди и других. Некоторых поэтов Шафик описывает посредством следующих слов и словосочетаний: «предводитель мудрецов», «учёный», «умелый во многих науках», «сборник наук», «предводитель учёных», «глава учёных», «историк» и таким образом подчёркивает принадлежность поэтов какой-то науке. Количество таких поэтов достигает тридцати.

Следующая группа поэтов, в число которых входят Исмаил Мирза, Абулбака Мирза, Ашраф, Миртаки Каши, Хусрави Наини, Даври, Рузбех Ширази, Мухаммад Хусайн Сирати, Салехи Хирави, Абулвара Садди, Махди Бакуи, Итаби, Инаятуллах Ширази, Ишрати Язди, Орифо, Мир Сайид Али, Фагфур Лахиджани, Мир Муизуддин Фитрат, Карари Гилани, Камил Куфри Бадала, Мир Муиз, Муджрим Ирани, Мухаммадшариф Вукуи, Ашрафхан и

Абдулбака были известными переписчиками и каллиграфами. Шафик описывает Ашрафхана как «учителя в семи перьях (в семи стилях каллиграфии - *Н.Ш.*)» [14,187], Мир Сайида Али «искусным каллиграфом» [14,187]. По сведениям Шафика, многие поэты занимались переписью и каллиграфией, однако прославились не только в этом ремесле. Группа поэтов, как Мирза Мухаммадтахир Ошно, Мир Муизуддин Фитрат, Карари Гилани, Ходжа Хусайн Марви, Мухаммадшариф Вукуи и Кази Ахмад Гаффари прославилась в переписи; Ашраф, Мирсайид Алии Джудаи и Зехни - в рисовании и живописи; Умед Кизибашхан, Бакия Наини, Хайдар Тунияни, Хусрави Наини, Махди Кули Султан и Муджрим Ирани - в музыке; Рази и Рашидо - в ювелирном и зеркальном деле; Тасалли в ткачестве и Хусрави Наини прославились в меткой стрельбе, что не осталось без внимания Нарайина Шафика при описании их жизни и наследия.

Классификация поэтов и сведений о них в антологии «Вечер странников», построение и особенности являются важными критериями в определении места данной антологии в персидско-таджикском литературоведении. В окончании данного раздела нами сделаны следующие выводы:

1. Несмотря на существующую классификацию персидских антологий антология «Вечер странников», написанная по совершенно особому принципу и стилю, требует пересмотра и внесения новой категории антологий в уже существующую классификацию предметных, тематических и сословных антологий ещё одной - антологию странствий, имеющей целью ознакомить читателей и специалистов с поэтами, прибывшими в Индию из других стран.
2. Антология «Вечер странников» является специфической антологией и содержит биографию 479 поэтов, состоит из предисловия и заключения. Указанная антология лишена какого-либо алфавитного и хронологического порядка, написана в традиционной манере, так как автор уделяет много внимания биографии и творчеству поэтов, также, как и его предшественники.

3. Наряду с существованием множества спорных моментов и некоторых ошибок, в антологии «Вечер странников» содержится много важных сведений о дате рождения и кончины, отношения поэтов к правителям и придворной знати, их странствиях и пр.

4. Другой отличительной чертой антологии Шафика является его внимание к общему мировоззрению и предпочтениям поэтов, наличие в антологии, хотя и кратких, но важных сведений о сопутствующих ремёслах и занятиях поэтов.

II.2. Художественная ценность антологии «Вечер странников»

Ввиду того, что антологии в персидско-таджикской литературы признаны как первоисточники, предоставляющие сведения о жизни поэтов и литераторов, можно назвать их также и важным средоточием сведений о творчестве поэтов, особенностях поэзии, количестве строк, играющих роль первой ступени литературной критики и дающих первоначальную оценку мастерству и таланту поэтов. Однако вопрос оценки и правил литературной критики является проблемой, всегда порождающей полемику и споры, и в антологиях преподносится различными манерами. При осуществлении исследования антологии «Вечер странников» нами не была поставлена цель дать оценку вопросам литературной критики поэзии с точки зрения Шафика. Основное внимание при исследовании уделяется творчеству и мировоззрению поэта при констатации автобиографических сведений и определяющих художественную ценность антологии. На основе этого, наряду с биографическими сведениями антологии, сведений о количестве поэтических строк, наличие избранного дивана или его отсутствие, взаимосвязь между поэтами, путешествия и странствия, предпринятые поэтами для расширения кругозора, надлежит уделить внимание именам, нисбам и псевдонимам, уровню образованности, поэтическому мастерству и таланту, наследию (то есть другие произведения, кроме поэзии или диванов), другим отличительным особенностям личности поэтов. Именно комментарий и описание этих категорий предопределяют художественную ценность антологии и определяют её место как достоверного источника в литературоведении.

Сведения, предоставляемые Нарайин Шафиком о поэтическом наследии и его характерных особенностях, представлены описанием количества бейтов, наличия или отсутствия поэтического дивана и пр. В антологии Шафик в 17 случаях указывает точное количество бейтов таких поэтов, как Ашки Куми (12000 бейтов), Асади Казвини (2000 бейтов), Мухаммадхусайн Ошуб (10000 бейтов), Мулла Абдуллах Амани (10000 бейтов), Равгани

Астарабади (приблизительно 30000 бейтов), Саиб Табрези (120000 бейтов), Газоли Мешхеди (90000 бейтов) и др. Между тем, Шафик указывая на противоречия по вопросу количества бейтов названных поэтов, старается обосновать достоверность своих сведений. К примеру, при описании биографии Замани Язди он отмечает: «... Хан Орзу в «Маджма-ун-нафаис» сказал, что «... его поэзия состоит из пяти тысяч бейтов» и другие составители антологий указали на его поэзию в количестве десяти тысяч бейтов» [14,117]. Из этой цитаты выясняется, что автор антологии «Вечер странников» при описании биографии Замани Язди не ограничился своим основным источником - «Маджма-ун-нафаис», а прибегнул также и к другим антологиям.

При указании количества бейтов в антологии «Вечер странников» также обязательным критерием описания является наличие или отсутствие дивана, и число таких поэтов достигает шестидесяти. Шафик утверждает, что у таких поэтов, как Ашки Куми, Анис Шамлу, Асади Казвини, Мулла Абдуллах Амани, Мухаммад Тахир Ошно, Умед Кизилбашхан, Бадри Казвини, Таки Авхади, Абдуллатиф Танхо, Шейх Али Хазин, Талиб Омули, Зухури Туршези, Итаби Наджафи, Азиз Казвини, Ходжа Мунсиф, Назил Табрези, Назири Нишапури и др. имеются собственные поэтические диваны. Также им указаны поэты, имеющие несколько поэтических диванов. Так, к примеру наследие Ашки Куми Шафик классифицирует следующим образом: «Его поэзия состоит из дивана газелей, дивана касыд и дивана сатирических стихов, общее количество бейтов которых составляет десять тысяч» (бейтов - *Н.Ш.*) [14,24]. В антологии указываются и поэты, сочинявшие поэзию на нескольких языках. К примеру, Миру Мухаммадхану Газневи принадлежал диван на персидском и тюркском языке [14,196], Мулле Фараху Шуштари - диван на арабском и персидском языках [14,208], Мулла Бахрам Сакка обладал диваном на персидском и тюркском языках. О Ходже Калонбеке Андижани и Сайид Мухаммад Наджафи Итаби Нарайин Шафик написал, что Ходжа Калонбек сочинял стихи на тюркском и персидском языках [14,219],

Итаби на арабском и персидском [14,171], однако он умалчивает о наличии или отсутствии их поэтических диванов. Также не оставил без внимания Шафик и поэтов, не имеющих поэтических диванов. Так он пишет: «Наврас Шайда Казвини - из своей области достиг Биджапура Декана... Скончался в молодости. Был талантлив, но поэтического дивана не оставил» [14,170].

Шафик хорошо осознавал, что поэтические диваны малоизвестных поэтов по историческим и другим причинам были не доступны читателям и при описании биографий малоизвестных поэтов старался уделить им больше внимания. В связи с этим, говоря о поэтах, чьи поэтические диваны и сборники недоступны, он старается привести как можно больше бейтов из их поэзии. Так, говоря о Мулла Хайдаре Кулуче, он приводит: «... когда писал эту страницу, мне стал доступен краткий диван, в связи с тем, что его диван почти недоступен читателям, приведем его некоторые бейты в порядке редифа» и далее приводит около 70 бейтов из дивана Муллы Хайдара [14,72-79].

А также в антологии наблюдается и тот факт, что Шафик при описании биографии поэта Саада Ардистани, отмечает: Насрабади сказал: «Стихов, кроме этой касыды, сказанной во славу шах Аббаса Мази, нет», - в конце (слов - *Н.Ш.*) Насрабади приводит всю касыду, вступление которой таково:

ای به صد معنی ز شاهان جهانیت برتری بر تو شاهی ختم و بر خیرالبشر پیغمبری

[14,126].

Ты, тот, кто смыслом лучше всех правителей мира,

Тебе правление надлежит, а пророчество Хайрулбашару

Подобная стилистика в цитировании поэтических отрывков увеличивает ценность антологии Шафика во много раз. Он выбирает самые красивые и плавные бейты, мало цитирует стихи тех поэтов, которые были подвержены сложному и замысловатому слогу. По мнению Сируса Шамисо и Шахло Фаркадани, которые провели тщательное исследование антологии Орзу, «он сохранил в своей антологии бейты тех поэтов, у которых отсутствуют диваны» [86,10].

Поэты, упомянутые в антологии Шафика, были владельцами не только поэтических диванов и сборников, но и другого поэтического, прозаического и научного наследия, что стало ещё одной отличительной чертой антологии Шафика. В целом Нарайин Шафик указывает 48 поэтов, которые наряду с отдельными поэтическими диванами, были авторами литературоведческих и языковедческих произведений. К данной группе Шафик относит Баки Нахаванди – автора антологии «Маасир Рахими», Таки Авхади – автора антологии «Хуласат-ул-аш`ар» и энциклопедической книги «Сурмаи Сулаймони» («Сурьма Сулеймана»), Такийя Шуштари – автора «Шахнаме» в прозе, Муллу Алиризу Тачалли – автора масневи «Мират-ул-хайял», Джафари Казвини – автора поэмы «Хосров и Ширин», Джавхари – автора «Байаз», Ханджарбека, Ходжи Мухаммада Исфакхани Макки и Саидо Гилани – авторов «Масневи» (в подражание «Масневи»- Руми.-*Н.Ш.*), Сурури Кашани – автора словаря «Маджма-ул-фурс», Шапура Техрари – автора «Ширин и Фархада» (незавершён-*Н.Ш.*), Мухаммадриза Шикеби и Нави Хабушани – авторов «Сакинаме», Зухури Туршези – автора «Хани Халил», «Гулзари Ибрахим», Арифа Мирзу – автора «Шахнаме Надиршахи», Нематхана Оли – автора «Шахнаме» и сатирического масневи про Хайдарабад, Кудси Мешхеди – автора «Падшахнаме Сахибкиран», Касимхана Мавджи – автора «Юсуфа и Зулейхи», Музаффара Гунабади – автора «Хосров и Ширин», Назим Садик – автора «Байаз», Валиха Дагистани – автора антологии «Рийаз-уш-шуара», Джахангира Хашими Кирмани – автора маснави «Мазхар-ул-асар» (в подражание «Махзан-ул-асрар» Низами) и Улфати – автора трактатов «Кафия» и «Аруз». Большая группа поэтов, таких как Мирза Джалал – автор «Саваних айём Шахджахани», Бобо Талиб Исфакхани – автор «Трактата о чудесах Тибета», Казима Туни – автор «Газават Султана Джалалуддина» (в стихах.-*Н.Ш.*), Мирза Казим – автор «Фатава Оламгири», Манзари Самарканди – автор «Шахнаме Акбари» (незаверш.-*Н.Ш.*), Шах Мухаммадшафе Варид – автор исторического трактата «Мирати варидат» и Кази Ахмад Мунши – автор исторической

книги «Нигористон» прославились своими произведениями в области истории и географии, исторического романа. Творчество таких поэтов, как Амир Хусайни Хирави – автор произведений «Нузхат-ул-арвах», «Зад-ул-мусафирин», «Канз-ур-румуз», Шах Тахир – автор комментария «Тафсири Байзави», комментария «Джафария», комментария «Тахзиб-ул-усул», комментария к «Илахият», «Шифо», трактат «Загадки» и пр., Атаулмулк – автор «Музаххиб» (трактат о логике - *Н.Ш.*), «Арвах-ул-худа» (о божественности.-*Н.Ш.*), «Сират-ул-васит» (о правилах.-*Н.Ш.*), Фариг Чалапи – автор «Радд-ун-нубувват», Фани Ширази – автор «Комментария «Гулшани раз», комментария к «Фасл-ул-хитаб», «Комментария к «Хутбат-ул-байан», Шейх Мухаммадхатун – автор «Комментария к «Арбаин», Озари – автор «Бахманнаме» и масневи «Мират», Амир Абулькасим Фандарсаки – автор трактата «Бизоат» (религиозный трактат - *Н.Ш.*) и Мир Абулалаи – автор «Комментария к суре «Ихлас», к трактатам «Адалат», «Намузадж-ул-илм» имело религиозное содержание, наложившее определённый отпечаток на стилистику, что было также отдельно отмечено Нарайином Шафиком. Следует заметить, что Шафик не во всех случаях прямо указывает на произведения поэтов. Как уже отмечалось много раз, автор часто указывает отличительную особенность произведения, но не касается имени и содержания. К примеру, о поэте Бакаи он говорит: «У него есть антология поэтов» [14,48]. или о поэте по имени Алириза: «масневи в размере «Тухфат-ул-иракайн» [14,178] или же о поэте по имени Шах Мухаммад: «...антология утонченных века тоже принадлежит его перу» [14,147].

При описании биографии Сахми Бухараи, чтобы охарактеризовать его поэтический талант и творчество, Шафик отметил: «... автор трактата написанного в стиле Абуисхака Атима» [14,125]. Или же исследуя наследие Салика Казвини, представляет его читателю его следующим образом: «... написал в стихах автобиографическое масневи» [14,129], то есть Шафик наряду с автобиографическими сведениями, уделяет внимание творчеству поэтов, и даже в кратких комментариях предоставляет ёмкие по сути

сведения. К примеру, о поэте Мухаммадкули Салиме Шафик отмечает: «...Вначале был приближенным у Мирзы Абдуллаха - везиря Лахиджана. В то время написал удивительное масневи во славу Лахиджана. Когда прибыл в Индию, изменил масневи и посвятил его Кашмиру...» [14,130]. На основании этого исследователь жанра антологии Саил Шафейян пришёл к выводу, что особое внимание составителей антологий к другим произведениям (не поэтическим - *Н.Ш.*) увеличивает художественную ценность антологий [82,92].

Следует отметить интересный, непредсказуемый подход Нарайина Шафика в приведении поэтических образцов. К примеру, в описании некоторых поэтов, таких как Ага Таки Шафик ограничивается двумя бейтами [14,58], Мухаммада Бухараи - одним бейтом [14,66], а при упоминании других, например Миру Озода Балгирами, приводит 280 бейтов в качестве образца [14, 298-318], что в целом может составить небольшой отдельный сборник указанного поэта.

Примечательно, что Лачхми Нарайин Шафик в большинстве случаев вследствие недоступности поэтических диванов некоторых поэтов, приводит большое количество образцов их поэзии. Исследователь Юсуфбек Бобопур отмечает: «Предыдущие этому периоду антологии описывают биографию выдающихся личностей, приводят лучшие и самые изящные строки в качестве образца, однако в последующем антологии, напротив знакомят даже с поэтами, которые сочинили лишь несколько строк» [73, 48]. По мнению составителей антологий – современников Шафика – внесение имён малоизвестных поэтов и их поэзии понизили ценность антологии [73 48], хотя этот вопрос является спорным и, по нашему мнению, приведение образцов поэзии малоизвестных поэтов в антологиях, к примеру в антологии «Вечер странников» напротив усиливает художественную ценность произведения, так как отражает отношение составителя антологий к творчеству исследуемого поэта. Другим аспектом является то, что составитель антологии при выборе поэтических образцов из творчества

малоизвестных поэтов старается указать самые красивые и лучшие образцы, знакомя читателя с доселе неизвестными стихотворцами.

Другим критерием, определяющим художественную ценность антологии и связанную с творчеством поэтов, является сравнение их художественного мастерства и поэтики с произведениями великих предшественников-поэтов персидско-таджикской литературы, то есть, подражание и стилизация. Данный критерий требует подробного и последовательного исследования, однако констатация некоторых ярких примеров не лишена пользы. Нарайин Шафик, исследуя факт благосклонного внимания шаха Джахангира к масневи «Туглукнаме» Амира Хосрова Дехлави, утраты нескольких частей, восполнение утраченных частей придворным поэтом Хайати Каши и его восстановление, отмечает: «Хайати Каши вначале был раздатчиком воды (*Сакаи* - раздающий воду), отсюда возник его псевдоним. Потом прибыл в Индию, жил в Дакане. Джахангиршах истребовал его, оказал ему свою милость и в тиса ашара и алфа (равно 1018/1609 год - *Н.Ш.*) масневи Амира Хосрова Дехлави «Туглукнаме» удостоилось внимания шаха. Одна часть масневи была утеряна. Придворным поэтам было предписано восполнить утерянную часть. При этом масневи Хайати понравилось шаху и в награду он одарил его золотом и серебром...» [14,83].

Также в антологии описывается реплика Риза Мешхеди на стихи Насирали Сархинди [14,115-116], тазмин Абдуджалила Балгирами у Санай Газневи [14,65], ответная касыда Озода Балгирами на касыду Фарига Чалапи [14,202], стихотворение Давуда Туи в ответ Озоду Балгирами [14,101], ответ поэта под именем Киланбек на рубаят Лутфуллаха Нишапури, Озода Балгирами и Эхсона Али (согласно сведениям автора - брат Озода Балгирами - *Н.Ш.*) [14,228], что относится к категории новшеств в исследовании подражания и стилизации.

Взаимоотношения с поэтами-современниками. Одной из важных особенностей антологии «Вечер странников» является пристальное внимание

Шафика к взаимоотношениям поэтов с правителями и придворной знатью. Автор антологии излагает сведения о 81 поэте, которые общались, состояли в тесных, дружеских отношениях с другими поэтами-современниками, подражали друг другу в поэзии. Данный аспект играет важную роль для установления нравственного облика поэтов и их творческой связи с собратьями по перу, живущими и творившими в одное ними время, откуда можно почерпнуть много важной информации о жизни, поэтических особенностях, мнении других поэтов о творчестве современников и пр. К примеру, при описании жизни поэта Ашки Куми это можно явно увидеть: “Ашки Куми был из предводителей Табатаба и братом Хузури Куми. Он, прослышав о славе Газали Мешхеди, прибыл в Индию, однако не встретился с ним. Прибыв в Акбарабад, в иснейн и сабиина и тису миа (равно 972/1565 году - *Н.Ш.*) ушёл в мир иной. Его поэзия состояла из двух диванов газелей и одного дивана касыд, одного дивана сатирических стихов, в целом диван из десяти тысяч (бейтов - *Н.Ш.*). На смертном одре отдал свой диван Мирджудаи Мусаввир Тирмизи, чтобы он его закончил. Мирджудаи выбрал стихи, которые были ему угодны, остальное выбросил. Тарики Соваджи сказал:

اشكى نامراد را كشتی	عقل حیران خون خفته اوست
به تو وامانده چار دیوانش	شعر وامانده تو گفته اوست

[14,24].

*Ты убил несчастного поэта Ашки,
Уму непостижима его кровь пролитая,
Отдал он четыре своих дивана тебе,
И вся твоя поэзия - его творение.*

Только из отрывка, посвященного поэту Ашки, можно выделить четыре факта о жизни его современников, составляющих основное в сведениях Шафика. То обстоятельство, что Ашки захотел удостоиться встречи с Газали Мешхеди по его прибытию в Индию, и что Ашки был братом Хузури Куми, и он оставил свои диваны на усмотрение Мирджудои Тирмизи, а тот

присвоил их к себе, указывает на то, что Тарики Соваджи был уведомлён об этом нелицеприятном поступке, и этот факт запечатлён в письменных сведениях Шафика. Эта, на первый взгляд, скупая информация, даёт немалое представление исследователям о личности поэтов и литературной обстановке, царящей в тот период.

Как уже упоминалось выше, Шафик демонстрирует связь поэтов со своими современниками, хотя это лишь малая часть из числа всех представителей индостанского Парнаса, охваченных антологией. По нашему предположению, Шафик указывает на взаимоотношения поэтов с современниками только при необходимости, не считая это неперенным условием описания биографии. К примеру, об Унси Хирати Шафик приводит следующие сведения, что после освобождения из плена он прибыл в Индию и «Аниси Шомлу оказав ему любезность, приблизил его ко двору Абдуррахима Хан Ханана...» [14,30]. Или же, описывая нравственный облик и поэтическое мастерство Равнаки Хамадани, автор антологии говорит: «...Состязался в поэзии с Калимом Хамадани и Ахтари Язди...»[14,112]. Шафиком указывается родственная связь между Зухури Туршези и Мулла Маликом Куми [14, 168], огромное уважение и почитание Миртаки Авхади Исфакхани по отношению к Муршиди Бирувджирди [14,242], вражда и поэтическое состязание между Муллой Муфидом Балхи и Фани Кашмири [14,260], надменность и высокомерие Накхата Ширази, считавшего, что «пред собой в поэзии не считает Анвари кем-либо» [14,270]. Из вышесказанного можно сделать вывод, что Шафик, желая показать какую-либо характерную черту поэта и его творчества, для уточнения часто обращается к сведениям о взаимосвязи, отношениях исследуемого поэта с современниками. Более того, при необходимости Шафик, для демонстрации влияния великих поэтов на жизнь и творчество исследуемых поэтов, вникает в их взаимоотношения. Например, описывая биографию и творчество Ганибека Кашмири, Нарайин Шафик пишет так: «Когда Акбаршах захватил Кашмир, Ганибек попал в к нему в плен и немилость... Много людей

пытались его вызволить оттуда, в том числе Мулла Назири Нишапури написал касыду в честь шаха, в конце которой просил об освобождении Ганибека. Тогда как шах совсем забыл про поэта, этой строкой «Прости вину Гани по просьбе твоего покорного слуги» он вспомнил про него и милость его проснулась, и прочитав тот рубайат (рубайат, написанный Ганибеком в честь Ядгара Мирзы, противника власти Акбаршаха, провозгласившего себя правителем), приказал, чтобы его казнили...[14,196]. Также следует вывод, что автор антологии чаще останавливается на описании нравственного облика поэта во взаимосвязи с известными и выдающимися современниками, что, по мнению исследователей, в традиционной содержательной части антологии, имеющей цель биографического описания жизни известных людей, является относительно близким к действительности [76,58].

Личность и характерные качества поэтов. Дискуссия о личности поэта, всегда тесно связанная с его мировоззрением, имеет также непосредственное отношение к его личным качествам. В данном аспекте исследования нами предприняты усилия продемонстрировать два направления в антологии Шафика. Составители антологий в большинстве случаев указывают на характерные качества поэтов, отражающих степень их нравственного воспитания и благородного происхождения. К примеру, Нарайин Шафик приводит интересные и не запечатлённые другими антологиями сведения о сыне Абдуррахмана Джами - Зияуддине Юсуфе, который в правление Шахджахана приехал и жил в Индии [14,163]. Хотя в данном описании Шафик указал псевдоним Джами как «Табрези», это, по нашему мнению, является неверным.

Другой отличительной чертой поэта является его мировоззрение и его отношение к предыдущим поэтам и его современникам, предоставляющее возможность постичь его внутренний мир, глубину поэтического мастерства, что не было оставлено без внимания Шафиком в антологии. Во «Встрече странников» Шафик указывает двух поэтов, сочинявших касыды, которые были поэтическими противниками Анвари. Один из них - Улфати [14,24] и

другой – Накхат Ширази. Шафик начал биографию Накхата Ширази так: «Накхат Ширази был беспечным и самовлюбленным поэтом, перед своим творчеством, не признававшим поэзию Анвари...» [14,270]. Шафик, приводя данные сведения, наводит на мысль, что поэты, не достигшие никакого успеха и славы, порочили творчество выдающихся поэтов, безучастно и хвастливо. Нарайин Шафик также останавливается на некоторых философских взглядах поэтов, по его мнению неверных и сомнительных, что накладывает отпечаток на их творчество. К примеру, о поэте Замани Язди Шафик следующее изречение привел: «... был красноречив и мечтателен, но был приверженцем перерождения, переселения душ и считал себя воплощением Шейха Низами Гянджеви... К примеру, он говорит:

از یزد برآدم چو خورشید	در گنجہ فرو شدم پی دید
هرچند فرو رود برآید	هر کس که چو مهر بر سر آید

[14,117].

*В Гяндже я скрылся от взгляда,
Из Язда вышел, словно яркое солнце.
Ведь тот, кто восходит как солнце,
Всё равно, уходя, возвращается».*

Ценность антологии в исследовании таджикских поэтов. Антология «Вечер странников», наряду с другими значимыми художественными качествами, должна быть охвачена исследованием по нескольким важным направлениям литературоведения. В данном аспекте исследования нами охвачены только те поэты, которые происходили из Маверауннахра, позже переселились прибыли в Индию. В антологии Шафика таких поэтов 42. Это поэты Озари Исфараини, Абтари Бадахши, Ибрахимбек Бадахши, Мулла Асар Бухари, Бадеи Самарканди, Бани Куляби, Ходжа Абид Самарканди, Джани Бухари, Сипахи Андиджани, Айши Хисари, Гурбати Хисари, Сабирходжа Шах Тирмизи и другие стихотворцы, о которых в таджикском литературоведении какие-либо биографические сведения и сведения о творчестве отсутствуют. Среди приведённых Шафиком 35 поэтов указаны

без указания места рождения и их происхождения, что создает трудности для более тщательного исследования их биографии. К примеру, о жизни Дастура Миррафе Шафик приводит: «Дастур звали его Миррафе. Насрабади утверждает: «Изучал философскую науку...»[14, 103]. Из 42 поэтов Маверуннахра у 14 поэтов Шафиком указано точное место происхождения, у остальных при помощи их поэтического псевдонима или нисбы [14,24;45;57;66...]. Кроме того, Шафик при описании биографий нескольких поэтов причисляет их к Маверуннахру. Например, о поэте Кайди он пишет: «Кайди Маверуннахри в правление Байрамхана - наместника Акбаршаха прибыл в Индию и обучался в Агре» [14,213]. В биографии поэта по имени Бахрам под псевдонимом Сако, также приводятся аналогичные сведения [14, 124]. Автор старается кратко дать достаточно важные сведения о жизни поэтов, что можно считать одной из самых примечательных и важных особенностей антологии Шафика. К примеру, в описании биографии поэта по имени Роким из города Бухара Шафик говорит: «Роким - Ходжа Абид Бухари, по причине приверженности суфизму, прибыл в Исфахан и оттуда - в Индию» [14,115]. Всего из одного предложения можно проследить жизненный путь поэта, в котором отражается литературная обстановка в период его жизни и его вынужденный отъезд в Исфахан, откуда также по причине религиозных нападок он был вынужден уехать в Индию, считавшуюся литературным центром и прибежищем поэтов.

Наряду с кратким изложением, автор старается указать какое-то достоинство, отличительную черту поэта, причины получения творческого псевдонима, семейное положение и пр. К примеру, о поэте по имени Сипахи Андиджани Нарайин Шафик приводит: «Сипахи - внук Ходжи Калонбека Андиджани, который будет ещё упомянут. В соответствии со своим псевдонимом был великим полководцем и в молодости умер в городе Агра в девятьсот семьдесят восьмом году погиб» [14,123]. Или же о поэте по имени Сакаи утверждает: «...был последователем Шейха Ходжи Мухаммада Хабушани, земной человек, нрава дервишей, не лишённого интереса, всегда

по улицам Агры со своим учеником носил воду, безвозмездно раздавал воду жителям, и в то время с языка его сошло много стихов...» [14,24]. Если в приведенном отрывке автор рассказывает о его жизни, мировоззрении и религиозных убеждениях, далее он также упоминает особенности его творчества: «...Сочинял стихи на персидском и тюркском языках, у него было несколько диванов. Всякий раз когда входил в экстаз, он диван бросал в воду. Всё, что оставалось даже после этого, было большим диваном» [14, 124].

Другая примечательная особенность данной антологии состоит в том, что автор уделяет наибольшее внимание поэтам Маверуннахра, наряду с интересными событиями из биографий, останавливается на некоторых характерных чертах их творчества, подчёркивая их поэтический статус, мастерство, авторитет среди поэтических кругов. К примеру, о поэте Мухаммадкасима Кахи, поэте XVI века, Шафик приводит полные сведения и отмечает, что: «упомянутый поэт также встречался с Абдуррахманом Джами» [14,220]. Наряду с этим, Шафик подчёркивает, что поэт за сочиненную им газель под названием «Газель про слона», получил у Акбаршаха в награду сто тысяч монет [14,220]. Для убеждения в прославленности Мухаммадкасима Кахи привёл один бейт, который вызвал гнев и недовольство некоторых поэтов и учёных, просвещённых людей того времени, и далее также приводит удивительную историю, возникшую о спорах по этому бейту: «... Мавляна Кахи сочинил бейт:

از بنگ شود سر انا الحق ظاهر چون هر برگش بصورت الله است

От дурмана откроется тайна «Аналхак»

В каждом его листе кроется лик божественный.

Шейх Абдунабби назвал его безбожником и просил халифа привести его, чтобы тот объяснил сказанные им слова. Когда привели его, Шейх стал с ним спорить. Мавляна сказал халифу, спросите уважаемого Шейха, пробовал ли он когда-нибудь дурман или нет? Халиф спросил у Шейха, пробовал ли тот когда-нибудь дурман. Шейх ответил: «Помилуй меня Аллах, я даже не

видел его, что говорить про его пробу?!» Мавляна сказал: «Прав уважаемый Шейх, если немного попробовать его и тайна, о которой я говорил, не откроется, то пусть я удостоюсь того, чего мне желает Шейх». Халифу пришлось по нраву эти слова. Он отпустил Мавляна с почестями» [14,221].

Примечательно, что автор антологии привёл множество образцов из поэзии упомянутого выше поэта. К примеру, он выбрал в качестве образца 10 бейтов:

چون ز عکس عارضت آینه برگ گل شود گرد آن آینه طوطی بنگرد بلبل شود

*От отражения лика твоего, зеркало в листок цветка превращается,
Если в то зеркало попугай посмотрит, превратится в соловья.*

اشک من طالب آن نرگس جادو باشد همچو طفلی که دوان در پی آهو باشد

*Слезы мои хотя́т тех манящих глаз,
Как дитя, которое бе́гает за ланью.*

خواهم که چرخ ز آب و گل من سبو کند چون بشکند صفال سگ کوی او کند

[14,221].

*Желаю, чтоб судьба из праха моего слепила кувшин,
Коль лопнет, пусть черепок собаке блюдом служит у её дома.*

В истории персидско-таджикской литературы встречаются множество поэтов, поэтические псевдонимы которых сходны и они сочиняли в один период, что составляет определенную трудность для исследователей. Для устранения подобных трудностей и точного указания личности и принадлежащих ей конкретных поэтических образцов поэзии поэтов Лачхми Нарайин Шафик предпринял новый метод, достойный внимания. К примеру, в отношении двух поэтов, творивших под одним и тем же псевдонимом «Джани», уроженцев города Бухары, он приводит сведения, одного из них называет «мукаллид» (подражатель). Про первого Джани Бухари Шафик говорит следующее: «Джани Бухари был талантлив. Уехал с родины, в Кабуле служил у Хумаюншаха, и удостоился милости...» и приводит одну

газель в полном объёме [14,65-66]. Про второго поэта Джани Бухари констатирует следующее: «Джани Бухари – подражатель является, современником вышеупомянутого поэта Джани. Единый поэтический псевдоним наваян одной родиной и одними временами, местом рождения...» и далее везде до конца биографии называет его «подражатель», в качестве примера приводит только один бейт из его поэзии [14,66]. От подобной манеры подачи сведений нетрудно догадаться, что Шафик относится ко второму поэту за его подражательство не достаточно уважительно.

Примечательны и интересны также сведения Нарайина Шафика о поэтах Байрамхане [14,46], Насире Хисраве [14,71], Али Шахе Али [14,24], Мунсифе [14,24] и др. поэтах из Маверуннахра.

Исследование поэтического творчества. Внимание критиков и литераторов привлекают антологии и другие энциклопедические произведения не только по вопросам поиска биографических сведений о поэте или литераторе, в частности антологии служат важным источником для получения образцов поэтического мастерства и подлинных, близких оригиналу стихотворений. Следует отметить, что наряду с тем, что основной направленностью деятельности Шафика в антологии «Вечер странников» являются биографические сведения о персоязычных поэтах, образцы их творчества, произведений других жанров, в отдельных случаях он исследует некоторые особенности поэтических жанров. В описании биографии поэта под именем Навбати Турбати, Шафик отмечает: «Навбати Турбати в правление Акбаршаха прибыл в Индию и проживал некоторое время здесь. Написал изящный сатирический *таркиббанд* на Каджи-бека - главного придворного лекаря Байрамхана... [14,264]. Далее приводит отрывок из его сатиры и поэзии другого поэта, в котором использовано слово «фона» (клин), которому Шафик дает следующий комментарий: «Фона – это палочка, которую вставляют рядом с гвоздём в отверстие, чтобы гвоздь сидел плотно и не двигался, и его в индийских языках называют «*паччара*», пишется с

персидской «ба» и удвоением персидского «джима»...» [14,265].

Стихотворение Тахира Исфакхани Шафик поясняет следующим образом:

در هند کسانی که گرفتند وطن مانند غلیواج نه مردند و نه زن
این رسم عجب نگر که در کشور هند زن شوهر شوهر است و شوهر زن زن

*В Хинде, кто говорит про отчизну,
Словно грифы, не имеющие женского и мужского пола,
Ты посмотри на чудную индийскую традицию,
Женщина стала вместо мужа - мужем, а муж - женою у жены.*

Автор говорит: Женщины в стране главенствуют. Сказание о союзе праведных женщин и об уединении и клятве Пророка (с) из священного Корана и благословенных хадисах подтверждается. По мнению автора рубайи о христианах, действительно власть, что имеют их женщины над мужчинами, нет ни в каком другом народе» [14,167]. В данном случае Шафик не согласен с автором рубайи, он высказывает своё собственное мнение о роли женщин, однако до конца его мнение не определено точно, и неясно: он поддерживает или опровергает мнение поэта. По нашему мнению, Шафик указывает на недостаток стихотворения Тахира Исфакхани, прибегая к фактам из истории ислама. Или же в антологии, приводя бейт Рустамалихана Азима, Шафик ясно толкует использование арабского оборота, а также даёт оценку его стилистике и поэтическим особенностям его поэзии. Бейт:

«مرا به کشور حسن بتان بود والی کمند زلف رسا "مَدّ ذی الله العالی».

*«В стране красы изваяний есть у меня наместник,
Локоны черные, «да усилятся их великое могущество».*

В обороте «мадда зиллуху ал-оли» имеется три качества, присущие локону...» [14,193]. Далее автор приводит свой бейт, где присутствуют эти качества. Эти три качества по мнению автора антологии - «длина», «высота», «тёмная колористическая насыщенность».

Автор антологии «Вечер странников», следуя традициям предыдущих поэтических антологий, таких как «Рийаз-уш-шуара», «Каламат-уш-шуара», «Хизонаи Омира», «Мираат-ул-хайал», «Тазкира Насрабади», «Аташкада»

(«Храм огня») и др., старается добавить некоторые детали при упоминании имени, местности, псевдонима и др. атрибутов биографии поэтов. Это является новшеством и характерной особенностью антологии, однако иногда автором допускаются ошибки изложения. К примеру, он упоминает Насира Хосрова Кубадияни как «Исфахани» [14,193], что является неверным. Или же указывает имя Зухури Туршези как Мир Мухаммадтахир [14,168], что противоречит сведениям Озода Балгирами [5,33], Баки Бахаванди [25,393], Абдуннаби Фахруззамани [23,394] и Мухаммада Аблугани [17, 85], указавших имя Зухури Туршези как Нуруддин Мухаммад.

Из этого следует, что данная антология, как и другие антологии персоязычной литературы, наряду с важными сведениями и огромной художественной ценностью, также не лишена и недостатков и недостоверных сведений, но это не умаляет её художественной значимости в изучении жизнедеятельности и наследия множества малоизученных поэтов таджикской литературы.

В вопросах творческого мастерства, поэтического наследия Нарайин Шафик уделяет особое внимание статусу поэтов, связи поэтов с поэтами-современниками, количеству оставленных поэтами бейтов, наличию или отсутствию поэтического дивана, степени известности поэтов в литературных кругах своего времени, отношению поэтов к суфизму, мистическим течениям и обителям, что является важным источником в исследовании нравственного облика, степени поэтического мастерства, принадлежности к школам и стилям поэтов различных веков.

II.3. Стилистические особенности антологии «Вечер странников»

Вопросы исследования стилистики и особенностей словесности научно-художественных произведений, к которым относится антология, являются многогранными и требуют от литературоведов и языковедов тщательного и глубокого исследования. Следует отметить, что исследование стилистики произведения и особенности изложения автора должны быть изучены в двух направлениях в целях определения подлинной художественной ценности. В первую очередь следует рассматривать произведение с точки зрения художественного мастерства, ведь антологии признаются научными произведениями, которыми в предыдущие века пользовались как главными источниками научных сведений. В связи с этим, стилистика произведения, прежде всего, рассматривается в плане использования составителя антологии произведений подобного жанра предыдущих авторов, то есть перед нами стоит вопрос использования Шафиком научных и художественных произведений предшественников. Нельзя утверждать, что целью настоящего исследования является сравнительный анализ стилистических особенностей антологии Шафика со стилистическими особенностями предыдущих антологий, а стилистика изложения сведений из других антологий с процессом такого заимствования и цитирования со стилистической точки зрения, присущего Нарайину Шафику. В своей антологии Шафик использует сведения из исторических летописей и таких антологий как «Летопись Бадауни», «Летопись Фаришта», «Рийаз-уш-шуара», «Тазкираи Насрабади», «Маасир Рахими», «Каламат-уш-шуара», «Сафинаи Хушгу», «Сарви Озод», «Хизонаи Омира», «Яди Байза», «Мираати воридот», «Маджма-ун-нафаис», «Арафат-ул-ашикин», «Кашф-уз-зунун» и др. Первым моментом, требующем исследования, является то, что автор во всех случаях старается изложить собственное мнение как вводную часть и далее приводить соответствующую цитату из других произведений. К примеру, о поэте Озари Исфараини он привел: «... там он намерился уехать в Декан и примкнул к Султан Ахмадшаху - наместнику Декана и написал в его честь великолепную

касыду. Мухаммад Фаришта в своей «Летописи» пишет, что «Шейх по указанию Султана начал писать «Бахманнаме»...» [14, 20]. То есть, сочинение касыды во славу шаха и по его указанию сочинения «Бахманнаме» поэтом свидетельствует о том, что Шафик при констатации всегда уделяет внимание изложению и выразительной словесности. При приведении заимствования он приводит в соответствие стилистику своего изложения и стилистику цитируемого им произведения. Если произведение написано в стилистике художественной рифмованной прозы, то автор «Вечер странников» старался изложить своё мнение в той же манере. К примеру, при описании биографии Хакима Рухани Самарканди в начале он излагает текст выразительно, однако ниже его речь обретает оттенок исторического послания, так как он использовал сведения из «Летописи Бадауни», имеющей близость к хорасанскому стилю прозы: «Сначала служил при дворе Бахрамшаха Газневи, потом примкнул ко двору Атсиза Хорезмшаха и стал главою писарей. Автор «Летописи Бадауни» говорит, что Султан Шамсуддин родился в год саласа и ишрин и ситтами захотел захватить крепость Танбур и привел туда войско, захватил ту крепость и в год арбаа и ишрина и ситтами начал собирать огромное войско для покорения Манду... В тот год Амир Рухани, будучи известным в то время, при нашествии Чингизхана прибыл из Бухары в Дели..» [14, 105]. В целом, антология относится к прозе мурсал, с присущей ей хорасанской манерой простого и плавного словосложения. Нарайин Шафик равно как и в прозе, так и в поэзии придерживается бесхитростного и незатейливого изложения, соблюдает крайнее равновесие в представлении содержательного элемента и пластичной словесности. К примеру, поэт Улфати Язди удостоился следующего описания: «...немного обучался и в точных науках обрел знания, прибыл в Индию, обрёл покровительство Хумаюншаха...» [14, 25]. В некоторых случаях изложение Шафика доходит до крайней простоты и антология преподносится автором в манере повествования. Приведём в качестве примера биографию Ахмадбека Исфакхани: «Ахмадбек Исфакхани -

прибыл в Индию и немного оставался в городах Патна и Бангала. Наконец достиг двора Шахджаханшаха и остался в услужении султана» [14, 40]. Однако, при описании более известных поэтов такая манера изложения не наблюдается и Нарайин Шафик щедро использует художественные средства выражения. Можно привести отрывок из описания биографии Бадри Чачи: «Он является непревзойденным мастером и талантливым человеком своего времени...» [14, 45]. Или же биография Баки Наини преподнесена Шафиком таким образом: «В музыке был талантлив необычайно» [14, 51]. Несмотря на это, Шафик всегда следует правилу о содержании представленных сведений. Согласно утверждению Абдуллаха Масуди, стилистика антологий, написанных на Индийском полуострове, за исключением введения и раздела, посвященного восхвалению лица, которому преподносится произведение, «написаны в бесхитростной плавной прозой» [96, 721]. Шафику присуще всегда изложение мысли в законченной форме и после он приступает к следующему умозаключению, либо описанию. Такая тенденция наблюдается при заимствовании, при описании биографии поэтов, найти сведения о которых составляет определённую трудность. В описании биографии Ядгармухаммада Халати, отравленного и убитого своим сыном, который был также поэтом, Шафик следует манере, наиболее ясно отражающей его мысль: «Халати Ядгармухаммад, родился в провинции, из потомков Султана Санджара и придворных Акбаршаха. Был прямолинейным и красноречивым, обладал поэтическим талантом. Имел поэтический диван...» [14, 82]. Далее посредством предложения «он сочинил» приводит в качестве образца два бейта из стихотворений Халати, описывает события, рассказывающие о смерти Халати от руки его Бакаи. После приводит в качестве образца один бейт его сына, сочинявшего стихи под псевдонимом Бакаи [14, 82]. То есть Шафик излагает сведения в краткой прозе, обеспечившей их непритязательность и простоту. Маликушшуара Бахор о простоте изложения этого произведения высказал мнение, которое отчасти присуще всем антологиям в целом: «... в Иране и Индии традиционная проза и научные

произведения имели простой прозаический язык и по бедности речи стали ещё более неприятны, чем в эпоху Тимуридов, однако и тогда художественная проза не была оставлена в забвении и придворные писари и ученые в описании сведений следовали «Зафарнаме» и «Вассафу» [72, 258].

Другой особенностью изложения Шафика является его комментарии, пояснения некоторых слов или названий местностей. К примеру, он толкует нисбу поэта по имени Донахи так: «Дона – селение в Нишапуре» [14, 100]. Или же о поэте Варид, Шафик приводит особое пояснение его нисбы: «Варид - Шах Мухаммадшафе Нагини. Нагина с огласовкой фатха над буквой нун, в размере Мадина, город из предместий Дели...» [14, 281]. Из этого следует вывод, что изложение автора при описании и толковании местности или какого-либо слова приближается к стилю лексикографов и энциклопедистов, что также является характерной чертой его манеры, обретённой им при заимствовании из других произведений.

Для более полной стилистики изложения Шафика мы остановимся на следующих нескольких особенностях антологии «Вечер странников»:

Арабизмы. В прозаических произведениях персоязычной литературы, равно как и в поэзии, имеются множественные заимствования из арабского языка, являющегося языком вероисповедания мусульман, и при исследовании стилистики, словесности и манеры изложения автора на антологии без учёта этого фактора оценка произведения будет неполной. Почти все поэты и писатели традиционно использовали в творчестве лексику арабского языка, коранические суры и цитаты из пророческих хадисов. Автор антологии «Вечер странников» также следует данной традиции. Несмотря на то, что традиция соблюдена лишь в малом количестве, однако автор антологии использует священную книгу и пророческие хадисы как важный и самый достоверный источник цитирования и заимствования. К примеру, при описании появления Адама (а), признанным им праотцом человечества, Шафик привел полностью один коранический аят:

و قلنا يا ادم اسكن انت و زوجك الجنة و كلا منها رغدا حيث شئتما

«И сказал, о, Адам живи с супругой своей в раю и вкушайте оттуда всё, что хотите в изобилии» (Сура Бакара, 35). Кроме этого аята в книге более не встречается непосредственных заимствований коранических аятов.

Арабская поэзия также удостоилась малого внимания автора антологии. Во всём произведении было найдено только три арабских бейта, посвященных Адаму (а). Бейт:

تغيرت البلاد و من عليها	روجه الارض متغير قبيح
تغير كل ذى طعم و لون	و قل بشاشة الوجه المليح
وفا اسفا على هابيل ابني	قتيلا قد تضمنه السريح

[14, 19]

*Изменились города и люди, живущие в них
Земля изменилась сильно, дурно изменившись.
Изменились вкус и цвет всего на свете,
Скажи это красавице веселой и сладкогласой.
Как жаль, что сын мой Хабил убит теперь,
Охваченный так быстро этим всем.*

Можно сделать вывод, что язык антологии лишен арабизмов, автор по традиции использует большое количество известных арабских оборотов, используемых в персидско-таджикских антологиях. К примеру: «мушорун илайхи», «интаха каламуху», «мин ашарихи», «лихаза», «хусб-ул-хукм», «филфавр», «филджумла», «хасб-ут-талаб», «фи сабилиллах», «макза ал-марам», предложения хвалебного и прославляющего характера «алайхи тахийяту ва-с-сана», «афаллоху анху», «алайхиссалам», «мадда зиллуху», «мадда зиллуху ал-али», «алайхи-р-рахма», «таба сараху», известные прилагательные «бадеъ-ул-услуг», «халаф-ус-сидк», «сайф-ул-мулк», «сайф-ул-хукам», «хаким-ул-мулк» и др.

Другой примечательной особенностью использования арабизмов в антологии «Вечер странников», является то, что автор датирует рождение и кончину поэтов на арабском, к примеру, «иснайни и саманина и тису миа» – дата кончины Мир Асира Техрани [14, 26], «сабъа и тисина и тису миа» –

дата кончины Хакима Абулфатха Гилани [14, 27] и др. Только при описании биографии Аниси Хирати [14, 30], Хакима Садруддина Илахи [14, 34], Баки Нахаванди [14, 48], Ага Таки [14, 58] и семи других поэтов Шафик воспользовался персидско-таджикским датированием рождения и кончины поэтов.

Малоупотребимая лексика. Естественно, что авторы антологий для демонстрации своего мастерства и обширных знаний в языке часто пользуются лексикой, не пользующей широким кругом употребления или же вышедшей из употребления. В числе такой лексики в антологии Шафика можно назвать арабскую, индийскую и тюркскую лексику, такую как «*қоида*» (в значении граница), «*инсилок*», «*чор дар чор*», «*шурроҳ*», «*ярлиг*», «*курур*» и вышедшей из употребления персидской лексики: «*понсадй*» (должность, которая существовала при дворе наместников Индии), «*доругагй*» и др. Например: «В это время относился к приближённым двора Акбаршаха» [14, 107]. Или же « В это время вышел приказ Шах Аббаса Мази о дарении драгоценного одеяния ему, однако до того как его получить, он получил смертной грамотой был он удостоен» [14, 125].

С другой стороны, каждая литературная эпоха отражается характерным языком и лексикой, которая не выходит из общего литературного употребления, однако во взаимосвязи с эпохой жизни поэта и средой его обитания накладывает видимый отпечаток. Сирус Шамисо указывая это явление, отмечает: «Естественно, следует иметь в виду, что в этот период (век Шафика - *Н.Ш.*) язык полностью изменился, древний язык утратил своё могущество, поэзия и проза того периода стала сочиняться на языке своего времени, часть терминов и лексики записана в словарях, таких как «Мусталахат-уш-шуара» и «Словарь Анандраджа» [85, 213].

Однако следование к языку и стилистике изложения предшествующих литераторов соблюдается во множестве художественных и научных произведений того времени, что, по нашему мнению, осталось без внимания

автора антологии. Можно частично причислить произведение Шафика к категории произведений, написанных в языковых традициях предыдущих антологий.

Исследование художественных средств в изучении стилистической картины произведения является одним из важных аспектов, которые предоставляют возможность дать достойную оценку поэтическому мастерству автора. Нами проведено краткое исследование нескольких художественных средств, использованных Шафиком.

Рифмованная проза (садж). В истории персидско-таджикской литературы рифмованная проза в отличие от других художественных средств используется в прозе нечасто. Большинство прозаиков широко использовали ее для привлечения и удержания большего внимания читателя, для одновременной гармонии одного слова с другим по звучанию и по смыслу, и по мнению Туракула Зехни: «Рифмованная проза в прозе равна рифме» [32, 40]. По утверждению Маликушшуара Бахора «... всё, что в эпоху Сефевидов было подобно древней прозе, является некоторым образом рифмованной прозой, в остальном просто изящной любезностью...» [72, 258]. Шафик, несмотря на то, что написал антологию в жанре прозы, имеющей некоторый оттенок исторического повествования, все же при описании биографии поэтов широко использует данное художественное средство. К примеру: «Хвала покровителю рабов своих, что после изучения множества книг и исследования величественных океанов достались драгоценные жемчужины и садовник пера полил сад поэзии новый новыми красками» [14, 15]. Особенно часто Шафик использует рифмованную прозу в описании личных качеств в рифмованной прозе: «...сияние величавое – светило превосходства, Юпитер, украшающий престол дивана справедливости, Меркурий небес знания, светило собрания мудрости, владыка просторов чистоты, река великой милости, любезный друг желающий обрести жемчужины (мудрости)...» [14, 15]. Или описывая эпитеты Озари Исфараини: «Озари есть искусный слова ваятель и поэзии капища идолов возделыватель...» [14, 19-20], об Аниси

Шомлу: «Стихотворец неповторимых слов и друг другу незнакомых смыслов» [14, 28], в честь Мир Разеи Акдаса: «... владеец священного духа и ценитель тайного смысла» [14, 43], Муллы Мукима Каши: «обладатель изысканного вкуса и ценитель сокрытого знания» [14, 85], Салика Язди: «служитель сословий красноречивости и идущий по пути проницательности» [14, 127] и др.

Эпитет (*тансику-ус-сифат*). Автор антологии в большинстве случаев использует художественное средство «эпитет» вкупе с рифмованной прозой. Использование данного художественного средства выражения наравне с рифмованной прозой является характерной чертой в целом всех антологий. По утверждению Атауллаха Махмуда Хусайни, «приводят несколько эпитетов после имени прославляемой персоны» [3, 173]. Шафик множеству поэтов, упомянутых им в антологии, даёт следующие эпитеты: Мавляна Такиюддин Исфакхани - «был весёлого нрава и любезный» [14, 79], Ядгармухаммад Халати - «известен, как честный и здравомыслящий человек» [14, 82], Шейх Али Хазин - «был знатоком наук познавательных и ниспосланных» [14, 88], Равнаки Хамадани - «поэт, украшение поэтического собрания и соловей цветника красноречия» [14, 112], Рашидо - «был бесподобен в ювелирном и зеркальном деле» [14, 114], Гариби Язди - «красноречивый мечтатель» [14, 117], Око Заман Исфакхани - «человек больной и веселого нрава» [14, 118], что является умелым использованием художественного средства «эпитет». Иногда в антологии Шафика эпитет используется вместе с рифмованной прозой, что придаёт речи ещё большую художественную привлекательность: Мир Масум Каши - «силков газелей мысли разрушитель и красавиц красноречия заклинатель» [14, 250], Хаяти Гилани - «обладатель вкуса тонкого и в поэзии таланта бесподобного» [14, 82], Мулла Хайдар Зехни Каши - «обладатель ярчайшего интеллекта и божество вкуса тонкого» [14, 104], Шахиди Куми - «султан красноречия и изящество, покрывшее улыбкой уста» [14, 138] и пр. В других случаях Нарайин Шафик также мастерски использует данное художественное

средство и для описания своей жизни: «Теперь сломанный калам приведёт несколько строк от автора и прольет несколько слезинок на лик бумаги» [14, 318].

Хронограмма. В антологии «Вечер странников» встречается два вида художественного приёма хронограммы, которая приводится либо самим автором, либо берутся за основу сведения других поэтов о рассматриваемом поэте. Второй вид хронограммы используется чаще, и Шафик прибегает к утверждениям других лиц, современников поэтов. К примеру, о дате кончины Шейха Али Хазина другой поэт Махди Алихан под псевдонимом Амин указал:

شیخ دانشمند استاد سخسنجان عصر
بر سر این خاکدان کهنه افشاند آستین
سال تاریخش امین دولت آبادی نوشت
"رفت زین عالم علی ابن ابی طالب حزین"

[14, 87].

*Шейх мудрый, наставник всех поэтов века,
На эту старую могилу рукавом потряс своим.
О дате этой написал Амин Давлатабади:
«Ушёл из мира сего Али ибн Абуталиб Хазин»
Последняя строка означает дату 1180/1766 год.*

О биографии Имтиязхана Халиса Шафик также пользуется сведениями Мира Абдуджалила, где тот указывает дату кончины словами «Ох, ох Имтиязхан» [14, 96], о дате кончины поэта Шикеби приводит полностью рубаи Мира Илахи:

روزی کی کشید کلک تقدیر الله
بر خاک شیکیبی رقم «تابه سراح»
گفت از پی تاریخ الهی ناگاه
«وا ویلا و امسبتا و اشوقاه»

[14, 142].

В тот, что Всевышний написал пером своим,

На могиле Шикеби цифру «*тоба сарох*».

Промолвил после даты вдруг Илахи,

«*Во вайло, во мусибато ва шавкох*»

В буквах последней строке указана дата кончины поэта – 1023/1614 год.

В антологии Шафика также наблюдаются случаи, когда автор цитаты, хронограммы и сведений неизвестен. Так об истории кончины Рази Исфакхани приводится: «на дату арбаа и ишрина и алфа он умер. «Увы, не стало Рази» такова дата кончины» [14, 108]. Или о дате кончины Сармада Каши: «был приятен всем убитый Сармад» [14, 134].

Хронограмма, приведенная со слов самого Шафика, наблюдается в трёх случаях - одна из них о хронологии вхождения в Хайдарабад его наставника - Мир Озода Балгирами:

مظهر آیات خلاق جهان	در مقام حیدرآباد آمده
"مقدم آزاد – فیاض زمان"	گفت تاریخ قدوم آن شفیق:

Прибыл он в город Хайдарабад,

Место явления аятов Творца мира.

Сказал про прибытие его Шафик:

«Приезд Озода - милость времени.

Дата приходится на 1186/1772 год. Второй случай хронограммы - описание какого-то здания [14, 294] и третья хронология – приведённая самим автором, это дата окончания написания книги [14, 323].

Ссылка на поэтическое творчество других поэтов. В доказательство некоторых своих утверждений и предположений Шафик обращается к поэзии известных поэтов и литераторов, что является одной из характерных особенностей его творчества. К примеру, при описании жития праотца человечества - Адама (с) он привёл девять бейтов из поэзии Насирали Сархинди:

شرابی کرد بی خم در ته خاک	به آدم داد نور معرفت پاک
ملایک مست و سرجوش مناجات...	در آن میخانه شد پیر خرابات

[14, 17].

*Адаму свет знания чистый даровал,
И в недра вино без кувшина закопал,
В том погребе винном мудрецом он стал,
И ангелы молитвой тайной опьянены...*

В описании жития Саадо Гилани для выразительности он привел строку «Разбился тот кубок, виночерпия того уж больше нет» [14, 131], в описании биографии Ганибека, приводя свои размышления о стихах Назири Нишапури, которые стали причиной его казни, Шафик особенно подчеркивает строку: «Прости ошибку Гани по просьбе покорного слуги» [14, 196]. В отрицание утверждения Варида Техрани о поэзии Бедиля также привел три бейта о Хасане Дехлави и бейт Салмана Саваджи [14, 54-55], что свидетельствует о его широких познаниях в поэзии предыдущих эпох и современников. Ссылки на поэзию других поэтов, в качестве доказательства, либо обоснованного утверждения, указывают на высокое мастерство и индивидуально-авторское отношение к событиям, они придают особую ценность его антологии.

Особые обороты речи. Наряду с употреблением различных троп, фигур речи, Шафик прибегает к особым стилистическим приёмам, присущим только ему. При описании биографий и жития известных и выдающихся поэтов Шафик использует особые художественные обороты, которые придают его произведению особую неповторимость. Особые обороты являются новым средством выразительности, отличающим изложение Шафика от других произведений данного литературного жанра. Автор при описании биографии поэтов, оценке их творчества каким-то средством обозначает взаимосвязь собственной речи с псевдонимом, именем, либо каким-то характерным качеством поэта, придающим особую притягательность изложению. К примеру, о Шах Исмаиле Забех Шафик приводит следующее: «... Много путешествовал. Наконец добрался до Индии и тут пал жертвой кинжала смерти. Это капли крови его...» [14, 105].

Автор выразил своё отношение к кончине Шаха Исмаила Забега посредством фразы «пал жертвой кинжала смерти» и образцы его поэзии привёл посредством фразы: «это капли крови его». По-видимому, автор прибегнул к такому стилистическому приему во избежание повтора традиционных фраз из предыдущих антологий, где вместо обычных приёмов: «из его поэзии», «ему принадлежат» – он использует вышеприведённую фразу для придания оригинальности своему произведению. Житие Бакира Хурда Каши Шафик описывает так: «это крохи из состояния Бакира» (*хурда* означает - крошка - Н.Ш.) [14, 49], о Хисали Хирави Шафик говорит следующее: «был добродушный и одарённый» [14, 93], Мирразе Донише - «его поэзия жемчужина в сокровищнице знаний» (*дониш* означает «знания» - Н.Ш.) [14, 102], Рухани Самарканди - «вселяет душу в образ слова и даром божественного духа пользуется» [14, 105], Шах Рашид Каши - «возвышает поэзию» [14, 108], Мирзо Хасан Рафе - «посадил он красоту слова на высокий престол» (*рафе* означает высокий - Н.Ш.) [14, 111], Мирзо Саадуддин Рахим - «автор блестящей поэзии» (*рахим* - означает автор - Н.Ш.) [14, 111], Равнаки Хамадани - «он возвышает поэзию» (*равнак* - означает возвышение - Н.Ш.) [14, 115], Рахиб Исфакхани - «он играет в колокол поэзии» (*рахиб* означает монах - Н.Ш.) [14, 115], Сахми Бухари - «он натягивает лук поэзии» [14, 123], Шахиди Куми - «это несколько капель крови павшего» (*шахид* - павший жертвой - Н.Ш.) [14, 138], где в большинстве случаев Шафик связывает своё изложение с именем, либо псевдонимом описываемого поэта. Таких особых оборотов, связанных с именем или поэтическим псевдонимом, в антологии Шафика около 200, что является характерной чертой произведения. При изложении в подобной манере Шафик нашёл особую гармонию речи, не использовавшуюся до него предыдущими составителями антологий.

Наряду с этим в рассматриваемой нами антологии существуют различные стилистические и синтаксические средства выражения, в части которых автору удалось превзойти других, однако имеются некоторые

случаи допущения ошибок в изложении и записи стихотворных образцов. К примеру, Шафик приводит в качестве образца из поэзии Мирали Акбара Ташбеги следующий бейт:

با ما هنوز آن سخن دلخراش است آن خشم و «آن نخواهم و این جا مباش» است

[14, 56].

*Все также с нами горькие сердцу слова остались,
Тот гнев, то «не хочу» и «прочь отсюда» остались*

Здесь автором допущена ошибка и вместо «аст» - *есть* в конце строки должны быть рифма «хаст». Также при упоминании поэзии Мирзо Мухаммадайюба Джавдата Бадахшани также неправильно записан бейт:

دلی دارم که دار خار خار از یاد گیسویش برنگ خار ماهی شانه میروید ز پهلوش

[14, 70].

*Сердце мое, что скребет от мысли ее локонов,
Как плавник у рыбы - есть сбоку сердца гребешок*

В приведенном выше бейте в первой строке Шафиком допущена ошибка в записи. В бейте Саки Джазаيري в первой строке он также допускает ошибку в записи и пропускает одно слово:

ز جانم گاه گری گاه دردآلود برخیزد بلی چون آب بر آتش فشانی دود برخیزد

[14, 124].

*Из сердца моего то стон, то **вздох** больной исходит,
Коль воду на огонь разлить, вздымается пар*

Указанные нами ошибки в записях Шафика присутствуют при описании творчества Джамили Исфакани [14, 71] и Муллы Шах Мухаммада [14, 147] и нельзя утверждать, что они допущены самим Шафиком, или же писарем или же лицом, подготовившим антологию у публикации.

В целом, язык и стилистика изложения Шафика в антологии «Вечер странников» вполне распространенные, устойчивые и наряду с простотой, не лишены художественных средств выражения, в связи с этим, от многих прозаических произведений, написанных на Индийском полуострове, по

словам Маликушшуара Бахора, в которых нет ничего более демонстрации видимости мудрости, и «писатель, живущий в Индии, ... не имеет темы для изложения, либо если она существует, вместо того, чтобы высказать своими слова, что-то не сусветное пишет и излагает свои мысли кажущимися подходящими замысловатыми словами, однако совсем далёкими от сути» [72, 259], антология Шафика значительно отличается. Этого мнения о церемонной и преувеличенно любезной литературе на полуострове Индостан также придерживается и другой иранский исследователь - Сирус Шамисо: «Проза этого периода (восемнадцатый век - *Н.Ш.*) почти малоценна. Язык простой, и если захотят написать литературным языком, пишут церемонно, искусственно и невыразительно» [85, 213]. По нашему мнению, подобная тяга к высокопарной и искусственной прозе в антологии «Вечер странников» Шафика не ощущается, так как речь его в которой уделено большее внимание не внешнему облачению, а глубокой внутренней сути проста, но изящна и содержательна,.

По данному разделу главы о стилистике изложения «Вечер странников» нами сделаны следующие выводы по:

1. Антология «Вечер странников» написана в стилистике прозы мурсал, требующей простого и доступного изложения, однако в некоторых случаях автор допускает арабские заимствования, художественные средства выражения, малоупотребительные слова и пр.

2. Автором антологии в малом количестве использованы коранические аяты, арабская поэзия и арабские обороты, традиционные для персидско-таджикских антологий, где автор неукоснительно придерживается специфических правил их составления.

3. Наряду с использованием многочисленных художественных средств выражения, Нарайин Шафик употребляет особые обороты в изложении, ставшие характерной стилистической чертой антологии, значительно повысившей художественную ценность его произведения.

II.4. «Вечер странников» как источник литературной критики

Наряду с написанием различных по жанру произведений, персидско-таджикские литераторы всегда испытывали интерес к критической полемике по вопросам прозы и поэзии. Литературная полемика по вопросам поэзии, по ее содержательным аспектам, стилистическим и жанровым особенностям, оценки, сравнительного анализа творчества поэтов, заимствований и плагиата, роли поэзии и прозы в обществе, хотя и не обладает достаточной глубиной и гармонией современной литературной критики, однако ясно свидетельствует об их критических взглядах на поэзию и прозу. Их критические взгляды в целом имеют разрозненный характер, в рамках нескольких бейтов или коротких предложений, не имеющих определённых тенденций.

С возникновением жанра антологии и описания жития поэтов, в сфере литературной критики обозначилась некая направленность и наметилось развитие литературной критической мысли. Наряду с тем, что критические взгляды составителей антологий имеют непрофессиональный и авторский подход, следует отметить, что в истории персидско-таджикской литературы они являются одним из этапов развития литературной критики, называемым историко-антологической критикой. В связи с тем, что это направление литературной критики уделяет наибольшее внимание авторам произведений, обучению, убеждениям, мировоззрению и их житию, посредством произведений жанра антологии предоставляется большая возможность почерпнуть важную и ценную информацию о произведениях в целом.

При чтении существующих антологий можно сделать вывод, что в них изначально уделялось большее внимание историческим фактам и литературная составляющая была лишь неким придатком к произведению, а литературная критика в них имела общий характер. Но уже на следующих этапах становления и развития жанра антологии литературная полемика более глубоко проникла в ткань антологий. Общий взгляд на произведения с литературной точки зрения уступил место более конкретизированной и

направленной полемике о житии, творчестве поэтов, стали приводиться образцы из поэзии, примечательные факты, утверждения выдающихся поэтов и учёных. Стало уделяться больше внимания достоверности и грамматическому соответствию изложения, полемике по вопросам взаимного влияния на творчество поэтов, признания достоинств и недостатков поэзии, вследствие чего литературная критика в жанре антологии обрела более конкретизированные и направленные черты. В качестве примера по данному явлению можно назвать краткое исследование Махмуда Футухи, посвящённое вопросам литературной критики при последовательном сравнительном анализе двух антологий - «Лубаб-ул-албаб» Мухаммада Авфи Бухараи и «Рияз-уш-шуара» Валеха Дагистани [94, 151-168]. Автор этой публикации провел сравнительное исследование двух разных по периоду написания антологий в ракурсе «процесса развития, способов и специфических правил» литературной критики и отметил их близость к нормам и направлениям, существующим в современной литературной критике: «Очевидно, что литературная критика в жанре антологий никогда не отойдет от критических норм и это критика авторского характера. Критические методы и мнения в антологиях в основном носят личный характер и имеют в литературной критике и оценке поэзии огромное влияние, являясь авторскими. Вместе с этим и тем, что авторско-дилетантская критика на весах у новых критиков, основывающихся на фактах и свидетельствах, не имеет ценности, нельзя забывать, что эти антологии зеркально отражают «вкус времени» автора и сегодня имеют значение для обзора художественного вкуса определенного исторического этапа» [94, 153].

Следовательно, до периода написания антологии «Вечер странников» Лачхми Нарайин Шафик вопросы литературной критики и исследования поэзии уже прошли определенную стадию становления и получили специфические направления. В антологиях принципы литературной критики рассматриваются не только по методам критического исследования и оценки,

но и по другим нормам. Если в антологиях, начиная с выбора бейта, исследуются словосочетания и обороты, используемые авторами антологий по тому или иному поэту, манере оценивания их творчества автором, то по нашему мнению, исследователям открывается более полная картина литературной критики жанра антологии.

Самой первой оценкой поэта является его значимость с точки зрения автора антологии, который является одновременно и одним из первых литературных критиков. Несомненно, для полного и достоверного исследования значимости поэта с точки зрения автора антологии должно быть уделено внимание деталям, которые автор антологии приводит о поэте. К примеру, в антологии Нарайина Шафика статус поэта можно отчётливо почувствовать в описательной оценке автора. Пакистанский ученый Наджм-ар-Рашид при критическом исследовании антологии «Макалат-уш-шуара» «указывает на элемент красноречия и совершенства речи» как один из первых шагов в литературной критике жанра антологии [102, 143].

Шафик также давал глубокую оценку поэтическому мастерству тех лыбителей поэзии, которые изредка писали стихи, и занимались в основном политической и общественной деятельностью. К примеру, о поэте по имени Мирзобек Сипехри Шафик приводит: Сипехри, Мирзобек - двоюродный брат Властителя мира Аминуддина Хирави - везиря Акбаршаха... У него был поэтический вкус» [14, 123]. Его оценки поэтического мастерства Муллы Ходжи Араба - «иногда писал стихи» [14, 182], Фидаи – «имел тонкий вкус» [14, 206], Мирзахана Нишапури - «обладал поэтическим талантом» [14, 237], Ишки - «писал стишки» [14, 173], Мухаммадшаха Унси - «обладал поэтическим талантом» [14, 25], Мирмухаммада Мумина Астарабади - «иногда сочинял стихи» [14, 243] – свидетельствуют о том, что автор антологии при написании книги был близко знаком со многими поэтами, а потому воздерживается от лишних описаний и комментариев. Лаконичность и точность Шафика иногда доходит до той степени, что он упоминает о происхождении и сословии поэта: «Даввани Хаким Айнулхак Гилани - по

материнской линии восходит к Мавляна Джалалуддину Гилани. Был благодетелен и преуспел в глазном лекарстве, сурьюмою того времени служил... Поэт среднего сословия» [14, 100].

Другой чертой, встречающейся при художественном описании Шафика, является его тонкое и деликатное отношение к поэтическому творчеству. То есть, Шафик в качестве литературного критика, дающего объективную оценку поэзии и статусу поэта в своём обществе, достаточно деликатно указывает на слабость поэтического слога и недостатки мастерства. В качестве примера можно привести упоминание Шафиком поэта по имени Мулла Хакими: «Мулла Хакими - двоюродный брат Урфи Ширази. В правление Шахджаханшаха прибыл в Индию и в Бенгалии служил при Касымхане - наместнике той части. Потом прибыл из Бенгалии в Хайдарабад Декана и *пытался сочинять стихи по наследству...*» [14, 86]. Или же о Мукимо Фавджи: «Фавджи, Мукимо - сын Муллы Кайди, двоюродного брата Мулла Назири Нишапури, *преемник жемчужин поэзии*. Прибыл в Индию, после вернулся опять на родину, оттуда уехал в Нишапур и вновь возвратился в Исфахан, и скончался...» [14, 209]. То есть, Шафик вначале рассказывает об их родстве с выдающимися поэтами, далее некоторыми оборотами деликатно намекает, что в поэтическом мастерстве, по его мнению, они занимают несколько нижнюю ступень по сравнению со своими талантливыми родственниками.

В других случаях автор антологии краткими фразами и словосочетаниями даёт оценку стилистике и характерным поэтическим приемам поэтов. Хотя такое явление нечасто встречается в антологии «Вечер странников», однако оно имеет весьма изящный склад. Так, Лачхми Нарайин Шафик поэту Тахиру Исфахани даёт следующую оценку: «Тахир Исфахани - стихоплёт...» [14, 167], то есть то направление, что выбрал Тахир Исфахани в поэзии, имеет лишь форму и выразительность, его поэзия не имеет особого содержания.

В других случаях автор антологии останавливается на языковых особенностях стихов поэта по имени Данахи: «... Большинство его стихов написана на деревенском наречии, имеется множество газелей на городском наречии» [14, 100-101]. То есть, словосочетания «деревенское наречие» и «городское наречие» означают, что автор антологии уделил внимание использованию в поэзии особого наречия в разных местностях (в нашем случае селение Дана - в окрестностях Нишапура - *Н.Ш.*) и литературного языка.

Лаконичность и точность изложения Шафика дала ему возможность не оставить без внимания вопросы литературной критики, напротив родила в нём собственное видение данных вопросов. В приведённых немногочисленных примерах демонстрируется критический взгляд автора антологии «Вечер странников», вкратце и однозначно обозначено отношение Шафика к вопросам поэтической критики, статуса поэта, стилистических и жанровых особенностей поэзии. Именно эту приверженность антологий к «знаковой» критике, критике «легкого намека» авторов антологий особо отметил доктор Ризо Ашрафзаде [66, 13].

Наряду с этим, Шафик деликатно отмечая непрофессионализм некоторых поэтов, основным занятием которых являлось ремесло, уделяет внимание также личностям именитым и авторитетным. К примеру, поэт Ядгар Мухаммаде Холати удостоился похвалы личных качеств и далее был отмечен его поэтический талант: «...Был известен в правдивости и красноречии, обладал достойным поэтическим талантом» [14, 82]. Так же Шафик отмечает поэтическое мастерство Хаяти Гилани, что он «обладатель тонкого вкуса и в разнообразии поэзии исключителен» [14, 82], Мирзо Хасан Рафе - «прекрасно сочиняет различные стихи и везде доводит слово до совершенства» [14, 111], Рашидо - «в поэзии достиг совершенства» [14, 114], Шахиди Куми - «поэзия его не лишена печали» [14, 136], Амил Балхи - «в поэзии благодетелен и бесподобен» [14, 184], Коили Гилани - «обладает изяществом» [14, 128], Абуталиб Калим Кашани - «во всех видах поэзии

обладает белой (чудной) рукой» [14, 225], Касим Мешхеда - «в поэзии целеустремлен и настойчив» [14, 218] – и далее в честь ещё десяти поэтов. Такое описание поэтов является важной составной частью почти каждой антологии, однако умелое выражение собственного взгляда на творчество и статус того или иного поэта, критического мнения в той или иной форме является характерной чертой антологии Нарайина Шафика, наглядно продемонстрированной вышеприведёнными примерами.

Следует отметить, что автор антологии иногда позволяет себе выразить мнение высокопарными и возвышенно-витесватами оборотами. Примечательна в этом аспекте биография Саиба Табрези, к которому Шафик выражает безмерное уважение: «Не останется в тайне, что в истоках поэзии и до настоящего времени в каждом веке поэтов было бесчисленно и достигли они невероятного совершенства в поэзии... Поэтическое наследие и достигнутые цели у Мирзы Саиба таковы, что ни у никого из поэтов их нет, и это ведомо ценителям без прикрас и это, чем яснее ясного, даже солнце...» [14, 159]. Однако следует отметить, что такое возвышенное, высокопарное изложение приводится только в отношении двух поэтов - Саиба Табрези и Озода Балгирами [14, 289]. По отношению к поэтам индийского стиля поэзии Шафик использует более приземленные, объективные описания, к примеру о Зухури [14, 168], Калиме Кашани [14, 255], Малике Куми [14, 240], Назири Нишапури [14, 299], Урфи Ширази [14, 174] и др.

Другой особенностью изложения Шафика является его мнение о поэтическом таланте и мастерстве, художественном вкусе или же индивидуальности поэтического мастерства. При констатации дат, жития поэтов Шафик также уделяет внимание жанровой приверженности их поэзии. Он причислил таких поэтов, как Надири Самарканди [14, 239], Кудси Мешхеда [14, 216], Аршад [14, 36] (14,36), Мирзо Джалал [14, 69], Тарадди [14, 57], Фагфур Лахиджани [14, 174] и Хайдари Табрези [14, 80] к поэтам-одописцам; Хайдара Тунияни [14, 79] , Аги Таки [14, 174], Равгани Астарабади [14, 107] к поэтам-сатирикам. Также автор антологии

классифицировал множество поэтов по группам стихотворцев, сочинявших рубай, газели, касыды и масневи, подчёркивая достигнутое мастерство и умение в этом направлении. В данной группе поэтов Шафик отметил Рашиди Каши - «больше писал масневи» [14, 108-109], Мир Сабира - «больше писал рубай» [14, 156], Дастура - «в сочинении рубай имел удивительную фантазию» [14, 104], Мир Сайида Фикри – «сочинитель рубай» [14, 201], Вахши Каши - «сочинитель газелей» [14, 277], Султан Сипахи - «вдохновлен сочинением газелей» [14, 122]. Поэты и прозаики, такие как Бадри Чочи, по словам автора антологии, украшал свою поэзию «уподоблением и аллегорией» [14, 45] Лутфуллах Нишапури был искусен в поэзии и прозе [14, 228] и Тугра Мешхеди - «имел в прозе особый стиль» [14, 167], они упоминаются Шафиком с должным уважением и почитанием. Подобные утверждения не являются литературной критикой, однако в признании поэзии и литературной направленности поэта являются первым и весьма важным аспектом, который автор антологии излагает с особой деликатностью.

Прямая литературная критика Лачхми Нарайин Шафик имеет справедливый и осторожный подход, не допускающий пристрастное отношение к творчеству кого-либо из упоминаемых им поэтов. Шафик выражает отношение посредством тонких намеков, либо посредством скрытой под тканью образных выражений критики, сказанной другими поэтами. О дружбе и поэтическом сотрудничестве Зухури Туршези и Малика Куми приводится много сведений в источниках, к примеру в «Рияз-уш-шуара» Валеха Дагистани [26, 381], «Махзан-ул-гараиб» («Сокровищница чудес») Ахмадхана Санделави [19, 360]. Также в антологии «Мейхане» Мулла Абдунабби Фахруззамани упоминается, что указанные поэты написали ответное масневи на «Махзан-ул-асрар» Низами [23, 460]. Шафик на основании данных сведений, изучения творчества поэтов при описании биографии Муллы Хайдара Каши, который был известен под псевдонимом «Зехни» и был современником Зухури и Малика Куми, отмечает: «Когда

Мавляна Малик Куми и Мавляна Зухури написали в ответ «Махзан» книгу в честь Адильшаха, получили за это подарок равный одному верблюду золота. Мулла Зехни по этому поводу сочинил рубаи:

معذورم دار گر نگفتم "مخزن"	در مدح و ثنایت ای شهنشاه دکن
خون دو هزار بیت بد در گردن	مپسند که بهر یک شتور زر گیرم

*В хвале и прославлении твоём, о шах Декана,
Прости меня, коль не сказал словно «Махзан».
Не хочу, чтоб за дар равный верблюду золота,
На мне кровь двух тысяч строк плохих была.*

Однако Мавляна Зухури в своем сочинении упоминает Муллы Зехни с добротой...» [14, 104]. Из данной цитаты можно уяснить несколько фактов: во-первых, совместное написание масневи двумя поэтами пришлось по нраву не всем современникам. Во-вторых, Шафик приводит рубаи Мулла Зехни не в целях показать талант или мастерство самого поэта, а в целях тонко подвергнуть критике масневи Зухури и Малика Куми, за написанное в ответ масневи «Махзан-ул-асрар» Низами. Подобный способ литературной критики наблюдается во всей антологии. Шафик в большинстве случаев опирается на критические взгляды своего наставника - Мир Гулямали Озода Балгирами, в отношении которого испытывал огромное чувство уважения и почитания. В вопросе исправления и уточнения логического смысла бейта и поэтической критики всегда следует воззрению и убеждениям Мир Гулямали Озода Балгирами. К примеру, после упоминания краткой биографии и нескольких бейтов Мутеа Исфакхани следующий ниже бейт исправил словами своего наставника:

چشم بر رخنه دیوار گلستانم نیست	عندلیب چمن چاک گریبان توام
--------------------------------	----------------------------

[14, 248].

*Я - соловей у кромки ворота платья твоего,
Глаза мои не ищут выхода в саду цветущем.*

Шафик приводит слова своего наставника: «Мир Озод сказал: «Вторая строка была бы лучше так: «Глаза мои не ищут выхода из сада твоего».

Теперь первый бейт стихотворения и смысл бейта получили другое содержание» По поводу бейта Талиба Омули, судя по словам Насрабади, которые критиковал поэт по имени Мулла Хайран Охунд, Шафик устами Озода Балгирами встает на защиту:

ز غارت چمننت بر بهار منت هاست که گل به دست تو از شاخ تازه تر آمد

[14, 248].

*«За кражу сада твоего весна поклонами полна,
Цветы в руках твоих подольше свежесть сохраняют.*

Насрабади в биографии Муллы Хайрана пишет, что «Охунду Мулле Хайрану не понравилась первая строка, и поэтому он извлёк такую жемчужину: «Ты тот росток достойный сада красоты». Мир Озод сказал: «Строка Мулла Хайрана не достигла совершенства строки Талиба. Потому, что Талиб хочет указать на три вещи: во-первых, долгая свежесть цветка в руках у возлюбленной; во-вторых, благодарность весне за цветение и это верно, первая строка Талиба о краже сада цветами – это прямое соответствие и вторая строка является изящным стихотворным повторением. Ведь цветок в руках возлюбленной неразрывен с кражей сада. Строка Муллы Хайрана не добавила красоты бейту, наоборот умалила красоту благодарности весне и соответствия, и то, что он сказал, только пышные слова, не имеющие отношения к смыслу бейта» [14, 166-167]. Из приведённого отрывка можно сделать вывод, что Шафик достойно ссылается на мнение своего уважаемого наставника. Мир Озод Балгирами тонко и обоснованно, с учетом норм стихосложения, существующего и в настоящее время, глубоко и тщательно исследовал два приведенных выше бейта. Необходимо отметить, что критические взгляды Озода Балгирами, цитируемые в антологии «Вечер странников», следуют важному принципу - принципу соблюдения гармоничного изложения. Данный принцип является актуальным и в настоящее время, без него определение поэтического статуса любого литератора становится невозможным. Хотя большинство критиков убеждены, что критика произведений жанра антологии не имеет пока

установленных норм [97,5; 73, 48], однако необходимо отметить, что данное направление жанровой критики является важным компонентом формирования и развития современной литературной критики.

Вопросы литературной критики, охваченные антологией «Вечер странников», не охватывают проблемы поэтической гармонии или содержательной части стихов. Шафик лишь изредка, но всё же уделяет внимание размеру и структуре стихов. К примеру, после записи следующих строк Муллы Хайдара, Шафик отметил:

چنان خوشم که مگر در وصال می گزرانم	شبی که وصل ترا در خیال می گزرانم
به گفتگوی غم آن غزال می گزرانم	به هر غزل غم دل شرح می دهد حیدر

[14, 76-77].

*«Ночь, что с думой о встрече с тобой провожу,
Весел так, будто я мгновенья с тобою уже провожу.
В каждой газели страдания сердца излагает Хайдар,
Вечера с разговорами о муках той газели провожу.*

Мир Озод сказал, что это размер *муджтас мусамман махбун*, который скандируется с цезурой *мафаилун фаалатун мафаилун фаалатун*. К тому последнему открытому слогу первой строки, который знатоки стихотворного размера называют «*аруз*», ставят знак отсечения, то есть сокращают «*тун*» из «*фаалатун*» и «*айн*», вместо «*фаалатун*» приводят «*фаълун*» с паузой над «*айном*», к которому относится слово «Хайдар». В противоречие размерам других газелей, написанных в размере «*фаалатун*», множественное число «*фаалатун*» и «*фаълун*» не является верным. Было бы вернее сказать: «В каждой газели о муках толкует Хайдар», однако это является недостатком не только одного Хайдара, многие великие поэты тонут в этом размере» [14, 76-77].

По вопросу происхождения некоторых стихотворных размеров Шафик также часто обращается к мнению своего наставника - Озода Балгирами. При упоминании сведений Варида Техрани о Бедиле, автор антологии «Вечер странников» отмечает: «Шах Варид сказал: «В четырёхслоговом полном

повторном размере написал стихотворение первым Адиб Сабир и он сочинял газели, количеством не более семи бейтов, зачин одной таков:

چنين شنيدم كه لطف يزدان بروى جوينده در نبندد
درى كه بكشايد از حقيقت بر اهل عرفان دگر نبندد

*Слышал я, что милость Всевышнего дверь перед просящим не закроет,
Ту дверь, что истину откроет познающим, больше никогда не закроет.*

После Адиба Сабира Мавляна Абдуррахман Джамии написал газел в семнадцать бейтов, Бедил сочинил стих в размере четыре (рукн) на четыре (такте') полный возвышенных и сокровенных смыслов» [14, 54]. Далее известным выражением «конец словам» указывает на окончание цитаты Шах Варида Техрани. Для опровержения Шафик в конце данной цитаты обращается к утверждению Мир Озода Балгирами следующим образом: «Вкратце Мир Озод сказал: Шах (Варид) не знает, что зачин Адиба Сабира не является совершенным размером, а входит в размер *мутакариб*. Цезура *фаъулу фаълон* фигурирует восемь раз и основана на шестнадцати стопах, и совершенный размер *мутафоилун* тоже ащущается восемь раз и также указывается, что Мирза Бедил не является первооткрывателем в совершенном размере, чему верят несведующие в этом люди. Ещё за четыреста лет до Мирза (Бедиля) Амир Хасан Дехлави сказал:

مه من چه باشد اگر شبى سوى دوستان گزرى كنى
به مراد ما نفسى زنى به نياز ما نظرى كنى
شب من نكرده چه تيره شد متوقعم ز عنايتت
كه نقاب را نكنى ز رخ شب تيره را سحرى كنى
چه غم است زين مرضم اگر به عيادتى قدمى نهى
چه خوش است اين لحدم اگر به زيارتم گزرى كنى

*Луна моя, что если б как-то ночью ты пришла к друзьям,
Дав грёзам нашим новое дыханье, взор обратила б к нам.
Ничто не сделало ночь моя так пасмурной, жду мою, милости твоей,
Что скинешь покрывало ты с лица, и станет ночь светла.*

*Болезнь эта нипочём, мне коль не придёшь поведать ты меня,
Могила эта будет радостью моей, лишь ты проведает её.*

Салман Саваджи над пространством воспарит:

به صنوبر قد دلکشش اگر ای صبا گزری کنی
به هوای جان حزین من دل خسته را خبری کنی

Высоким своим станом, коль ветерком ты прилетишь.

Благоуханием душе изнывшей вести благие принесешь.

Несомненно, что Мирзо Бедил стопу этого размера использовал множество раз» [14, 54-55].

Шафик в размышлениях о литературной ценности поэзии прибегал не только к воззрениям своего наставника Озода Балгирами, но и часто обращался к произведениям других антологистов в поисках сведений по вопросам литературной критики. К примеру, при описании биографии Музаффара Гунабади Шафик приводит: «Музаффар Гунабади - из современников Таки Авхади и прибывших в Индию. Таки говорит: «Масневи «Ширин и Хосров» из его произведений, строение разрозненно, однако в нем имеются хорошие строки» [14, 247]. Следует отметить, что иногда Шафик опровергает некоторые утверждения и воззрения предшественников в оценке литературных достоинств и недостатков поэтического творчества. К примеру, при описании биографии и поэтического наследия Имтиязхана Халиса, Шафик указывает на мнение Хушгу: «Хушгу ... сказал: «Другой Холис был в Индии и в Декане, про него ничего не известно, только диван его попал на глаза Сираджуддину Алихану Орзу и есть масневи про индийские фрукты, поэзия совершенна. Многие приписывают эту газель Имтиязхану Халису:

غبار راه گشتم سرمه گشتم طوطیا گشتم به چندین رنگ گشتم تا بچشم آشنا گشتم
به هر صورت که گردیدم نبردم راه در کویش نوای بلبل و بوی گل و باد صبا گشتم

[14, 97].

Стал пылью, и сурьмою стал, как мазь глазная,,

Стал разноцветен, чтоб на глаза её попасть.

*Во чтоб не превращался, достичь не смог её покоев,
Стал трелью соловья, роз ароматом и свежим ветерком*

Далее приводит свои размышления о данном отрывке стихотворения Имтиязхана следующим образом: «Ваш покорный слуга Шафик, да простит его Аллах, считает, что в первой строке зачина имеется две неточности: первая, что «пыль» – это вред глазам, тогда «стать пылью и достичь очей возлюбленной» неверно. Второе, сурьма и глазная мазь – это одно и те же, поэтому и по отдельностей упоминать не стоит» [14, 97-98]. Одной из отличительных особенностей литературной критики Шафика является то, что он уделяет особое внимание взаимосвязанности строк. Такой подход считается важной частью при исследовании художественной ценности поэзии, так как посредством данного подхода можно ознакомиться с другими вариантами стихотворения. Это наблюдается при исследовании вышеприведённого бейта: «Насрабади этот зачин считает строками Наджибо Астарабади и приводит: «Был пылью дорожной, стал я сурьмой и мазь глазною». Тогда первая неточность, указанная выше, исключается, однако вторая есть излишняя, так как пыль дорожная не соотносима с цветом. Сурьма и глазная мазь (*тутиё*) одно и то же, только сурьма – это перемолотый в порошок камень, а тутиё есть просто камень» [14, 97-98]. Шафик стремится использовать мнение известных поэтов, и относится к найденным им ошибкам и неточностям весьма строго. К примеру, после приведенного бейта Имтиязхана Холиса он отмечает: «Бесполезно, ведь глазная мазь (*тутиё*) без втирания в глаза не достигает цели, глазная мазь всегда относится к перемолотому порошку. Мирза Саиб сказал:

شد استوخان ز دور فلک طوطیا مرا بار دگر نماند در این آسیا مرا
[14, 98].

*Кости от водоворота судьбы, как смолотый порошок,
Не пустят меня на мельницу эту вновь»*

Не останавливаясь на упоминании достоинств и критике недостатков поэзии Имтиязхана, Шафик в подражание ему сочинил прекрасную газель, полностью повторяющую метрику и поэтику критикуемой им газели:

گل سرسوی گشتم شانه گر ددم صبا گشتم	به چندین شیوه گشتم تا به زلفش آشنا گشتم
به این نیت که شاید جا دهد در گوش خود جانان	تلائی حلقه گردیدم گهر گشتم صدا گشتم
چه کوشش ها که کردم تا گرفتم کام از آن لب ها	شراب ناب گشتم برگ پان گشتم نوا گشتم
نداد آن بی وفا ره بر در دولت سرای خود	عبث زنجیر گشتم حلقه گردیدم گدا گشتم
رمید از سایه من پادشاه کشور خوبی	اگرچه ابر گشتم چتر گردیدم هما گشتم
روم تا در رکاب لیلی خود حيله ها کردم	غبار راه گشتم سایه گردیدم درا گشتم
شفیق از اهل دنیا خواستم پهلوی تهی سازم	زالال خضر گشتم کمیا گشتم وفا گشتم

[14, 99].

*Цветком, и гребнем и утренним зефиром стал,
Был разным, чтоб достичь верхушки локона её.
Ведь цель моя, чтоб на ушке красавицы повиснуть,
Стать серьгой золотой, жемчужиной, иль голосом её.
Чего не сделал я, чтоб поцелуй с тех губ сорвать,
Стал я вином, листком бетеля (паном), стал песней сладкою её.
Неверная не пустила к порогу своего жилища,
И стал я цепью, и стал кольцом и нищим у порога.
От тени стана моего испуганно она метнулась,
Хоть стал я облаком, и зонтом и птицей фениксом её.
Чтоб быть у стремени своей Лейли, прибёг к уловкам я,
Стал пылью придорожной, я тенью стал, и стал шестом.
Шафик, хотел от мира сего я совсем отрешиться,
Стал чистым, словно Хызр, чудом и вечностью стал.*

В некоторых аспектах Шафиком затрагиваются важные вопросы художественной и языковой ценности поэзии, однако в некоторых случаях наблюдается несколько высокая оценка поэзии, не имеющая большой художественной ценности. Газели Муллы Хайдара, сказанной посредством

приема контрастов, Шафик даёт такую оценку: «Мулла Хайдар сказал эту прекрасную газель посредством противопоставления и жемчужины чудесные отшлифовал:

لطفی که می شنیدم در چهره تو دیدم	در چهره تو دیدم لطفی که می شنیدم
جان را به تحفه جانان پیش سگت کشیدم	پیش سگت کشیدم جان را به تحفه جانان
گل های شادمانی از باغ وصل چیدم	از باغ وصل چیدم گل های شادمانی
امروز از زبانت حرف وفا شنیدم	حرف وفا شنیدم امروز از زبانت
از جان و دل چو حیدر وصل ترا خریدم	وصل ترا خریدم از جان و دل چو حیدر

[14, 77].

В лице твоем увидел ту прелесть, что прослышал,

Ту прелесть, что прослышал, в лице твоём увидал.

Псу у порога принес я душу в дар, душа моя,

Принес я душу в дар, душа моя, псу у порога.

Из сада встреч твоих я счастья цветы собрал,

Собрал я счастья цветы из сада встреч твоих.

Верности слова сегодня из уст я услышал.

Услышал я из уст сегодня верности слова.

Всей душою встреч с тобой я жажду, словно Хайдар,

Словно Хайдар я жажду встреч с тобою всей душой

В действительности, приведённая выше газель является лишь незатейливой игрою слов, однако эстетика, содержательность и глубина поэтического воображения ушли в ней на второй план. По нашему мнению, высокая оценка Шафика приведенной выше газели имеет несколько причин: в период жизни Лачхми Нарайина Шафика персидский язык постепенно уступал место языкам хинди и урду, на что указывает и Тавфик Субхани [79, 581]. Это обусловило то факт, что в персидско-таджикской поэзии начали постепенно преобладать декоративные, надуманные формы, возникло противоречие в ценностном аспекте произведений. Некоторые автор антологий и литературные критики-современники Шафика придерживались

мнения, что высокопарность и витиеватость вкупе с двусмысленностью являются обязательными элементами поэзии. К примеру, Мухаммадафзал Сархуш, который был почти современником Шафика, описывает Гани Кашмири таким образом: «В области Кашмир, да и на всём Индийском полуострове, нет более изящного, тонко мыслящего человека» [14, 145] и после добавляет: «Многие вещи сказаны им одинаковыми словами с разными значениями (*ихам*)» [14, 145]. Приведённый бейт из его творчества говорит об уровне его мастерства:

بی چراغ است اگر بزم خیالم غم نیست مصرع ریخته شمعیست که در عالم نیست
[12,145].

На вечере раздумий нет свечи, не беда,

Изящная строка - моя свеча, подобной в мире нет.

При критическом исследовании поэзии Шафик придерживается канонических принципов или же он более лояльно относится к поэтам позднего индийского стиля поэзии, которые относительно просты в понимании, к примеру, это можно наблюдать в описании Саиба Табреси или в критике Абдулатифхана Танхо, который был выдающимся последователем индийского стиля поэзии: «Двусмысленность дошла до такой степени, что большинство литераторов считали его пустословом» [14, 63]. Поэзия самого Шафика также написана простым и доступным языком, что является подтверждением нашего предположения. В связи с тем, что антология «Вечер странников» написана в период замещения персидско-таджикского языка на языки хинди, урду и английский язык, и многие уже потеряли связь с персидским языком, вероятно автор для демонстрации изящества и тонкости персидско-таджикского языка привел очень простую и близкую к простонародной речи газель Хайдара Кулуча.

Другой причиной такой оценки поэзии вероятно является то, что для поэтов, прозаиков, историков и энциклопедистов, родившихся на Индийском полуострове, персидско-таджикский язык был чужим, и многие из них, по словам Валеха Дагистани, «не могли отличить уродство от красоты и рубин

от колючки» [26, 68]. Однако глубокие и последовательные исследования поэзии в антологии «Вечер странников» говорят о непричастности данной версии в её отношении.

По вопросам вопросов литературной критики и исследования художественных особенностей нами сделаны следующие выводы:

1. В антологии «Вечер странников» не имеется обширных и объёмных исследований по вопросам художественной ценности и языковых особенностей наследия выдающихся или малоизвестных поэтов, однако краткие сведения данного направления все же поэтом приведены, к которым Шафик относится с присущей ему точностью и старается вкратце описать стилистику и поэтику произведений поэтов.

2. В вопросах литературной критики, по вопросам правильного написания стихов, Шафик в большинстве случаев не ограничивается собственными заключениями, а обращается к мнению и воззрениям выдающихся предшественников или своих знаменитых современников. Более всего в антологии Шафик придерживается мнения своего наставника Мир Гулямалихана Озода Балгирами, полностью отвечающего его представлениям о поэзии, стилистике и поэтике.

3. В случаях, когда Шафик выражает собственное критическое отношение к творчеству какого-либо поэта, ему присуще обоснование своего мнения посредством приведения примеров, цитат выдающихся предшественников, а также особая деликатность в изложении.

ГЛАВА III. МЕСТО АНТОЛОГИИ «ВЕЧЕР СТРАННИКОВ» В ЖАНРЕ ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ АНТОЛОГИИ ИНДИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

III.1. Краткий обзор развития жанра антологии на Индийском полуострове в XVIII веке

Наряду с тем, что антология является одним из важнейших литературных источников, во всех книгах по персидской литературе до XVI века, за исключением антологии Давлатшаха Самарканди, термин «антология» употреблялся для обозначения значения «воспоминания», «мемуары». Однако начиная с XVI века, особенно на полуострове Индостан, ставшим центром и пристанищем персидско-таджикского языка и литературы, этот термин начал употребляться для обозначения биографии, жития и стихотворных коллекций поэтов, и по сей день также употребляется в указанном выше значении [92, 91].

Жанр антологии на Индийском полуострове получил развитие с периода нашествия Газневидов и их правления. Завоевательные походы Махмуда Газневи обусловили распространение исламской культуры и развитие персидского языка и литературы на Индийской полуострове, открыв путь будущим поколениям в развитии персидской поэзии и прозы [10, 9]. Появление на этой земле множества поэтов стало причиной бурного развития жанра антологии и антологии о множестве поэтов были собраны и написаны именно здесь. Для поэтапного исследования становления жанра антологии на Индийском полуострове следует систематизировать периоды написания антологий, вследствие чего возникнет краткая концепция становления и развития жанра антологии на полуострове Индостан и в Пакистане. Следует отметить, что первая антология о мистиках и первая поэтическая антология написаны здесь. Условно периоды развития жанра антологии на полуострове Индостан можно разделить на следующие этапы:

1. *Период Газневидов (999-1206);*
2. *Период после Газневидов до периода правления Тимуридов Индии;*

3. Период Тимуридов Индии.

В первые годы данной периодизации на Индийском полуострове и в Пакистане были написаны всего две антологии - «Кашф-ул-махджуб» («Открытие сокрытого») Худжвири и «Лубаб-ул-албаб» Мухаммада Авфи Бухарай. В период правления Тимуридов их число намного увеличилось. В указанный период были написаны антологии «Тазкирай Тавфи» («Антология Тавфи») Тавфи Табрези, «Джавахиру-л-аджаиб» («Удивительные драгоценности») Султана Мухаммада Фахри Хирави, «Ариф-л-асар» и «Маджмау-л-фузала» («Собрание мудрых») Ходжа Мухаммад Ариф Бакаи Бухарай, «Хафт иклим» («Семь климатов») Амина Ахмада Рази, «Базмор» («Украшение праздника») Саййида Али ибн Махмуда Хусайни и другие, отражающие развитие жанра антологии в указанный исторический период.

В истории Индии XVIII век прослыл веком хаоса и неурядиц, междоусобных войн различных правителей из династии Тимуридов, век упадка науки и литературы, особенно персидского языка и литературы, когда шах Аурангзеб (1656 – 1705), правление которого названо последним золотым периодом науки и литературы, вопреки традициям своих великих предков - Акбаршаха, Джахангиршаха, Шахджаханшаха, отдалил от двора поэтов, литераторов и ученых. Другим фактором, обусловившим упадок персидского языка и литературы, и в целом положившим конец правлению Тимуридов в Индии, стала колонизация полуострова Индостана Великобританией и учреждение британского колониального правительства.

Наряду с тем, что стараниями британских колонизаторов персидско-таджикский язык потерял свой привилегированный статус и был частично заменен на язык урду, наследие поэтов и прозаиков и тогда сочинялось на персидско-таджикском языке, в частности антологии, пережившие необычайный расцвет в этот период. Алириза Накави отмечает, что «Автор «Тазкирай Азам» («Антология Азама») указал имена 24 поэтов, сочинявших на персидском языке и имевших диваны, а также приводит имена 20 поэтов, написавших другие произведения на этом языке» [105, 199]. Со слов Алириза

Накави выясняется, что несмотря на утерю статуса персидским языком, отдавшим свои позиции языку урду, поэты и писатели, ученые и исследователи писали свои произведения всё так же на персидском языке. В указанный период количество написанных антологий возросло в три раза. К примеру, в указанном веке было написано 59 литературных антологий, из которых 53 составлены литераторами индийского происхождения и только 6 антологий принадлежат перу литераторов персидского происхождения [105, 200]. По утверждению иранской исследовательницы Муфран Афсоны, третий период составления антологий больше связан с наследием учёных и составителей антологий индийского происхождения [100, 773].

Антологии этого периода: «Латаиф-ул-хаял» Шейхе Муфида Ширази, «Каламат-уш-шуара» Мухаммадфзала Сархуша, «Мираат-ул-хаял» Шерхана Луди, «Хамешабахар» Кишана Чанда Ихласа, «Сафинаи Хушгу» Биндрабан Даси Хушгу, «Яди Байзо» Мир Гулямали Озод Балгирами, «Гулдаста» Абдулваххаба Оламгири, «Бахористони сухан» Мир Абдурраззака Самсамуддавла, «Рияз-уш-шуара» Аликулихана Валеха Дагистани, «Тазкираи Хусайни» Мир Хусайндуста Хусайни Санбахли, «Маджма-ун-нафаис» Сираджиддиналихана Орзу, «Тазкират-ул-муасирин» («Антология современников») Шейха Мухаммадали Хазин, «Тухфат-уш-шуара» («Дар поэтов») Мирзы Афзалбека Аврангабади, «Тазкираи беназир» («Невиданная антология») Мир Абдулваххаба Ифтихара Давлатабади, «Боги маони» («Сад смыслов») Накша Али, «Мардуми дида» («Зеница ока») Муллы Абдулхакима Хокима Лахури и др.

Антологии по структуре классифицируются на две категории: общие антологии и антологии специфические (по характеру собственные стихотворные коллекции). Общие антологии, написанные в XVIII веке:

«Латаиф-ул-хаял» («Изящные мысли») Шейха Муфида Ширази. Имя автора антологии - Мухаммад ибн Мухаммадариф Ширази Дараби, о его жизни мало сведений, однако в период 1062/1652 гг. он находился в Давлатабаде Индии и проживал там [105, 203]. По сведениям Алиризы

Накави Шейха, Муфид Ширази написал антологию в 1076/1666; будучи в Индии [105, 204].

Антология «Латаиф-ул-хаял», по сведениям списка имён поэтов, который существует в рукописи Университета Лахора, приводит сведения о 454 поэтах, однако в Университете Лахора существует только один том антологии, который охватывает биографию и стихотворные образцы 115 поэтов. Однако согласно рукописи Библиотеки Малика в Тегеране, существуют два тома произведения, в которых приводится биография 354 поэтов. Антология начинается с Хафиза Ширази и заканчивается биографией Мир Хусайна Кудиса Карбалаи [97, 87]. Автор в антологии «Латаиф-ул-хаял» классифицировал поэтов по месту пребывания [97, 90-98].

Шейх Муфид Ширази приводит подробно образцы поэзии 120 поэтов, таких как Шейх Бахауддин Мухаммад, Мирза Джалал Асир, Мирза Саиб, Зулали Хансари, Ариф Ширази, Талиб Амули и Зухури Туршези. Из упомянутых поэтов более всего внимание уделено поэзии Зулали Хансари, которому посвящена 51 страница и избранное из «Сакинаме» Зухури Туршези на 42 страницах [105, 207].

«Сафинаи Хушгу» («Корабль Хушгу») Биндрабана Даси Хушгу является общей антологией, состоящей из трёх частей и посвящённой 1418 поэтам, классифицированным по хронологическому порядку. В третьей части описаны житие и творческое наследие персоязычных поэтов XVII-XVIII века Индии. Антология является достоверным источником в исследовании литературы и литературной критики персоязычной поэзии Индии и состоит из следующих частей:

В первой части приводится биография 362 поэтов древнего периода, начиная с Рудаки и до Кафи, вторая часть охватывает 811 средневековых поэтов - начиная с Абдуррахмана Джами и до Шугуни Гулбаягани (современник Шахджахана - *Н.Ш.*) и третья часть состоит из двух разделов. В первом разделе приводится биография и творчество 17 поэтов, которые упомянуты также во второй части антологии. В том числе автор рассказывает

о жизни и творчестве Фитрата, Хусайни, Бобо Мухаммадали Исфакани, Шавкате Бухараи и других, а второй раздел третьей части охватывает биографии 245 поэтов-современников Хушгу [29, 154]. Указанная часть начинается с Насирали Сархинди и заканчивается биографией Мунши Сурабсингха, известного под псевдонимом «Зола».

Третья часть антологии является редкой, единственную копию рукописи осуществил Озод Балгирами в 1182/1768 году. Эта рукопись в настоящее время находится в библиотеке Машрикия города Патна.

Об этой антологии доктор филологических наук З. Гаффарова отмечает: «Из этого исследования следует вывод, что антология «Сафинаи Хушгу» как литературный источник играет важную роль в изучении национальной идентичности и родословной поэтов и исследование данного вопроса в рамках этой антологии предоставляет нам обширный материал из точных и достоверных сведений» [29, 165].

«Маджма-ун-нафаис» Сироджиддиналихана Орзу написана в 1163/1750 году. Антология носит общий характер и охватывает подробные биографии и избранные краткие поэтические образцы в объеме 40 тысяч бейтов поэтов древнего периода, начиная с Абуязида Бастами и до Мухаммадшарифа Яктаи Кашмири. Количество поэтов согласно сведениям Банкипура доходит до 1736, по утверждениям Шпренгера - 1419 поэтов-самое точное число [105, 158]. Сираджиддиналихан Орзу был талантливым литературным критиком, имеющим собственный стиль в оценке художественной и языковой ценности творчества, и уделявшим огромное внимание их исследованию. Иногда он считает себя уникальным в изучении поэтического мастерства и наставляет: «...лучше бы он сказал так» [4,229, 248]. По словам исследователей, указанные и другие антологии написаны в период нового витка развития жанра антологий и по утверждению Махмуда Футухи не лишены «сравнения поэтов друг с другом, критического мнения об их наследии» [93, 303]. Касаемо своей личности автор приводит 700 бейтов. Иногда при упоминании и исследовании поэзии других поэтов он

также приводит собственные стихи. Биография современников автора антологии составляет основную часть произведения. В предисловии произведения упоминаются «Тухфаи Соми», «Арафат-ул-ашикин», «Тазкираи Насрободи» и «Каламат-уш-шуара» Сархуша [97, 158].

«Мунтахаб-ул-аш`ар» Марданалихана Мубтала Мешхеда написана в 1161/1748 году и приводит сведения о 711 поэтах древнего и нового периода, начиная с Ахли Ширази до Якто Хинди (Тара Чанд). Автор антологии причину написания антологии объясняет его давнишней тягой к поэзии, чтению поэтических произведений, сбору хороших, по его мнению, стихов, что подвигло его на написание антологии. Сведения, приведённые в антологии, имеют краткий характер и простой язык изложения.

«Мунтахаби Хоким» («Избранное Хокима») Абдулхакима Хокима Лахури, дата написания – 1161/1748 год. Это краткая антология включает биографии поэтов-современников Хокима - Офарина Лахури, Мир Гулямали Озода, Умеда, Сироджиддиналихана Орзу, Мир Абдулхайя и Шейха Мухаммаднура. Антология «Мунтахаби Хоким» написана на основании антологии «Маджма-ун-нафаис» Сироджиддиналихана Орзу с некоторыми дополнениями - добавочными автобиографическими сведениями и поэтическими образцами и некоторых других поэтов. Автор после написания «Мунтахаби Хоким» написал другую антологию сведения, - «Мардуми дида», где приводит более подробно, чем в «Мунтахаби Хоким». Антология дошла до нашего времени в виде двух неполных рукописей [105, 184].

«Икди сурайя» («Ожерелье Плеяды») Гуляммусхафа Хамадани, год написания 1199/1785, антология посвящена биографиям 133 персоязычных поэтов, обретшим славу и почет в Индии (с периода Мухаммадшаха, то есть 1131/1719 года до периода Аурангзеба Завоевателя 1171/1760 года - *Н.Ш.*). По сведениям Чарльза Рё [129, 337], рукопись Британского музея описывает биографию и наследие 149 персоязычных и индийских поэтов-современников автора антологии, однако некоторые из них никогда не

покидали пределов Индии, к примеру, Озар Бегдили, Мирза Ашраф Омири, Мирза Джафар Рахиб Исфакхани, Рафик Исфакхани и др. [129, 337].

Антология «Каламат-уш-шуара» Мухаммадафзала Сархуш написана в XVIII веке в правление Аурангзеба в Индии. Автор данной антологии был одним из известных поэтов, умелым прозаиком, родом из Кашмира. Мухаммадафзал Сархуш является выдающимся представителем персоязычной литературы Индии, прославившимся лучшими поэтическими образцами и литературными произведениями. Однако главным произведением, принесшим ему славу, является его антология «Каламат-уш-шуара», охватившая сведения о 172 поэтах, современниках автора антологии, живших в период правлений Джахангиршаха, Шахджаханшаха и Аурангзеба. Автор антологии предоставил ценную и во многих случаях исторически достоверную информацию. Антология традиционно начинается с прославления правителей того времени, далее приводятся размышления автора о поэзии и литературе. Оценивая поэзию и воздавая почести поэтам, он отмечает: «Поэты несравнимы друг с другом и каждый высокочтим и достоин «божественного таланта», как говорит Мулла Зухури. Бейт:

ز هیوان به نطق ادبی برتر است پس ادمتر ان ک-او سخنورتر است.

*Человек стоит выше зверя речью своей,
А выше человека тот, кто пишет стихи.*

Между уважаемыми поэтами и пророками, мир всем им, есть схожесть, так как деяния двух высоких сословий всегда идут от истоков милости и сокрытого мира, как сказал Мавлави Низами в «Махзан-ул-асрар»:

پیش و پس قلب صف کبریا پس شعرا آمد و پیش انبیا

*У сердца вокруг стоят на страже пророки,
Потом явились, встав рядом с ними, поэты.*

Достоверно должно знать, что описание жития, слушание о благородных не лишены пользы и большого интереса [12, 30].

Мухаммадафзал Сархуш причину написания антологии «Каламат-уш-шуара» объясняет во введении произведения следующими словами: «Не хочу

скрывать, что те, кто ранее начали сочинять поэтические антологии, начали с жизни и наследия мудрого Рудаки до своего периода жизни. Большинство летописей и антологий доходят до периода правления высокопрестольного Акбаршаха Гази, в каждой летописи скрыты сведения об их жизни и описаны их житие. Моему скудному уму известно, что учиться по рассказам кого-то и пересказывать чьи-то слова не имеет особого удовольствия:

طبیعت را ملال انگیز باشد

مکرر گرچه سحرآمیز باشد

Повторению колдовство присуще,

Но природе это ведь не в радость.

Будет более правильным сказать, что это период процветания мечтателей слова и сотворителей смысла, и если некоторое их поэтическое богатство будет записано и упомянуто по их жизнеописанию и их высказываниям, то оно будет иметь огромную ценность» [12, 31].

Таджикская исследовательница З. Гаффарова отметила: «Одной из важных особенностей антологий является отбор поэтических образцов. Сархуш этой особенности антологий придерживался особо точно. После констатации сведений о литературной деятельности поэтов он приводит образцы из их творчества. При выборе Сархуш уделяет большое внимание поэтическому жанру. В антологии приведены газели, масневи, касыда, кыт`а, рубай, марсия (элегии) и другие поэтические жанры персидско-таджикской литературы. В целом, количество строк, приведённых в антологии, составляет 2512 строк, из которых 966 бейтов - газели, 90 бейтов - кыт`а, 71 бейтов – масневи, 6 бейтов - из касыд, 40 двустуший, 71 рубай, 3 бейта из рубай и 20 строк» [29, 122].

Сведения о поэтах приводятся в алфавитном порядке. В антологии поэты расположены в порядке арабского алфавита по первым буквам их псевдонимов. Первым упоминается поэт Мир Илахи и последним Мир Яхйа Каши. Антология содержит сведения по каждому поэту под отдельным заголовком, в большинстве случаев приводится их биография, далее по традициям написания антологий следуют образцы их поэтического наследия,

которые в таджикской текстологии имеют огромное источниковедческое значение. В некоторых случаях Сархуш приводит под общим заголовком двух одноимённых поэтов, например Салика, Язди и Салика Казвини, и далее следуют образцы их поэзии. В целом, антология содержит сведения о таких поэтах, как Мир Илахи, Мирза Джалал Асир, Мирза Ибрахим Адхам, Амани, Зафархан Ахсан, Инаятхан Ошно, Асафи Куми, Мухаммадсаид Иджаз, Мулла Мухаммадсаид Ашраф, Мухаммад Ибрахим Инсаф, Мухаммадсадик Илка, Мирмухаммадахсани Иджад, Мулла Али Техрани, Истигна, Биниш Кашмири, Бакир Табрези, Абухасан Бегона, Чандарбхан Барахман, Бхупат Рай Бегами Бираги, Таджлили, Мухаммадаки, Танхо, Мир Ташбихи, Мухаммад Джамал Талаш, Сакиб и др. Автор в предисловии к книге приводит следующий бейт:

داخل اهل سخن نيست به پيش دانا هر كه نامش نبود در "كلمات الشعرا"
*Не войдёт в круг сведущих как равный по уму,
Чьего имени нет в «Каламат-уш-шуара».*

По сведениям З. Гаффаровой, Мухаммадафзал Сархуш, начиная с этого бейта, демонстрирует свой поэтический статус, согласно которому со знанием дела вносит в антологию самых знаменитых и выдающихся поэтов того времени. Однако в конце книги Сархуш отказывается от соблюдаемого им принципа известности и талантливости избираемых для антологии поэтов и уже констатирует сведения обо всех поэтах, о которых собрал биографические и другие сведения. «Хотя поэтов на свете много, – пишет Сархуш, – и их бесчисленное количество, ваш покорный слуга нашёл сведения об этих благородных» [29, 79-80].

В указанный исторический период было написано множество антологий, которые были нами исследованы но ограниченность рамок исследования не позволяет предоставить более подробные сведения о них, в связи с этим мы ограничимся указанием только названия антологии, автора, года написания и количества поэтов, упомянутых в данной антологии.

«Мейхана» или «Харабат» Хусайна ибн Лутфуллаха Техрани Рази, год написания 1140/1728;

«Навбахор» Мухаммада Рафеуддина ибн Мухаммада Шамсуддина Накшбанда Кадира Кандахари, известного под псевдонимом «Рафе», год написания 1116/1704, 602 поэта;

«Яди байзо» Мир Гулямали Озод Балгирами, между 1145/1732 – 1148/1735 годами, 532 поэта;

«Мираат-ул-хаял» Шерхана Луди, год написания 1102/1691, 130 поэтов;

«Маджмуаи ишк» или «Чор чаман» Гуляммухйиддина Ишка, год написания 1178/1764;

«Макалат-уш-шуара» Киямуддина Хайрата Акбарабади, год написания 1174/1761, 150 поэтов;

«Мардуми дида» Абдулхакима Хокима Лахури, год написания 1175/1762, 603 поэтов;

«Макалат-уш-шуара» Мир Алишера Коней Татави, год написания 1174/1761, 719 поэтов;

«Хамешабахор» Кишана Чанди Ихласа, год написания 1136/1724, от 200 до 307 поэтов.

Известно, что в указанный период было написано ещё несколько антологий, однако в связи с недоступностью их рукописей или малочисленных сведений о них, мы воздержались от их упоминания в приведённом выше списке.

Исследования в области особенностей антологий XVIII века показывают, что они имели огромную ценность в истории лиратуры и литературной критики, представляли обширный обзор персидско-таджикской поэзии и служили достоверными и авторитетными первоисточниками в изучении литературной картины указанного периода. Следует отметить, что все антологии по содержательной части достигли небывалых жанровых и художественных высот, их общекультурную ценность оценили уже последующие исследователи и составители антологий.

Согласно сведениям, полученным из исследования названных антологий, в целом в них приводятся ценные биографические сведения о полутора тысячах поэтах разных периодов, об их житии, творчестве, наследии, убеждениях, воззрениях, стилистике, их роли в развитии персидской литературы.

Наряду с этим, посредством антологий можно получить важные сведения не только исторического, но и общекультурного характера, в целом отражающих культурную и литературную обстановку периода, литературных школ и направлений, взаимоотношений между поэтами, процесс развития литературного направления поэтического подражания.

Самой важной особенностью антологий указанного периода является тот факт, что сведения, приводимые в антологиях, чаще всего извлечены при непосредственных встречах с поэтами, имеют достоверную основу, вследствие чего предоставлена возможность почерпнуть самые точные и внятные сведения о поэтах.

Одним из важных аспектов, затронутых в антологиях данного периода и повышающих их источниковедческую ценность, является оценка культурных связей и личностных взаимоотношений поэтов и составителей антологий Ирана Индии и Маверуннахра. Согласно сведениям, культурные связи между поэтами Ирана, Индии и Маверуннахра были весьма прочными, следующими из личных встреч с поэтами, путешествий и визитов персоязычных поэтов в Индию, их участия в литературной жизни Индии, присутствие на придворных поэтических состязаниях и совместных поэтических вечерах, что способствовало возникновению устойчивых литературных кругов и дало импульс развитию культурных отношений. Обзор взаимосвязей и отношений между поэтами является важным фактором, имеющим для учёных огромную научную значимость в исследовании данного литературного периода.

Следует отметить, что охват антологиями не только биографических данных, но и сведений о художественных, языковых, стилистических

особенностях, вопросов литературной критики, удваивают ценность антологий с точки зрения персидско-таджикского литературоведения.

Примечательно, что большинство составителей антологий попытались также предоставить сведения о взаимоотношениях между учёными, поэтическими кругами и правителями того времени, об их отношении в целом, к литературе и литераторам, дать оценку их роли в развитии литературы указанного периода. Исследованные нами антологии признаны важными историческими источниками, так как в них имеются сведения о политической обстановке, социально-экономической ситуации многих исторических периодов. Сведения, изложенные авторами антологий, чаще приводятся на основании собственных наблюдений и подкреплены достоверными фактами. В связи с этим, указанные ими сведения не только выходят за рамки литературного произведения, но и являются носителями исторической действительности и соответствуют исторической хронологии.

Одной из важных особенностей антологий является полемика по развитию жанров и их характерных черт. Составители антологий при описании жития и наследия поэтов уделили внимание также жанровой принадлежности, тематического охвата поэтического достояния, отмечая существенный вклад каждого в развитие поэтических жанров. Вследствие этого, можно признать исследуемые антологии важным источником в области жанрового становления и развития поэзии указанного периода.

В антологиях также не оставлены без внимания факт наличия поэтического сборника - дивана, характерные особенности составления поэтических сборников, подражания и стилизации.

Литературные антологии XVIII века демонстрируют, что наряду со схожестью и структурной близостью каждая из них обладает особой стилистикой изложения. Авторы антологии прилагали усилия в соответствии с собственным вкусом и стилем, имея целью ознакомить читателя с представителями персидской литературы XVIII века. В целом, следует отметить, что данные источники являются достоверными в плане

исследования персидской поэзии, в частности периода XVII-XVIII веков и содержат ценные и обширные сведения о литературе, культуре и важных вопросах литературы указанного периода. Ценность исследуемых антологий не ограничивается только ролью существенного, многозначного литературного источника, так как они предоставляют также немаловажные, достоверные сведения по вопросам истории, культуры, просветительской и социально-нравственной проблематики. Несомненно, антологии имеют актуальное значение в исследовании жизни и деятельности поэтов, изучении поэтического мастерства, социально-культурной и экономической обстановки периода их жизни, неопределима их роль в источниковедении персидско-таджикской литературы.

III.2. Влияние предыдущих антологий на творчество Лачхми

Нарайина Шафика

Бесспорно, что наследие, оставленное поэтами и прозаиками, в частности составителей антологий, занимает важное место в развитии персидско-таджикской литературы. Именно антологии стали мощным фактором для развития персидско-таджикского языка и литературы в Индии, начиная с периода правления Газневидов вплоть до британского колониального правления, и данный период был окрещён литературоведами, исследователями и историками «золотым веком», выдающимися представителями которого стали правители из династии Тимуридов - Акбаршах, Шахджаханшах и Аурангзеб. Антологии сыграли важную роль в изучении поэтов, их стиля, особенно критическое мнение авторов антологий в отношении поэзии и поэтического мастерства предшествующих поэтов и современников имеют особое место среди других литературных произведений. По словам Алириза Накави: «...составитель антологии указывает не только произведения каждого поэта при описании его жития, а иногда вкратце дискутирует, иногда приводит собственное критическое мнение и мнение других по поводу поэта» [105, 1-5]. Такой подход к написанию антологии предоставляет возможность получить общее представление о научной, социально-культурной обстановке периода жизни поэта. Антология «Вечер странников» Лачхми Нарайина Шафика, как уже упоминалось ранее, является одной из первых антологий, посвящённых биографиям и поэтическому наследию переселившийся в Индию персоязычных поэтов. Нарайин Шафик при написании своей антологии обращался ко многим другим произведениям данного жанра, к таким, как «Тазкираи Насрабади», «Оташкадаи Озари», «Хизонаи Омира», «Макалат-уш-шуара», «Мираат-ул-хаял» и «Каламат-уш-шуара» и использовал их сведения для обоснования своих собственных сведений. Нами была предпринята попытка провести сравнительно-сопоставительный анализ

антологии «Вечер странников» и влияния на неё антологий «Сарви Озод», «Тазкирай Насрабади» и «Каламат-уш-шуара», изучить сходство и различия, их влияние на антологию Шафика, что впоследствии создаст ещё более полную литературную мозаику художественной ценности антологии «Вечер странников».

III.2.1. «Сарви Озод» Мир Гулямалихана Озода Балгирами

Данная антология была для автора антологии «Вечер странников» путеводной звездой, трудом его уважаемого и досточтимого наставника и учителя Мир Гулямалихана Озода Балгирами, служила для Шафика одним из самых ценных источников в написании антологии. Следует отметить, что «Сарви Озод» является второй главой книги «Маасир-ул-кирам фи тарихи Балгирам» и содержит сведения о 143 поэтах, из которых только 30 поэтов являются уроженцами Балгирама, хотя основной целью Озода Балгирами было собрание в книге только поэтов, ученых и просвещенных людей родом из Балгирама. Это отмечает в своем исследовании Алириза Накави [105, 384], который утверждает, что из 143 поэтов в антологии «Сарви Озод» 113 являются поэтами, прибывшими в Индию из других стран или же родившимися в различных других провинциях Индии. Именно эта особенность антологии «Сарви Озод» стала причиной написания антологий «Вечер странников» и «Изящный цветок». Вывод сделан на основании того, что обе антологии Шафика являются неким, вполне естественным дополнением антологии «Сарви Озод» Мир Гулямалихана Озода Балгирами, потому что антология «Вечер странников» посвящена поэтам, прибывшим в Индию, а антология «Изящный цветок» поэтам, родившимся в различных провинциях Индии.

Важной чертой, указывающей на влияние стилистики Мир Гулямалихана Озода Балгирами на своего ученика и верного последователя Нарайина Лачхми Шафика является подход к сбору сведений. То есть, Шафик при большинстве биографических описаний, сведений о ремесле, полном имени, времени, месте рождения и путешествиях, датах написания

тех или иных произведений, периоде жизни поэтов и пр. использует сведения антологии «Сарви Озод» в качестве самого достоверного источника.

Автор «Встречи странников» в описании биографии 7 поэтов непосредственно ссылается на сведения из антологии «Сарви Озод». К примеру, при описании биографии Муршида Бирувджирди целый пласт информации заимствован Шафиком из антологии «Сарви Озод»: «Муршиди очень старателен и пытлив. Мир Озод в «Сарви Озод» отмечает: «Миртаки Авхади Исфараини - автор антологии «Арафат» сказал: - Вкратце то, что когда Муршид, отбыв из Бирувджирда, прибыл в Исфахан, мы удостоились его встречи. Потом он отбыл в Шираз, недолго путешествовал и когда попал в Синд, то встретился с Мирзой Гази и обрёл почёт, получил имя «Муршидхан», когда Мирза Гази выпил чашу смерти, захотел служить у Джахангиршаха. Когда писал эти слова, он прибыл в Агру. Через несколько дней я его нашёл, после он отбыл в Аджмир и поступил в войско Джахангира и удостоился чести служить султану. Сейчас он приближённый Хана» . Здесь заканчиваются сведения из «Арафат» [5, 242].

Также важная черта влияния на Шафика антологии Озода Балгирами заключается в стилистике изложения. Так, к примеру в антологии «Вечер странников» биография большинства поэтов указана в нескольких предложениях и случаи, когда автор антологии прибегает к более подробному описанию, содержат два недостатка: первый, он использует другой источник, и второй состоит в том, что автор допускает многословие в нравственной характеристике поэта. Еще одним признаком влияния на Шафика антологии «Сарви Озод» является то, что он заимствует сведения из антологии Балгирами только о выдающихся поэтах, в случае с малоизвестными поэтами довольствуется краткими сведениями. К примеру, об известном поэте, представителе индийского стиля поэзии Назири Нишапури Мир Гулямали Озод приводит: «Его цветущая поэзия, словно бирюза Нишапура... Мавляна Назири как бирюза сверкнула из Нишапура, получила известность в Индии благодаря знатоку драгоценных камней Хан

Ханану... Завязал ихрам на пути двухвеличайших святынь... Когда Джахангиршах велел произнести стих о возведении здания, Мавляна сочинил газель, зачин которой таков:

این خاک درت صندل سرگشته سران را بادا مژه جاروب رهِت تاجوران را

*Пыль у порога твоего сандалом бесприютных стала,
Пусть станут ресницы глаз метлой на пути венценосных.*

Шах удостоил его наградой почти в три тысячи бигхов земли» [5, 56].

Шафик при описании биографии Назира Нишапури дополнил вышеприведенные сведения: «Назири Нишапури уникален и редок, его цветущая поэзия как благородная бирюза. Прибыл с родины в Индию и в правление Хан Ханана преуспел и приобрёл благополучие... По требованию Джахангиршаха сочинил газель, зачин которой таков... [14, 269] и приводит бейт, указанный Мир Гулямалиханом. Шафик не забыл также и о шахском благоволении: «Шах подарил ему за ту газель почти три тысячи бигхов земли на его пропитание» [14, 269].

Таким же образом Нарайин Шафик при описании биографий множества поэтов, таких как Назири, Зухури, Урфи, Малик Куми, Нави Хабушани, Мирсанджар Кашани, Шапур Техрани, Мирриза Дониш, Сайяди, Халис и других использовал сведения антологии «Сарви Озод» в качестве источника вдохновения и воодушевлёния. Из приведённых выше отрывков можно сделать вывод о сходности, а также различиях двух антологий. Сходность антологий наблюдается при описании поэтов. Шафик в подражание своему наставнику награждает эпитетами поэтов и использует наиболее употребимые слова и словосочетания Озода Балгирами. К примеру «... как бирюза вышел из Нишапура» [55, 56] и «... его цветущая поэзия как редкая бирюза ...» [14, 269]. Или же в честь Мирсайида Техрани в антологии «Сарви Озод»: «Охотник за дикими, необузданными мыслями и ловец многочисленных газелей...» [5, 140] и в антологии «Вечер странников»: «Охотник за дикими, необузданными мыслями и ловящий многочисленные газели» [14, 154]. Однако следует отметить, что эта тенденция наблюдается

не всегда, в некоторых случаях Шафик не уделяет внимания наделению поэтов эпитетами, как Озод Балгирами, к примеру, при упоминании поэта по имени Фахми Астарабади сухо упоминает: «... Прибыл в Хинд, где занялся торговлей, скончался и похоронен на кладбище в Дели...» [14, 202]. Витиеватость присуща антологии Озода и об этом уже упоминалось [5, 58; 60; 62; 63...]. Во-вторых, Шафик иногда одним коротким предложением и стройным логичным мышлением описывает поэта. Эта особенность не является подражанием кому-либо, наоборот, именно в этом проявляется новизна изложения Шафика. К примеру, «Фахми Техрани не был лишен здравого ума...» [14, 203] или в честь Назири Мешхеда: «...подобен соловью...» [14, 272]. Мир Гулямалихан Озод при описании жития каждого поэта старался следовать ранним традициям написания антологий и использовал рифмованную прозу. К примеру, в честь Гулшани Дехлави сказал: «...начало виде'ний чудесных и источник слов пленительных...» [5, 222].

Другой сходной чертой антологий «Вечер странников» и «Сарви Озод» является констатация важных дат и фактов, имеющих существенное значение для поэта, выдающихся современников, присутствующих в данном временном периоде. К примеру, в антологии «Сарви Озод» приводится биография Малика Куми: «Является известным поэтом и знаменитым стихотворцем... В детстве увлёкся поэзией и из Кума прибыл в Кашан и пробыл там, занимаясь поэзией. Потом направился в Казвин и почти четыре года находился там в кругу утончённых поэтов. И в месяц рамадан года сабаа и саманина и тисумиа (987 - *Н.Ш.*) выехал из Казвина, направился в Декан...» [5, 63]. В антологии Шафика приводятся те же самые словами, однако в синонимичной форме: «Мулла Малик Куми является выдающимся поэтом. С детства занимался поэзией, из Кума прибыл в Кашан, участвовал во многих поэтических состязаниях. Затем направился в Казвин и почти четыре года прожил там и в месяц рамадан девятсот восемьдесят седьмого года проявил намерение и направился из Казвина в Декан...» [14, 240].

Следует добавить, что Нарайин Шафик не оставил без должного внимания сведения о милости и благоволении правителей в отношении Малика Куми, места его странствий, связей с другими поэтами [14, 240], которые также полностью указаны в антологии Озода Балгирами. Эта особенность не всегда повторяется в антологии «Вечер странников», то есть иногда Шафик добавляет некоторые другие, найденные им сведения к уже имеющимся сведениям Озода Балгирами. К примеру, Озод Балгирами при упоминании о Сайиде Хусайне Халисе сказал: «Обращение к Имтиязхану Сифахани, наместнику Мирзы Бахира-везиря Карачи. Совершил священный хадж. После прибытия в Индию в Декане был на службе при дворе Хулдмакана (видимо, какой-то представитель династии Адилшахов - *Н.Ш.*) и вошёл в круг приближённых султана. Управлял диваном в Азимабаде Патны, был удостоен звания «Имтиязхан» и обрел щедроты и благоденствие. В правление Аурангзеба направился в Иран и достиг города Бахакар, встретился с мудрецом Мархумом, Мирабдуджалилем Балгирами и имел честь беседовать с ними» [5, 170]. На первый взгляд, в антологии Шафика проводится сравнение жизненных этапов поэта и явно, что источником сведений для него послужила именно антология «Сарви Озод» Озода Балгирами, однако добавленные им сведения естественно дополнили пробелы в сведениях Озода Балгирами. К примеру, к сведениям Озода Балгирами Шафик добавил: «...в правление Аурангзеба прибыл в Индию. Мирхади Фазаилхан Мирсаман Мирмуншипашах отдал ему в жены свою дочь и приблизил ко двору. И при поддержке Рухуллахана Язди Мирбахтишаха в управлении города Сонбир, который находится на соляных коях близ Аджмира, попробовал соль со стола правления...» [14, 95]. Из данного отрывка можно заключить, что автор антологии «Вечер странников» приложил усилия в дополнение сведений антологии «Сарви Озод». Из отрывка читатель узнает, что причиной получения должности в Патне Имтиязханом стала протекция его свекра. Или же упоминая диван, отмечает его высокое поэтическое мастерство [14, 96]. Подобный подход к изложению

сведений просматривается и в описании биографий других поэтов. К примеру, о поэте Шапуре Техрани в антологии «Сарви Озод» указано, что он был из рода Ходжагон и вначале имел псевдоним «Фиреби». Озод Балгирами отдал предпочтение его касыдам, перед газелями, также привёл реминисценцию Саиба [5, 82]

Шафик описывает биографию и наследие поэта несколько подробнее, добавляя, что посредством торговли тот прибыл в Индию и по причине приближенности к Итимадуддавле свободно вернулся к себе на родину. Хон Орзу сказал, что он начал масневи «Ширин и Фархад», однако не закончил, но всё, что он сочинил, было прекрасным и его диван состоит почти из пяти тысяч бейтов» [14, 138]. Из данного отрывка выясняется, что Шафик наряду с произведением Озода Балгирами пользовался многими другими энциклопедическими книгами, написанными в этот период.

Авторы рассматриваемых нами антологий с большим вниманием относились к сведениям о восхваляемых поэтами персонах в целях более чёткого представления более четкой социально-политической обстановке того периода. В обеих антологиях данная особенность Вечер ется в изобилии. К примеру, в «Сарви Озод» о Зухури Туршези упоминается: «...получил много милости и благоволения Ибрахима Адилшаха и услаждал язык свой его восхвалением...» [5, 63]. Шафик также приводит: «... пробовал из яств Ибрахима Адилшаха...» [14, 68]. Необходимо отметить, что авторы антологий строго следовали традиции упоминания восхваляемых персон и неизменно указывали всех прославляемых лиц. Например, упоминая о поэте Мирразе Мешхеде, известного под псевдонимом «Дониш», Озод Балгирами приводит: «По достижении Индии, удостоился встречи с Шахджаханом... был в услужении у принца Дорошукуха и получил много милостей. Некоторое время пребывал на службе у принца Мухаммадшуджа ибн Шахджахана. После этого отправился в путешествие в Хайдарабад Декана и был одарён почестями при дворе Абдуллаха Кутбшаха-наместника того места» [5, 116-117]. Автор антологии «Вечер странников» в подражание

своему наставнику также называет всех восхваляемых персон и дворы правителей, при которых служил поэт. Наряду с этим, он добавляет к тем персонам, которых назвал Озод Балгирами, также и последнюю восхваляемую Мирразе Мешхеда персону - Султана Кутбшаха [14, 102]. На основании этого следует отметить, что Шафик не только уделяет внимание упоминанию восхваляемых персон, но и при указании поэтических отрывков из хвалебных од и элегий часто пользуется сведениями, приведёнными в антологии Озода Балгирами. В большинстве случаев Шафик приводит доподлинно образцы подобного поэтического жанра из книги своего уважаемого наставника [14, 102; 269; 125].

Составители антологий наряду со сведениями об имени, личности, псевдониме, прозвище, ремесле, наследии, восхваляемой персоны и других деталей, связанных с поэтами, также приводят немало сведений о странствиях и путешествиях поэтов. Сходство и различия рассматриваемых нами антологий в данном аспекте являются важным моментом, без которого сравнительное исследование будет неполным. Нами установлено, что биографии около восьмидесяти процентов из общего числа поэтов сопровождается описание их странствий, из чего явствует, что описание странствий является важным составным элементом антологий. В связи с тем, что антология «Вечер странников» посвящена поэтам, прибывшим в Индию, большинство из них упоминаются вместе с совершёнными ими странствиями. Наряду с этим, антология «Сарви Озод» Озода Балгирами отчасти лишена этого важного элемента, и в ней лишь изредка упоминается о долгих или кратких странствиях кого-либо из поэтов. Краткое или детальное изложение странствий поэтов знакомит читателя с социально-культурной, политической обстановкой, сопутствующей жизни поэта, дает представление о различных социальных явлениях, современниках, мировоззрении поэтов. К примеру, Озод Балгирами в антологии «Сарви Озод» о поэте Мирсайиде Техрани приводит такие сведения: «Из Исфахана добрался до Индии» [5, 140], и в антологии также Шафика можно встретить полностью

заимствованное предложение антологии Озода Балгирами [14, 154]. Эта особенность - точное воспроизведение сведений Озода Балгирами также нередко встречается у Шафика [14,95;102;125; 138;146;152;167;240 и др.].

Вопрос упоминания точного места рождения и родины поэтов не требует долгой полемики, в связи с тем, что оба автора антологий не всегда следуют данному канону антологии. Несмотря на то, что Шафик иногда упоминает посредством нисбы точное место рождения поэтов [14, 65; 127 и др.], или незримо указывает на иранское происхождение поэта фразой «прибыл из провинции в Индию» [14, 227; 231; 250 и др.], этот элемент антологии ему не кажется важным. В антологии «Саври Озод» Озода Балгирами также во множестве случаев родина поэтов указывается посредством нисбы [5, 176; 179; 163 и др.]. Несмотря на это упущение, авторы рассматриваемых антологий стараются предоставить наиболее полные и достоверные сведения.

Шафик воспользовался не только сведениями антологии «Сарви Озод» при упоминании местностей, деталей странствий, упоминании восхваляемых персон, но и в других не менее важных случаях сведениями из других произведений своего почитаемого наставника. К примеру, он часто использовал сведения из антологии «Хизонаи омира» и в некоторых местах ссылается на нее. В связи с тем, что вопрос влияния других антологий на произведение Шафика является темой другого, более глубокого и детального исследования, органичимся только краткими сведениями. При написании своей антологии Шафик также воспользовался антологией «Байаз» («Альбом») Озода Балгирами, к примеру, при описании биографии и поэтического наследия Мавляна Мухаммада Амули в антологии Шафика указано: «Мир Озод выбрал стихотворения из его (Мавляна Мухаммада Амули - *Н.Ш.*) дивана, который очень краток и упомянул их в «Байаз». Так как диван Мавляна у нас имеется, мы приведем здесь избранные стихи» [14, 243]. Далее приводит все двадцать восемь бейтов Мавляна Мухаммада Амули, которые приведены в «Байаз» Озода Балгирами. Наряду с тем, что

Шафику свойственно приводит в качестве примера не более десяти бейтов, приведение столь большого количества которых имеет несколько причин. Во-первых, наличие дивана этого поэта у автора антологии, далее в почитание Мир Гулямалихана Озода Балгирами как выдающегося знатока поэзии, он привел все бейты, упомянутые его достопочтенным наставником. В рамках исследования не имеется возможности привести их в полном объёме, в связи с этим ограничимся лишь несколькими из них:

درد تو درون سينه جان سوخت گفتم كه برون دهم زبان سوخت

Муки твои испепелили душу изнутри,

Хотел я потушить пожар, дотла сгорел язык.

آن گفتگوی دشمن و این خاموشی من ماننده حدیث سگ و ماهتاب شد

Шепот врага и мое молчание,

Как тот хадис о собаке и луне.

چه سود از آن كه عتاب تو خنده آلود است كه زهر كار كند گرچه در شكر باشد

[14,243].

Что мне с того, что твой упрёк с улыбкой на устах?!

Яд всё же дело своё сделает, хоть будь он сахаром обсыпан.

В выборе бейтов также ощущается огромное влияние Озода Балгирами на Нарайина Шафика, так как в антологиях «Сарви Озод» и «Вечер странников» некоторые бейты Назири Нишапури, Зухури Туршези, Малика Куми, Муршида Бирувджирди, Сайида Техрани, Алибека Мирза, Шапура Техрани приводятся в полном заимствовании.

III.2.2. «Тазкираи Насрабади» Мирзо Мухаммадтахира Насрабади

При написании своей антологии «Вечер странников» Нарайин Шафик заимствовал сведения о 89 поэтах из антологии «Тазкираи Насрабади». Это не означает, что он просто заимствовал с полной точностью

сведения Мирзы Мухаммада Насрабади, но, как и в предыдущих случаях, дополнил их новыми, неизвестными деталями и сведениями о жизни поэтов и их поэтическом наследии. Следует отметить, что при сравнительном исследовании обеих антологий были выявлены значительные отличия, так что сначала рассмотрим указанные отличия.

Прежде всего, стоит отметить существенное структурное отличие антологий. Антология Насрабади охватывает биографии приблизительно тысячи поэтов периода правления Сефевидов и написана в 1083/1672 году. Она состоит из введения, пяти глав и заключения, во введении автор традиционно упоминает правителей, шахов и принцев того времени. Первая, третья и четвёртая главы состоят из трёх разделов. В четырех главах антологии Мухаммадатахир Насрабади приводит биографии и образцы поэзии различных сословий, начиная с эмиров и заканчивая поэтами, а пятую главу он посвятил своему семейству. Заключение произведения также состоит из двух частей, каждая из которых также разделена на три части:

- «Первая часть об истории»;
- «Вторая часть о загадках»;
- «Третья часть о загадках в стихах».

Антология «Вечер странников» Лачхми Нарайина Шафика посвящена только биографиям поэтов, прибывших в Индию, и состоит из введения и основной части, заключения в произведении не существует.

Основное различие антологий можно проследить в стилистике приведения сведений о поэтах и выборе стихотворных образцов, для чего приведем отрывок из рассматриваемых антологий. К примеру, о поэте Мирзе Ахсануллахе Мухаммадтахире Насрабади пишет так: «Зафархан - его зовут Мирза Ахсануллах, является приближенным Ходжи Абулхасана, который в правление Акбаршаха прибыл в Индию, где обрёл почет и славу. После этого высокопоставленный Зафархан проживал в той же славе и почёте, в правление Шахджахана стал наместником Кашмира. Занимался красноречивыми и совершенными проповедями. Так, его современник

(Мирза Саиб - *Н.Ш.*) будучи в Индии, был его собеседником и рассказывал о его прекрасных качествах. Иногда он занимался поэзией и известен под псевдонимом Ахсан. Несколько лет назад скончался» [24, 57]. Далее приводятся в качестве образцов 4 бейта из газели, 5 отдельных двустиший и 1 рубаи.

Однако Нарайин Шафик в антологии «Вечер странников» о наследии Ахсана упоминает: «Ахсан Турбати - псевдоним Мирзы Ахсануллаха, обращаются к нему по имени Зафархон. Прибыл с родины в цветники Индии и стал приближённым при дворах Джахангиршаха и Шахджахана, был удостоен наместничества в Кабуле и Кашмире. Из его достоинств достаточно упомянуть то, что Мирза Саиб его прославляет. Скончался и ушёл в мир иной в Лахоре в саласун и сабиина и алф (1695 год - *Н.Ш.*). Владеет поэтическим диваном» [14, 38-39]. После приводит 2 бейта из его поэзии, которые с некоторыми изменениями также имеются в антологии «Тазкираи Насрабади»:

به هر کجا که روم وصف دوستان گویم برای بارفروشی دکان نمی باید

[14, 39].

Куда бы я ни шёл, везде хвалю своих друзей,

Мне для продажи ткани мастерня не нужна

Вторую строку Мухаммадтахир Насрабади привёл в следующем виде: «Ткань для продажи не нуждается в прилавке» [24, 58]. Из приведённых строк ощущается, что строка, выбранная и упомянутая Шафиком, более точна, однако нельзя отрицать, что оба поэта близки по выбору друг другу. Насрабади кратко упоминает о жизни Ахсана Турбати и совсем вкратце останавливается на его поэтическом наследии. Нарайин Шафик приводит подробные сведения о Зафархане Ахсане Турбатии в отличие от Насрабади подробно излагает детали жизни, вплоть до его наместничества в Кабуле и Кашмире, упоминает год его кончины и наличие у него поэтического дивана. Вследствие этого читателю становятся доступны более полные и точные сведения об Ахсане Турбати.

Другая отличительная особенность антологии «Вечер странников» от антологии «Тазкирай Насрабади» состоит в том, что Нарайин Шафик приложил усилия, чтобы привести наиболее точные сведения о биографии и наследии поэтов на основании других источников и собственных исканий. Исследование показало, что антология Шафика в вопросе предоставления детальных и точных сведений имеет большое преимущество перед антологией Насрабади. Однако в аспекте приведения поэтических образцов преимущественное положение занимает антология «Тазкирай Насрабади». К примеру, Насрабади о поэте Мавляна Ашрафе Мухаммадсаиде приводит: «Мавляна Мухаммадсаид - приближенный ученого-богослова Мавляна Мухаммадсалеха Мазандарани и двоюродный брат Фахами Мавляна Мухаммадтаки Маджлиси. Упоминаемый достиг совершенства в благодеянии и благозвучности, целомудрии и благоразумности. Несколько лет назад отбыл в Индию, посредством ласкового и доброго воспитания шахского сына, стал воспитателем дочери справедливого Аурангзеба и некоторое время занимался этим делом. В тот же год прибыл в Исфахан, мы приходили в мечеть Ланбан и наслаждались его беседами. Искусен в поэзии и загадках в стихах. Псевдоним его - Ашраф. Сочинил касыду о зиме» [24, 181]. Далее приводит 6 бейтов из касыды «Зима», десять бейтов в прославлении Имама Риза (р), один бейт в порицание женщин, три рубаи, один бейт о себе и один бейт о смерти.

Нарайин Шафик же в антологии «Вечер странников» в дополнение к сведениям Насрабади добавляет об Ашрафе следующее: «Был учёным и поэтом, каллиграфом и художником... достиг совершенства в письме... назначен учителем Зебуннисо Бегим - шахской дочери... в саласун и саманина и алф (1083/1695 год - *Н.Ш.*) с дозволения Зебуннисо Бегима для посещения родины прибыл в Исфахан и после вернулся в Индию а в Азимабаде он встретился с шахзаде Азимуша`н ибн Шах Аламом ибн Аламгиром, который в последние годы правления своего деда был во главе той провинции, и Патна в его честь была переименована в Азимабад,

шахский сын проявлял к нему огромное уважение и по причине преклонного возраста даже разрешил ему не вставать с места в его присутствии. Мулла в конце жизни намерился совершить паломничество в Мекку и захотел в Бенгалии сесть и добраться до желанного дома, однако смерть ему этого не позволила. Он достиг города Мангир в провинции Патна и отдал душу Всевышнему - в дату ситта ашара и миата и алф (1116/1738 году - *Н.Ш.*). Могила Муллы находится в Мангире. Диван Мулла состоит из разных поэтических форм...» [14, 41-42]. Далее Шафик приводит восемь бейтов из поэзии Ашрафа и одно рубаи. Из сравнительного анализа антологий выясняется, что Нарайин Шафик привёл сведения Насрабади, далее дополнив их сведениями о каллиграфическом таланте Муллы Ашрафа, годе возвращения в Исфахан, намерении совершить паломничество, о годе и месте кончины, наличии поэтического дивана, однако Шафик приводит меньше поэтических образцов Муллы Ашрафа в сравнении с антологией Насрабади.

Следует отметить, что антология «Вечер странников» наряду с приведением малого количества поэтических образцов в сравнении с антологией «Тазкирай Насрабади» и в целом других антологий, имеет огромное значение в исследовании жития и творчества поэтов. Нарайин Шафик в сравнении с Насрабади уделил больше внимания особенностям поэтического мастерства. Как уже было упомянуто, иногда Мухаммадтахир Насрабади не приводит никаких сведений о поэтическом наследии. К примеру, в антологии Насрабади о поэте Таки Авхади указано следующее: «Таки Авхади из Ланбана. Не лишен мудрости и родина его Исфахан. Однако его предки из рода Абдуллаха Ланбани. Один человек рассказывал, что видел его в Ахмадабаде Гуджарата. Сочинил много стихов, но они невыразительны. Написал поэтическую антологию, очень простую» [24, 303]. Далее приводит 9 бейтов из его стихов вместе с одним рубаи. Автор антологии «Вечер странников» знакомит читателя с Таки Авхади таким образом: «Таки Авхади из внуков Шейха Авхадуддина Баляни. Его родина

Исфахан, однако проживал он в Кашане. Прибыл в Индию и в правления Джахангиршаха и Шахджахана жил здесь и некоторое время в Гуджарате Ахмадабада. Из его произведений «Сурмаи Сулаймани» - на персидском языке и большая антология в нескольких томах, и поэтический диван» [14, 57-58]. Далее приводит в качестве образца 3 бейта из его поэзии. Отличие сведений и их стилистическая подача выражается, прежде всего в детальности и полноте сведений о жизни и поэтическом наследии. Хотя известно, что Насрабади встречался с некоторыми упомянутыми им в антологии поэтами, оказалось, что он не имеет понятия об их творчестве, так в антологии не упоминаются ни название произведений ни даже образцы. Особенно явным это стало при исследовании сведений о Таки Авхади.

Влияние на «Встречу странников» Нарайина Шафика антологии «Тазкирай Насрабади» Мухаммадтахира Насрабади можно ощутить в некоторых полных заимствованиях и прямых ссылках Шафика на Насрабади. К примеру, при описании биографии Амир Абулкасима Финдирсики: «Амир Абулкасим Финдирсики был из благородных людей Астарабада и из учеников Мир Бокирдомода - некоторое время занимался обучением. Насрабади говорит: «Из его сочинений, известных среди учёных, это персидский трактат «Синаат», в котором излагаются все художественные и стилистические средства» [14, 32]. Или же при описании биографии Замани Язди он приводит: «Насрабади сказал: «Дивану Хафиза написал ответное сочинение, отнес ко двору Шах Аббаса Мази и сказал: «Я ответил дивану Ходжа Хафиза...» [14, 117].

Следует отметить, что другая отличительная особенность антологии «Вечер странников» была установлена при сравнении сведений о жизни и творчестве поэтов. Нарайин Шафик при упоминании жития некоторых поэтов, в отличие от Насрабади [24, 57; 313; 252], детально указывает место рождения, нисбу, и даже год кончины, к примеру год кончины Зафархана Ахсана [14, 39], Хаяти Гилани [14, 83] и Мир Риза Дониша [14, 102]. Необходимо особо отметить, что Шафик при описании биографий

приблизительно 80 поэтов заимствует сведения из источника Насрабади, однако не в буквальном смысле, а в соответствии с собственным стилем и высоким и ясным языком изложения и с дополнением в виде множества хронологических и художественных деталей. В целом, он следует всем канонам написания антологий, где указывает все источники, использованные им при работе и это придаёт его произведению ещё большую ценность.

III.2.3. «Каламат-уш-шуара» Мухаммадафзали Сархуш

Одним из других важных источников для Нарайин Шафика стала антология «Каламат-уш-шуара» Мухаммадафзала Сархуша. Нарайин Шафик обращался к данной антологии при описании биографий 38 поэтов.

«Каламат-уш-шуара» Мухаммадафзала Сархуша написана в 1093/1682 году и охватывает жизнеописание 169 поэтов, начиная с эпохи Джахангиршаха поэтом Мир Илахи Хамадани и заканчивая поэтом Мир Яхйей Каши. Из источников следует, что Мухаммадафзал Сархуш, хотя и закончил свою антологию в 1093/1682 году, до конца своей жизни дополнял и исправлял ее [95,19; 98,36]. Антология «Каламат-уш-шуара» состоит из введения, биографий поэтов по алфавитному порядку и заключения. Нами будут приведены краткие сведения о влиянии антологии «Каламат-уш-шуара» на антологию «Вечер странников» посредством их сравнительного анализа.

Мухаммадафзал Сархуш в описании жизни Мирзы Ибрахима Адхама пишет: «Из благородного знатного рода Сефевидов. В правление Шахджаханшаха прибыл в Индию, прослыл юродивым, со всеми знатными шутил. Всегда тяготел к поэтическому приёму ихам» [12, 34]. Далее приводит 3 бейта из «Масневи Зулали» Мирзы Ибрахима Адхама, под ними упоминает рассказ про его шутки с 6 бейтами его стихов. Нарайин Шафик в антологии «Вечер странников» биографию этого поэта описывает следующим образом: «Мир Ибрахим ибн Мир Рази - из рода благородного и

знатного из Таймаран, что находится в предместье Хамадана и по матери происходит из Сефевидов. В период правления Шахджахана прибыл в Индию и по просьбе Хакима Давуда Мухатаба по прозвищу Такарруб Хан - был удостоен службы у эмиров и получил уважение и почет. Из-за близости оказывали ему уважение. Однако был он известен, как свободомыслящий человек и был дерзок, а также был одержимым, кричал безумным голосом, подшучивал над вельможами, был лишён должности, а когда общался с приближёнными Такаррубхана, то перешагивал границы дозволенного; Такарруб Хан бросил его в темницу и в дату ситтина и алф (1060/1682 году - Н.Ш.) в Джаханабаде он покинул темницу существования» [14, 33-34], а далее приводятся два бейта из его поэзии.

В данном отрывке особенно четко проявляется отличие сведений Нарайина Шафика и сведения из антологии Сархуша, так как Шафик приводит полное имя поэта, а также указывает детали места его происхождения, вплоть до указания точной местности, его родовую принадлежность, каким образом он попал ко двору шаха, его неуместные шутки с придворными и даже Ханом, заточение в тюрьму, место и дату кончины поэта, что отсутствует в антологии «Каламат-уш-шуара» Сархуша.

Следование определённым принципам, строгое соблюдение канонов написания антологий придают антологии «Вечер странников» особую стилистику изложения. Другой отличительной особенностью и достоинством антологии Шафика является большой информативный объем и использование большого количества соответствующих источников по сравнению с антологией Сархуша. К примеру, Мухаммадафзал Сархуш в «Каламат-уш-шуара» о биографии поэта Мир Ташбеги приводит: «Один признанный бейт услышан:

مست آن چنان خوش است که گوید به روز حشر
من کیستم شما چه کسانید این چه جاست؟

[12, 56].

Пьянчужка весел так, что молвит в день суда,

Кто я, кто вы и что здесь происходит?»

и далее два бейта сказаны покорным слугой вслед:

مست آن چنان خوش است که هنگام صبح حشر چون سر کشد ز خاک بگوید: - پیاله کو؟

Пьянчужка весел так, что утром в день суда,

Голову, подняв из пепла, скажет, где чаша моя?

کسی به حشر ز اندوه پاک برخیزد که با پیاله چو نرگس ز خاک برخیزد

[12, 56].

Кто в судный день восстанет очищенным от горя,

С чашей в руках, словно нарцисс, поднимется из пепла

Биография Мир Ташбехи описана в антологии «Вечер странников» описана следующим образом: «Ташбехи, Мир Алиакбар - из благородного сословия Кашана. Отец его был отбельщиком ткани. Мир достиг высот в написании стихов. Два-три раза путешествовал в Индию. Последний раз прибыл в правление Акбаршаха, его призвала к себе смерть и разрушила его мирское жилище. Хан Орзу в «Маджма-ун-нафаис» сказал: «Видел его диван, составленный согласно абджаду, не так как у всех из его поэзии». Далее приводятся образцы из его поэзии:

با ما هنوز آن سخن دل خراش هست ن خشم و آن نخواهم و این جا مباش هست

Всё так же с нами горькие сердцу слова остались,

Тот гнев, то “не хочу” и “прочь отсюда” остались.

شد از ملک عراق آوازه تشبیهی خدا داند سیاهان دکن کشتند یا سیزان کشمیرش؟!

Молва прошла в Ираке, Ташбехи, лишь Богу известно,

Убили его чернокожие Декана или зеленые Кашимира?!

مست آن چنان خوش است که گوید به روز حشر من کیستم شما چه کسانید این چه جاست؟

[14, 56-57].

Пьянчужка весел так, что молвит в день суда,

Кто я, кто вы и что здесь происходит?»

Сравнительный анализ двух антологий показал, что Мухаммадафзал Сархуш не указал никаких сведений о жизни Мир Ташбеги, и ограничился только тремя бейтами, которые не дают никакого представления о жизни поэта, напротив Нарайин Шафик указывает сведения о месте проживания, ремесле отца поэта, его двукратном путешествии в Индию, сведения о его втором путешествии в Индию в период правления Акбаршаха, наличие у него поэтического дивана с ссылкой на слова Хана Орзу.

Мухаммадафзал Сархуш о житии Абдуллатифхана Танхо приводит следующие сведения: «Был главою дивана в наместничестве Пенджаба и двоюродный брат Мирзы Джалала Асира. Обладал высоким поэтическим даром и совершенным вкусом. Это несколько образцов, рождённых его поэтическим вкусом:

یارم بکنج غمکده تنها نشاند و رفت گفتم که من غبار تو دامن فشاند و رفت

Любимая в жилище тоски, опустошённого оставила меня,

Сказал: твоею пылью буду я, смахнув подол, оставила меня.

بی داغ عشق خون رود از چشم دل مرا آید به گریه طفل چو خاموش شد چراغ

Без мук любви льётся из глаз души кровавая слеза,

Дитя заплачет, только лишь погаснет свет огня.

خشکی زاهد شود از گریه رسوا بیشتر می شود از بارش دی جوش سرما بیشتر

Бестрастность захида от плача станет ещё суше,

От ливня в декабре становится ещё холоднее.

بتی دارم که بر بالای همچون سرو گل فامش قبا چسپان بود از بسکه شیرین است اندامش

Идол мой, ведь стан её, как цветущий кипарис,

Покровы липнут к стану тонкому от лика сладкого её.

بجز ساغر چو موج باده کی گردد زبان من برنگ شیشه از می مغز دارد استوخان من

*Когда ж язык мой станет плавен, как плещет в чаше вино,
Ведь, словно вино в бокале, текут мозги в костях моих.*

جز به کشتن نشوند اهل جهان صاف به هم
سیقل آئینه گرد صف جنگ است اینجا

[12, 56].

*Не будет мира средь людей, покуда есть убийства,
Ведь чистят зеркала здесь пылью от походов*

Лачхми Нарайин Шафик о жизни и поэзии Абдуллатифхана отмечает:
«Танхо, Абдуллатифхан Шахристани - двоюродный брат Мирза Джалала Асира. В период правления Аламгиршаха (Аурангзеба - *Н.Ш.*) прибыл в Индию и удостоился придворной должности. Сначала был назначен на должность при диване в Кабул и далее в Лахор и долгие годы служил там. После был назначен на должность в Кашмире... удостоился великих почитаний ... был человеком праведным и набожным... Однако мыслил так, что большинство поэтов считали его пустословом... У него есть краткий диван, это его (поэзия):

یارم بکنج غمکده تنها نشاند و رفت گفتم که من غبار تو دامن فشانند و رفت

*Любимая в жилище тоски, опустошённого оставила меня,
Сказал: твоею пылью буду я, смахнув подол, оставила меня.*

شهرت نکرد نقش نگن هم به کام من از ننگ من به سنگ فرو رفت نام من

*Не удостоила меня и тени дорогого камня слава,
В глубины камня имя низвергнуто моё от стыда.*

ز بی گناهی خود عاجیزم که دزد حنا ز روسفیدی خود پیش خلق رسوا شد

*Безвинностью своей я жалок, словно вор, хну
Крадущий от белизны своей пред людом посрамлён.*

چون داغ لاله دود ندارد سپند ما

هرگز نکرد شکوه دل دردمند ما

*Никогда не стонет и не плачет наше сердце больное,
Как чернота тюльпана, горит, но не дымит наша рута.*

که داغ کرد دل چرخ را ستاره ما

از آن به تیره گی بخت خویشتن شادم

*Несчастливой судьбе мы рады всё ж,
Оставила след на сердце мира наша звезда.*

خوش وقت آن که در رهش از سر گزشته است

سهل است کار خوار ز پا گر گزشته است

[14, 63].

Легко когда колючка в ноги попала, нечего не значит,

Нелегко тому, кто потерял голову в пути

Судя по одному лишь отрывку о поэте Танхо, можно сделать заключение, что антология «Вечер странников» Шафика имеет существенные отличия от антологии «Каламат-уш-шуара», так как Шафик приводит полное деталей описание в отличие от Сархуша. Исследование показывает, что Шафик использует сведения Сархуша в порядке заимствования и далее дополняет и комментирует их более обоснованно и детально. В следующем приведённом примере данное утверждение получает своё подтверждение. Сархуш, приводя сведения о поэте Мухаммадсалихе Саттаре, приводит: «Жил в Бенгалии. Очень изящен. Это из его (поэзии):

که گر یک ساغرش کمتر دهی ز ناز می بندد

کبابم می کند در می پرستی همت مینا

[12, 98].

Великодушие вина сжигает меня в пьянстве,

Не дашь лишь только чашу, подвязывает пояс»

Шафик о жизни Саттара написал так: «Саттар, Мухаммадсалих Табреси - был проникателен. В правление Шахджахана прибыл в Индию и служил при диване Бенгалии у Мукимхана Абхари и далее поступил на службу к Хану - сыну Асафхана и там скончался. От него осталось:

دل شکسته ما مومیای می خواست

اگر اسیر سیه جرده ای شدیم به جاست

*Коль были б мы в плену у чернокожей, что ж,
Наше израненное сердце всегда желало мумиё.*

*Ну, что ж, коли соперник пленил её быстрее меня,
Собака настигает дичь всегда быстрее ловца.*

چه شد گر غیر از من زودتر تسخیر کرد اورا سگ از سیاد دائم پیشتر می گرد آهورا

*Великодушие вина сжигает меня в пьянстве,
Не дашь лишь чашу, так подвязывает пояс» [14, 127].*

Следует отметить, что и Озод Балгирами, и Мухаммадтахир Насрабади и Мухаммадафзал Сархуш в своих антологиях предоставляют сведения о некоторых поэтах, довольствуясь несколькими бейтами из их поэзии, что нами явно было продемонстрировано на примере антологии «Каламат-уш-шуара» Сархуша. Напротив, Нарайин Шафик всегда старался представить в своей антологии более обширные и полные сведения, дав им более научно-обоснованную направленность, хотя и пользовался существующими сведениями вышеуказанных антологий.

Вследствие проведённых исследований по вопросу достоинств и преимуществ антологии «Вечер странников» Шафика нами сделаны следующие заключения:

1. С точки зрения родословной поэтов, Шафик по сравнению с другими составителями антологий, более точен в определении сословной принадлежности поэтов.
2. По вопросу места проживания и странствий поэтов в Индию Нарайин Шафик приводит дополнительные сведения в правление какого правителя это происходило, иногда дату возвращения на родину и их вторичного прибытия в Индию более точно, чем Озод Балгирами, Насрабади и Сархуш.

3. Шафик предполагает способы и протекцию лиц в продвижении поэтов на придворную службу, их место и статус при служении на придворных должностях.
4. Шафик называет место кончины и откуда началось паломничество некоторых поэтов в Мекку.
5. Шафик указывает на количество произведений и строк, наличие поэтического дивана.
6. Шафик уделит внимание отношениям правителей и знатных людей к поэтам и пр.

Таким образом, исследовав особенности влияния на Лачхми Нарайина Шафика предшествующих ему антологий посредством сравнительного анализа антологий «Сарви Озод», «Тазкираи Насрабади» и «Каламат-уш-шуара», можно сделать следующие выводы:

1. Автор антологии «Вечер странников» в большинстве случаев использует сведения о выдающихся поэтах в антологиях «Сарви Озод», «Тазкираи Насрабади» и «Каламат-уш-шуара», где в некоторых случаях прямо упоминает название использованной им антологии.
2. Сходство исследованных антологий проявляется во вступительной части по каждому из поэтов (в основном антология «Сарви Озод»). Влияние на Шафика оказали вводные слова, обороты и словосочетания, существующие в антологии Озода Балгирами, которые в подражание ему Шафик мастерски использует для описания биографий и творчества поэтов.
3. Для создания полной картины и представления о периоде проживания поэтов Шафик в точности приводит сведения о придворной службе поэтов, их отношений с придворной знатью. Определённую пользу для исторического литературоведения имеют сведения Шафика о дружеских отношениях поэтов с другими поэтами, учёными и просвещёнными персонами.
4. Автор антологии «Вечер странников» во множестве случаев следует традициям антологий «Сарви Озод», «Тазкираи Насрабади» и «Каламат-уш-

шуара», осуществляет множество заимствований из них. Наряду с использованием сведений из указанных антологий, Шафик дополняет их множеством деталей в кратком, но очень ясном изложении, облегчая поиски исследователей.

III.3. Преемственность традиций жанра антологии и последователи

Лачхми Нарайина Шафика

Как уже упоминалось в предыдущих главах, бурное развитие, и в целом, период эволюции жанра антологий происходил в XVII–XVIII веках. Поскольку антология Нарайина Шафика является одним из важных образцов данного литературного жанра, представляющего как историческую, так и литературную ценность, нами осуществлено исследование вопроса влияния антологии «Вечер странников» Шафика на последующие антологии. В связи с тем, что структура и стилистические особенности, художественная ценность антологии Шафика уже рассмотрены нами в предыдущих главах, мы приведем сведения и осуществим исследование особенностей антологий, написанных после антологии Шафика, и определим степень влияния посредством сравнительного метода, что даст более объемное представление о процессе развития жанра персидско-таджикских антологий.

III.3.1. «Натаидж-ул-афкар» Мухаммада Кудратуллахана Гупамуи

Произведение Мухаммада Кудратуллахана относится из категории общих антологий и признается одной из авторитетнейших антологий персидско-таджикской литературы. Антология написана в 1256/1840–1258/1842 году [20, 9]. Мухаммад Кудратуллах Гупамуи, известный под псевдонимом «Кудратуллах», родился в 1199/1785 году в городе Гупамане или Гупами, столице султаната Лакхнав, родословная через двадцать три колена восходит до Касима ибн Мухаммада ибн Амирулмумин Абубакра (р), который был одним из выдающихся богословов Медины и суфийская школа Накшбандия заканчивается на его персоне [105, 552]. Известно, что предки Кудратуллаха прибыли в Индию из Аравии.

Сам Кудратуллах Гупамаи в предисловии антологии отмечает, что в 1227 году начал своё странствие, участвовал в беседах с Хушдилом и Хушнудом, которые были его наставниками в изучении тонкостей поэзии

[20, 3]. По протекции Мавлави Мухаммадалихана Хушнуд он был приближен ко двору и вскоре стал одним из надимов (советников) Мухаммада Гавсхана - правителя Карнатака, достиг почета и величия [20, 3-4]. Исследователи определили предположительную дату кончины Кудратуллаха в 1281/1864 году [73, 51].

Мухаммад Кудратуллах оставил после себя два персидских поэтических дивана и антологию под названием «Натаидж-ул-афкар» [105, 553]. «Натаидж-ул-афкар» состоит из предисловия, сведений о самом авторе антологии, описания жития восхваляемой персоны - Мухаммада Гавсхана - правителя Карнатака, жития авторов антологий «Субхи ватан» («Рассвет Родины») и «Гулзари Азам» («Цветник Азама»), литературной критики, сведений и о первом персидском поэте и первом персидском поэте исламского периода (в целом, биографии 528 поэтов - *Н.Ш.*) и заключения. Язык антологии торжественно-высокопарный, преобладает рифмованная проза и автор широко использует пышные и церемониальные фразы. Кудратуллаху свойственно использовать арабскую, английскую лексику и заимствования из языка урду, такие как слово «умр» (жизнь) вместо слова «сол» (год), «вилаят» вместо Ирана и Афганистана, вместо слова «хукумат» (правление) английскую форму слова, слово «лакх» вместо слова «сто тысяч», «паланг» в значении кровати, ложа и пр. При написании своей антологии Кудратуллах широко использовал сведения следующих антологий: «Оташкадаи аджам» Азара Исфাহани, «Рияз-уш-шуара» Валеха Дагистани, «Маджма-ун-нафаис» Хана Орзу Акбарабади, «Бахористони сухан» Абдурраззака Хафи, «Мираат-ул-хаял» Шерхана Луди, «Каламат-уш-шуара» Сархуша, «Сафина» Мир Азаматуллаха Бехабара Балгирами, «Сарви Озод» и «Хизонаи омира» Мир Гулямалихана Озода Балгирами, «Изящный цветок» и «Вечер странников» Лачхми Нарайина Шафика Аврангабади [20, 9]. В исследовании известного востоковеда Шпрингера особо отмечается большое влияние антологии «Сафина» («Корабль») Мир Азаматуллаха

Бехабара Балгирами, «Бахористони сухан» («Весна поэзии») Абдурраззака Хафи и двух антологий Шафика [131, 644].

Из сравнительного исследования указанных антологий было выяснено, что Мухаммад Кудратуллах при написании антологии «Натаиджу-ул-афкар» при описании биографии 82 поэтов обращался к антологии «Вечер странников» Нарайина Шафика в качестве достоверного источника. Нами будут рассмотрены характерные особенности влияния одной антологии Шафика, а именно «Вечер странников», а вторая - «Изящный цветок» является предметом отдельного научного исследования.

Следует без преувеличения отметить, что антология Шафика стала для антологии «Натаидж-ул-афкар» Мухаммада Кудратуллаха основным источником. К примеру, Нарайин Шафик приводит биографию поэта Ашки Куми следующими словами: «Ашки Куми был из предводителей Табатабаи и братом Хузури Куми. Он, прослышав о славе Газали Мешхеди, прибыл в Индию, однако не смог встретиться с ним. Прибыв в Акбарабад, в иснейн и сабиина и тису миа (972/1565 год - *Н.Ш.*) ушёл в мир иной. Его поэзия состояла из двух диванов газелей и одного дивана касыд, одного дивана сатирических стихов, в целом диван состоит из двенадцати тысяч (бейтов - *Н.Ш.*). На смертном одре отдал свой диван Мирджудаи Мусаввир Тирмизи, чтобы тот его закончил. Мирджудаи выбрал стихи, которые были ему угодны, остальное же выбросил.

Мир Ашки сказал:

بسی سنگ از غمت بر سر من دلتنگ خواهم زد
اگر دستم رود از کار بر سنگ خواهم زد

[14,24-25].

*...От мук твоих печально я голову камнями побиваю,
Если рука устанет от битья, о камень голову ударю*

Однако Мухаммад Кудратуллах об Ашки приводим такие сведения: «Всадник величавый арены поэзии Ашки Куми происходит из благородных Табатабаи, который обладает изысканным вкусом и изящным языком,

прослышав о процветании Газзали Мешхеда, прибыл в Мешхед, потом в Акбарабад. Однако при отсутствии встречи с ним в 972 иснейн и сабиина и тисумиа взошел на земли вечности. На смертельном одре передал свои стихи Мирджудаи Мусаввиру Тирмизи, чтоб тот их упорядочил. Мирджудаи выбрал угодные стихи, присвоил себе и остальное выбросил. Из его поэзии:

...От мук твоих печально я голову камнями побиваю,

Если рука устанет от битья, об камень голову ударю [20, 40-41].

Из сравнения обеих антологий исходит, что между сведениями Нарайина Шафика и Мухаммада Кудратуллаха больших различий нет, однако есть то, что следует отметить особо. Сначала автор «Вечера странников» начинает сведения с имени поэта, далее приводит нисбу, сведения о его брате, описывает его путешествие в Индию с целью встретиться с Газзали Мешхеда, о его неудаче и дате смерти от болезни. Далее указывает на наличие четырёх диванов у Ашки, присвоение его стихов Мирджудаи со ссылкой на утверждение Тарики Саваджи, о чем, особенно о смерти от болезни, наличие четырёх диванов у Ашки, сведения в «Натаиджул-афкар» совершенно отсутствуют.

Мухаммад Кудратуллах в своей антологии приводит сведения из антологии «Вечер странников»; детали, которым Шафик уделил огромное внимание, им пропущены. Исследование сведений обеих антологий показало, что Мухаммад Кудратуллах позаимствовал их из антологии «Вечер странников» однако не уделил им достаточного внимания. Наряду с тем, что Мухаммад Кудратуллах приводит сведения в красивой рифмованной прозе, значимость и полнота данной биографии поэта, записанной в антологии Шафика, несмотря на внесение новых сведений, утрачена. Мухаммаду Кудратуллаху следовало привести полное заимствование биографии Ашки таким образом, как это осуществил Шафик из антологии «Тазкирай Насрабади», то есть при указании имени и места рождения поэта начать свои слова фразой: «Насрабади сказал...», «Шафик указал...» и привести её со слов Шафика. В этом случае значимость антологии значительно бы возросла в

сравнении с другими антологиями. Хотя Мухаммад Кудратуллах приводит сведения из антологии «Вечер странников» по своему усмотрению, нельзя не отметить влияние антологии Шафика в самых различных случаях. К примеру, Лачхми Нарайин Шафик в биографии Улфати Язди приводит: «Улфати Язди некоторое время обучался и достиг высот в точных науках, прибыл в Индию, и достиг милости двора Хумаюншаха. Потом был при дворе Аликулхана - Хан Замана, известного под псевдонимом Султан, о котором мы еще скажем. Когда казнили Хана, его богатство было расхищено, а сам он остался жив, Хан Заман за этот бейт наградил его тысячей рупий:

مشت خاشاکیم و داریم آتشی همراه خیش دور نبود گر بسوزیم از شرار آه خیش

Мы - сена клочок, с собой несём огонь,

Недалёк тот день, когда от искры вздоха вспыхнем.

ناکرده صفت دامن یاری نگر فتم

از پا ننشستیم و قرار ی نگر فتم».

[14, 25].

Ни разу не хваля, красавиц не покоряли,

Ни разу не присели, покоя не нашли.

Мухаммад Кудратуллахан об Улфати отмечает: «Мавляна Улфати, опьянённый вином печали, был из жителей Йезда, который прославился в литературе и точных науках. В правление Хумаюншаха прибыл в Индию, стал приближённым к шахскому двору. После стал близок с Аликул-Ханом, высшим эмиром династии Акбаров, когда началась смута против Хана, его имущество было расхищено, но сам он остался жив. Эти два бейта пришлось в месту:

Мы - сена клочок, с собой несем огонь,

Недалёк тот день, когда от искры вздоха вспыхнем.

Ни разу не хваля, красавиц не покоряли,

Ни разу не присели, покоя не нашли [20, 9].

О жизни Улфати, о его учёбе на родине, получение им награды от Аликулхана за бейт, приведённый Шафиком в антологии «Вечер странников», автор антологии «Натаидж-ул-афкар» умалчивает и приводит доподлинно оба бейта, приведенные Шафиком. Другие сведения об Улфати Мухаммадет Кудратулла заимствовал у Шафика. Автор антологии «Натаидж-ул-афкар» в предисловии указывает, что источником является «Вечер странников», однако использует сведения из неё не полностью, а в свойственной ему манере. Принцип заимствования Мухаммада Кудратуллаха таков, что заимствуя, он не хочет повторять даже одно предложение в оригинальном изложении, он опирается на сведения, в чём-то дополняет их, а способ изложения считает своим собственным выбором. При заимствовании из «Вечера странников» он следует тому же принципу и в некоторых случаях пытается дополнить и усовершенствовать сведения. К примеру, Шафик в биографии Мир Шарифа приводит: «Илхам, Мир Шариф - из приближенных Мир Рузбехана Исфакхани. Прибыл в Индию и оставался здесь какое-то время. В тысяча семьдесят шестом году направился в Иран и большее в время проживал в Исфакхане. Он сказал:

دل عبث لب به شکوه وا نکند	شیشه تا نشکند صدا نکند
و عده گر یک نفس بود عمریست	بلکه عمر این قدر وفا نکند

*Тщетно в жалобах душа не откроет уст,
Стекло, упав, лишь звон громкий издаст.
Обет, пусть только миг, он жизни равен,
Но жизнь обету этому не будет равна.*

دین و دنیا را به یک دیگر نیاید کار راست	جامه یک آستین برگشته چون پوشد کسی
---	-----------------------------------

[14, 35].

*Вере и миру не быть воедино никогда,
Словно руки в рукав один засунет кто-то*

Мухаммад Кудратуллах биографию Мир Шарифа в «Натаидж-ул-афкар» приводит в следующих словах: «Сладкоголосый поэт Мирза Шариф Илхам, родом из Исфахана, имеет безукоризненный вкус и твёрдые слова. Когда достиг садов цветущих Индии, захотел вернуться на родину и там в конце миата хади ашар (1100 году - Н.Ш.) скончался. Из его стихов:

*Тщетно в жалобах душа не откроет уст,
Стекло, упав лишь звон громкий издаст»* [20, 53].

Шафик привёл сведения о возвращении Мирзы Шарифа из Индии в Иран и его жизни в Исфахане, однако у него нет сведений о дате его кончины. Мухаммад Кудратуллахан дополнил сведения Шафика датой кончины поэта, что является важным элементом литературного биографического описания.

О биографии Абхари Шафик привел: «Тадруи Абхари - племянник Наргиси, который был мухтасибом в Герате. Сначала с родины отправился в Рум, далее получил божье благоволение и в период нашествия Байрамхана, который правил в начале правления династии Акбаршахов, был приближённым его двора. Из Рума вернулся в Индию и получил его милостливое покровительство. И когда Байрамхан восстал против войска во главе которого был Шамсуддинхан Атка, и был повержен, Тадруи был захвачен тем ханом. Тот хан покровительством приблизил его к Султану, получил много милостей от него, пока в дату хамсун и сабиина и тисумиа (975 году - Н.Ш.) был убит злодеями и похоронен в Агре, в построенном им доме. Обладал трактатом, сочинённым в честь Юсуфа Мухаммадхана Шамсуддинхана, зачин которого таков:

به نام آن که روی دشمن و دوست به هر جانب که باشد جانب اوست

*С именем того, к кому лик друга и врага,
Куда бы ни смотрел, глядит всё на него.*

شود از بهر قتل چون علم تیغ جفاء او تظلم را بهانه سازم و افتم به پای او

Во имя гибели моей меч станет флагом ее зла,

Паду я в ноги к ней, лишь покровительства прося.

گرد هستی رفت بر باد و هنوز از آب چشم خاکساران ره عشق ترا پا در گل است

[14, 56].

Унесло ветром пылинку бытия, но в наших мокрых очах,

Путникам твоей любви никак не выбраться из тины..

Мухаммад Кудратуллах биографию Абхари описал следующими словами: «Грациозность поэтического поприща, Тадруи Абхари, который из родственников Наргиси, в начале своей жизни прибыл в столицу Рума, там достиг славы и почета, и во времена властвования Байрамхана, который правил в начале династии Акбаров, был в услужении у султана. Из Рума прибыл в Индию и служил при его дворе, щедро получил милости его. Когда Байрамхан мятежно оказал сопротивление войску под предводительством Шамсуддинхана Атка, то был повержен, и Тадруи был пленён, получил милость у шаха и прославился хорошим вкусом в поэзии и в конце в 975 хамсун и сабиина и тисумиа был убит злодеями и похоронен в Акбарабаде. Эти два бейта из его поэзии:

Унесло ветром пылинку бытия, но в наших мокрых очах,

Путникам твоей любви никак не выбраться из тины.

Во имя гибели моей меч станет флагом её зла,

Паду я в ноги к ней, лишь покровительства прося [20, 135].

При сравнении сведений обеих антологий о поэте Тадруи выясняется, что Кудратуллах в «Натаидж-ул-афкар», наряду с заимствованными сведениями Шафика из «Вечера странников», изменил некоторые сведения. К примеру, Шафик сказал: «...Тадруи был захвачен тем ханом - тот хан покровительством приблизил его к Султану, он получил много милостей...», однако Кудратуллах упоминает о Тадруи несколько иначе: «...Тадруи был пленён, получил милость у шаха...». Также Шафик в конце биографии

Тадруи приводит: «Обладал трактатом, сочиненным в честь Юсуф Мухаммадхана Шамсуддинхана, зачин которого таков:

به نام آن که روی دشمن و دوست به هر جانب که باشد جانب اوست»

[14,56].

С именем того, к кому лик друга и врага,

Куда бы ни смотрел, глядит всё на него»

В антологии «Натаидж-ул-афкар» эти сведения не упоминаются. Одной из отличительных особенностей «Вечера странников» является наличие множества поэтических образцов, которые Кудратуллах для своей антологии заимствует в большинстве случаев у него. При сравнении антологий «Вечер странников» и «Сарви Озод», «Тазкираи Насрабади» и «Каламат-уш-шуара» было выяснено, что Шафик, приводя образцы из поэзии, воздерживается от образцов, упомянутых Насрабади и Сархушем, указывает другие стихотворные отрывки, добытые им из других источников, однако Кудратуллах точно заимствует их из антологии Шафика. Из этого следует сделать вывод, что источников «Вечера странников» было несколько больше, поэтому данное произведение в плане заимствования сведений и объёма фактов имеет преимущество. Также следует отметить, что автор «Натаидж-ул-афкар» признал тонкий вкус и стиль Шафика и при написании антологии много раз обращался к её сведениям, либо не имел других источников, помимо «Вечера странников» и доступа к поэтическим сборникам.

В антологии «Вечер странников» биография Мирза Давуда Сарагани приводится следующим образом: «Мирза Давуд, Туи Сарагани - двоюродный брат Кади Хасана, кадия Туи Сарагани. Для обучения уехал в Исфахан и жил в медресе Ходжа Мухаббата и предпочёл стать учеником Халифы Султана. В конце прибыл в правление Шахджахана в Индию и каким-то образом поступил на службу к Такарруб Хану, впал к нему немилость и больше не смог оставаться в Индии. Отбыл в Декан и там скончался. Он сказал:

ابدال طریقت — آن نمدپوش رسول

[14, 101].

Святой тариката - носящий власяницу пророк,

Когда ступил на плечи пророка...»

Кудратуллах в «Натаидж-ул-афкар» жизнь Мирзы Давуда описывает так: «Кипарис у ручья мира ведающих, Мавляна Мирза Давуд, который родом из Мешхеда, поэт изысканной речи и благонравный, постиг азы стилей поэзии. Слова его проникновенны и поэзия приятна. Эти бейты принадлежат ему:

بی تو آن شعله آه دل دیوانه ما

سیل دودی شد و برخاست ز ویرانه ما...»

[20, 244-245].

Искра вздоха нашего сердца безумного без тебя,

Стала дымным потоком, поднявшимся над руинами

Следует отметить существенные отличия в описании жизни Мирзы Давуда в рассматриваемых антологиях. Сведения, приведённые Шафиком, несмотря на краткость, имеют более конкретизированный характер. Шафик стремится указать сведения из биографий кратко, но достаточно точно с охватом всех важных деталей жития, приводя факты о наследии и стихотворные образцы. Однако в биографии Мирзы Давуда, представленной в «Натаидж-ул-афкар» ничего, помимо красивых и напыщенных слов и фраз нет и Кудратуллах оставил без внимания сведения о его путешествии в Исфахан для обучения, жизни в медресе, путешествии в Индию, службе при дворе Хана и кончину поэта. В связи с этим, нельзя назвать антологию «Натаидж-ул-афкар» более ценной, чем антология «Вечер странников», несмотря на непосредственное влияние на нее антологии Шафика. Данное явление просматривается множество раз при описании биографий Рухани Самарканди [20, 263; 14, 105-106], Мирза Хасана Рафе [20, 270; 14, 110-111], Бахрама Сако [20, 338; 14, 124], Мухаммадкули Салима [20, 332; 14, 130], Шейха Хусайна Ширази [20, 393; 14, 147-148] и Ахди Бакуи [20, 466; 14,

170]. Также Шафик указывает на наличие поэтических диванов и поэтического наследия Бахрама Сако, Мухаммадкули Салима и Шейха Хусайна Ширази, о которых Кудратуллах в «Натаидж-ул-афкар» вообще не упоминает. Такой подход присущ Кудратуллаху Гупамуи, больше предпочитающего витиеватость слога, а не фактологическую основу биографий.

III.3.2.«Корвони Хинд» - Ахмада Гулчин Маани

Антология «Корвони Хинд» является одной из многих, следующих традициям написания антологий. Нами проведено исследование данной антологии и представлен краткий обзор его структурного, тематического содержания, стилистических предпочтений и принципов, во главу угла которых Ахмад Гулчин Маани всегда ставил воззрение и видение Лачхми Нарайина Шафика.

«Корвони Хинд» – одна из антологий, принявшей в качестве основного источника сведений антологию «Вечер странников» Шафика. Свою антологию Ахмад Гулчин Маани написал во второй половине XX века и его произведение признано одной из самых ценных и авторитетных антологий персидско-таджикского литературоведения, содержащей биографии и образцы поэзии около 775 авторов, прибывших в Индию с периода Газневидов до периода написания указанной антологии. Как указывает автор антологии во введении к книге: «Мудрость предыдущего в этой главе (почерпана) от мнения Лачхми Нарайина Шафика» [99, 43], ведь собственно Нарайин Шафик в заключении своей антологии «Вечер странников» написал: «автор в силу своих знаний собрал эту книгу и сыграл на поэтической свирели согласно своим способностям... если кто-то пожелает умножить знания и эти краткие сведения дополнить и увеличить сведениями других людей» [14, 323]. В связи с этим, Ахмад Гулчин Маани, приняв во внимание слова Нарайина Шафика, начал писать антологию «Корвони Хинд». Он начал

создавать антологию, которой не присущи традиционные подходы жанра персидско-таджикской антологии в описании биографических сведений о литераторах.

Ахмад Гулчин с учётом того, что вопрос исследования персидско-таджикской литературы в Индии и её провинциях всё ещё требовал своего всестороннего рассмотрения, признал необходимым изучить биографии и поэзию ещё большего количества поэтов-мигрантов, и основанием для этого его рочина, по его же словам, служит двухсотлетняя история, то есть тонко намекает здесь на труды Лачхми Нарайина Шафика. Наряду с тем, что Ахмад Гулчин Маани написал свою антологию на основании антологии Шафика, его произведение имеет большие структурные и стилистические отличия.

Антология «Корвони Хинд» Гулчина Маани признаётся самой совершенной общей антологией персоязычных поэтов, прибывших в Индию из других местностей. Ахмад Гулчин Маани в этом произведении уделил внимание и поэзии, и жизнеописанию поэтов. Изучив много произведений в жанре антологий, стал величайшим их знатоком и на основании знаний и опыта, написал указанную антологию, в которой привёл множество важных сведений о жизни поэтов, исследовал их биографии и дал критическую оценку их поэтическому наследию. Антология «Корвони Хинд» является не только достоверным и авторитетным литературным источником, но и важным произведением, исследующим исторические и литературоведческие вопросы. Сам автор об этом указывает: «Целью автора книги было то, что «Корвони Хинд», наряду с её литературной значимостью, является научной, исторической, литературоведческой, документальной книгой для литераторов и ученых. В связи с этим, биографии поэтов со слов историков и составителей антологий, которое, по сути, являются также одним из образцов различных стилей персидской прозы, во многих случаях требует исследования и изучения, и когда встречаются противоречия, я поясняю слова более вероятными сведениями с указанием фактов и источников» [99, 42]. Несомненно, сведения Ахмада Гулчина намного отличаются от сведений

Шафика с точки зрения полноты и точности, однако для определения отличий и ценности обеих антологий, принципу их составления следует уделить внимание биографии Унси Хирати.

Нарайин Шафик о биографии Унси Хирати сообщает следующее: «Унси Исмаилбек Хирати. В то время, когда Абдуллахан - наместник Турана стал правителем Герата, он попал в смуту узбеков и был некоторое время в плену. Наконец освободился и поспешил в Индию. Аниси Шомлу оказал ему милость и приблизил ко двору Абдуррахима Хана Ханана. Потом стал приближённым к победоносному Шахджахану и в тысячу двадцать шестом году погиб от руки какого-то злодея. Он сочинил:

آن را که عقل بیش غم روزگار بیش دیوانه باش تا غم تو دیگران خوراند

Тот, кто умён, больше думает о мире,

Будь безумен, чтоб другие заботились о тебе.

در کوی تو ساکنان سنگین هوسند با آن که ز ضعف تن سوار نفسند
پروانه چه سان ز گرد فانوس رود مرغان محبت از برون در قفسند

[14, 30].

На улице твоей все жители - бездушные камни,

С телом тщедушным все предаются страсти.

Как уйти от света лампы вдале мотыльку,

Ведь птицы любви находятся в плену снаружи

Ахмад Гулчин Маани приводит биографию поэта со слов Баки Нахаванди, Таки Авхади (встречался с Аниси Шомлу) и Хади Систани, он исследует дату кончины поэта, а также устраняет ошибку Нарайина Шафика. В связи с тем, что сведения, приведённые Ахмадом Гулчином, более подробны, мы укажем только те, о которых Шафик не упоминает в антологии «Вечер странников»:

1. Нарайин Шафик в антологии «Вечер странников» приводит сведения об отце поэта, и каким образом тот попал в плен Абдуллахана Узбака, однако автор «Корвони Хинд» со слов «Маасир Рахими» приводит

следующее: «Мирза Исмаил Унси - сын Юнуса Султана, является знатным человеком из рода Шомлу, который в 997/1569 был убит по приказу Абдуллахана второго Узбака (правил в годы 991-1006/1783-1598 в Герате в ходе массовой казни. После этого события узбеки взяли в плен малолетнего Исмаила и увезли в Туркестан [21, 121].

2. Об обучении и спасении из темницы Унси в антологии «Вечер странников» ничего не сказано, однако Гулчин Маани утверждает, что Унси обучался и воспитывался у Амира Садруддина Мухаммада, слывшем выдающимся ученым в Маверуннахре, потом сбежал от него и, прибыв в Индию стал приближённым ко двору Хана Ханана [21, 121]. В дополнение к этому автор «Корвони Хинд» упоминает о его смелости и приводит бейт Камола Исфакхани:

سپهر پیر جو تو یک جوان برون نورد بلندهمت و بسیار فضل و اندک سال 3.

[21, 121].

Не создал старый мир такого как ты,

Благородного, мудрого не по летам

4. Другим фактом, который автор «Корвони Хинд» приводит со слов Хади Сиистани об Унси, является то, что поэт является «сыном сестры или сыном брата Юликулибега Аниси» [21, 122].

5. Нарайин Шафик назвал поэта Унси придворным поэтом Шахджахана, что Ахмад Гулчин Маани посчитал неверным и приводит сведения о годе его казни на основании слов Таки Авхади, который встречался с Унси в Агре и приводит сведения рукописей «Латаиф-ул-хаял» и «Рияз-уш-шуара» о 1025 (1616) годе [22, 122].

6. В антологии «Вечер странников» автор о поэтическом вкусе и стиле поэта не упоминает ни слова, только приводит один бейт и одно рубай из его поэзии, однако Гулчин Маани, опираясь на утверждение Баки Нахаванди отмечает: «Иногда в связи с природной гармоничностью и любезностью окидывает взглядом лирические и мистические газели и другие поэтические жанры в восхвалении любимых и милых возлюбленных, блещет

новыми и приятными мыслями, удивительными значениями, услаждает слух слушателей и поэтов жемчужинами слова» [21,121]. После биографии поэта, поэтического стиля, Гулчин Маани приводит в качестве образца поэзии Унси 25 бейтов и два рубайи.

آنان که همراهی به نسیم صبا کنند در راه سیل خانه کاغذ بنا کنند

*Те, кто веют вместе с утренним ветром,
На пути у селя строят бумажный дом.*

روز وصال گریه به نظاره شد بدل در فصل گل رواج نباشد گلاب را

*В день встречи слезы превратились во взгляд,
В цветение цветов нет нужды в розовой воде.*

می ده که کس دو باره جهان را جوان ندید شاخ گلی نروست که باد خزان ندید
می گفت و می گریست سحر بلبل به باغ خوش وقت آن که چین رخ باغبان ندید

[21,121].

*Дай вина, ведь мир увидет молодым вновь нельзя,
Нет цветущей ветки, что не видала осеннего ветра.
Говорил горько саду и плакал соловей поутру
Лучшее время, тогда, когда не хмурое у садовника лицо*

Дополнение и исправление неточностей, допущенных Нарайином Шафиком, осуществлённых Ахмадом Гулчином Маани в «Корвони Хинд», можно наблюдать в биографиях и образцах поэзии Аниси Шомлу Хирави [21,125], Муджрима Шомлу [21,1214-1219], Фитрата Мешхеди [22,1026-1028] и др.

Другой примечательной особенностью является то, что при написании антологии Ахмад Гулчин широко использует сведения из антологии «Вечер странников». Однако в связи со специфичностью стилистики произведения Ахмада Гулчина Маани, отличающейся от традиционных персидско-таджикских антологий, он взял только имена и нисбы почти всех поэтов, упомянутых в антологии Шафика, и привел их со своими дополнениями, за

исключением некоторых поэтов, о которых в исторических источниках и классических антологиях приведены лишь одно или два предложения, лишь несколько бейтов, то есть малочисленные биографические сведения. В данном случае Гулчин Маани обращается к другим источникам, содержащим сведения и посредством сопоставления и сравнения вносит сведения в свое произведение, к примеру, такое произошло со сведениями об Афсаре Исфахани [21,80], Мулле Хаками [21,328-329] и других поэтах. То есть, несмотря на следование стилистике Шафика, Ахмад Гулчин Маани в своем произведении в корне изменил способ приведения сведений в целях создания совершенной и полной антологии.

Другой отличительной особенностью и достоинством антологии «Корвони Хинд» в части биографий и поэтического наследия является то, что Ахмад Гулчин Маани получил доступ к тем источникам, которые были в целом недоступны Нарайину Шафику, видимо, поэтому тот указал в конце своей антологии, что: «...автор в силу своих знаний собрал эту книгу и сыграл на поэтической свирели согласно своим способностям... если кто-то пожелает умножить знания и эти краткие сведения дополнить и увеличить сведениями других людей» [14, 323].

Другим преимуществом антологии «Корвони Хинд» Ахмада Гулчина Маани можно назвать возможность использовать при написании произведения не только поэтические антологии, но и поэтические диваны, сборники и исторические книги в подлинниках, то есть непосредственно первоисточники, в числе которых «Арафат-ул-ашикин», «Хуласат-ул-ашар», «Мираат-ул-хаял», «Рияз-уш-шуара», «Мейхана», «Тазкираи Насрабади», «Тазкираи мухтасари шуараи Кирманшах», «Оташкадаи Озари», «Тазкираи занони суханвар», «Тазкират-уш-шуара» Гани, «Тазкираи шуараи Кашмир», «Тазкират-ул-ашикин», «Маджма-ул-фусаха», «Тазкираи уламои Хинд», «Донишмандон ва сухансароёни форси», «Равзат-ус-сафа», «Камус-ул-алам», «Калам-ул-мулук», «Каламат-уш-шуара», «Маасир Рахими», «Лубб-ут-таварих», «Тарихи Алфи», «Тарихи анбия ва авсия ва мулук», «Тарихи

Азами» (события Кашмира), «Тарихи Синд» Масуми, «Тарихи Тохири», «Тарихи Аббоси», «Диван» Ашрафа Мазандарани, Ашки Куми, Иксира Исфакхани, Санани Мешхеда, Саиба Табрези, Урфи Ширази, Фахри Хирави, Валеха Дагистани, Вахши Бафки, Своды библиотеки Маджлиси, Кохи Гулистан, «Куллият» Талиба Амули и Назири Нишапури.

Наряду с этим, Ахмад Гулчин Маани обращался к исследованиям Х. Эте, Э. Брауна, Забехулла Сафо, Саида Нафиси и других. В работе Нарайина Шафика, подобные полностью источники отсутствуют.

В связи с этим, антология «Корвони Хинд» является не только поэтической антологией, но и историко-аналитическим, литературным, художественным и документальным произведением персидско-таджикской литературы. Несмотря на то, что Ахмад Гулчин Маани не допустил прямого заимствования сведений из «Вечера странников», однако следует отметить то обстоятельство, что антология «Корвони Хинд» Ахмада Гулчина Маани является логическим продолжением антологии, более усовершенствованной версией «Вечера странников» Лачхми Нарайина Шафика Аврангабади.

В целом о месте антологии «Вечер странников» в персидско-таджикской литературе и её влиянии на последующие произведения жанра антологии нами сделаны следующие выводы:

1. Антология «Вечер странников» является антологией, которой по мере необходимости воспользовались многие составители антологий, в частности, наибольшее цитирование отмечено в «Натаидж-ул-афкар» Мухаммада Кудратуллаха Гупомуи.

2. В большинстве случаев и сведениях, предоставленных авторами антологии «Натаидж-ул-афкар» наблюдается влияние воззрения Лачхми Нарайина Шафика и в некоторых случаях сведения Шафика более подробны и точны.

3. Принцип написания и особый стиль изложения, предпринятые Лачхми Нарайином Шафиком, продолжены и усовершенствованы в антологии «Корвони Хинд» Ахмадом Гулчином Маани.

4. Антология «Вечер странников», несмотря на краткий срок написания, нахождение автора вдали от персоязычных территорий, продолжающих чтить распространённые стилистические и жанровые особенностей, содержит несколько меньше сведений, чем антология «Корвони Хинд», однако принципы составления повлияли на антологию Ахмада Гулчина Маани, из чего можно сделать вывод, что вдохновением и причиной написания произведения Ахмада Гулчина Маани стала антология «Вечер странников» Лачхми Нарайина Шафика.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поэтические антологии являются важнейшими источниками, занимающими в литературоведении особое место. Наряду с тем, что в них содержится информация о жизни поэтов, поэтическом наследии, его объёме, в них также можно найти краткие сведения о стилистике изложения и самые лучшие образцы их поэзии. Вместе с тем антологии служат источником сведений, имеющих характер литературной критики и оценки, а также являются факторами поэтапного развития традиционно принятой таджикской литературной критики. Антология «Вечер странников» Лачхми Нарайина Шафика была написана в период бурного развития жанра персидской антологии на Индийском полуострове и является воплощением многих классических традиций данного литературного жанра. Наряду со следованием традиционным принципам, жанр антологии рассматриваемого периода не лишён некоторых нововведений и начинаний, что является ключевым вопросом нашего исследования.

Краткие исследования по вопросам о статусе поэта, прозаика, историка и составителя антологий Лачхми Нарайина Шафика, особенности его произведений на примере антологии «Вечер странников» отражены нами в следующих заключениях:

1. Лачхми Нарайин Шафик является известным поэтом, прозаиком, историком и составителем антологий XVIII века Индийского полуострова. Нарекли его именем Мотхар, его предки были из рода Кехтари-Капур, несмотря на все это, он внес огромный вклад в развитие персидско-таджикского языка и литературы на полуострове Индостан. Он родился в городе Аврангабад Декана в 1158/1745 году и скончался в 1223/1808 году

2. Шафик, наряду с достижениями на творческом поприще, преуспел на придворной службе. В связи с этим, написанные им исторические книги, такие как «Реалии Индии», «Танмики шигарф», «Маасири Осафи», «Маасири Хайдари», «Ситуация Хайдарабада», «Бисат-

ул-ганаим» и другие являются результатами его службы на разных должностях при дворах многих правителей.

3. Шафик имел крепкие взаимоотношения с рядом своих современников, и в его творческой деятельности ощущается их непосредственное незримое влияние. Особенно часто он упоминает имя своего учителя - Мир Озода Балгирами. Почти во всех своих произведениях Шафик с огромным уважением отзывается о нём и это указывает на то, что Мир Озод Балгирами был также и его духовным наставником.

4. Шафика, прежде всего, следует представить как искусного поэта, который обладал поэтическим диваном и преуспел в различных поэтических жанрах. Шафик пробовал свои силы в жанре касыды, рубаи и масневи, которые приведены нами в качестве примеров. Его манера стихосложения более относится к хорасанскому стилю поэзии, однако иногда наблюдаются блестящие элементы индийского стиля поэзии. Наряду с поэзией, Шафик также прослыл выдающимся прозаиком и его произведение «Нахлистон» является несомненным доказательством этой славы. Его он сочинил в подражание «Гулистана» Саади. Другое его произведение, «Хиркаи садпора», больше имеет учебный характер.

5. Свои антологии - «Вечер странников», «Поэтический сад» и «Изящный цветок» он посвятил различной тематике, написав их с использованием различных жанров. «Поэтический цветник» является антологией поэтов, сочинявших на языке урду, «Изящный цветок» посвящена персоязычным поэтам, родиной которых является Индия. «Вечер странников» охватил поэтов, рождённых в различных местностях и прибывших и переселившихся в Индию.

6. Несмотря на то, что антология «Вечер странников» отличается особой стилистикой, является специфической антологией, в ней предпринят абсолютно новый подход к написанию персидско-таджикской антологии, ранее не встречавшейся в истории жанра. Следуя традиционным элементам

предшествующих антологий, соблюдая каноны их написания, Шафик создал новую тенденцию в части выбора поэтов и их классификации.

7. Антология «Вечер странников» состоит из предисловия, биографий 479 поэтов и заключения, на написана между 1182/1768 и 1197/1783 годами. Как было упомянуто, антология Шафика ставит под сомнение существующую классификацию персидско-таджикских антологий. В связи с этим, нами предложено внести в категорию специфических антологий - предместных, тематических и сословных, новый раздел, охватывающий антологии под названием «антология странствий», к которой можно отнести такие антологии, как «Вечер странников» и «Корвони Хинд».

8. Наряду с тем, что указанная антология следует предыдущим традициям персидско-таджикской антологии, имеет недостатки, однако автор антологии уделяет огромное внимание месту рождения, датам рождения и кончины, отношениям поэта с правителями и придворной знатью, странствиям, ремеслу и пр. Нарайин Шафик также кратко исследовал социальный и поэтический статус поэтов, их взаимосвязь с собратьями по перу, современниками, их наследие, наличие поэтического дивана или его отсутствие, существование других произведений помимо диванов, познания поэтов в распространенных науках того периода, их славу в поэтических кругах, отношение поэтов к мистике, суфизму и религиозным обителям.

9. Шафик предоставил сведения о 42 поэтах Маверуннахра, не известных или малоизвестных в научных кругах страны и в настоящее время посредством проведенного нами исследования антологии Шафика учёным кругам и читателям предоставляется возможность ознакомления с их поэтическим наследием и социально-культурной обстановкой периода их жизни.

10. Антология «Вечер странников» написана плавной и простой в изложении прозой, не лишена художественных средств выражения. Хотя во многих случаях стилистика придерживается стиля прозы мурсал, так называемого хорасанского стиля прозы, в ней ярко выражено мастерство и

словесное изящество. Использование определённого количества арабских фраз и оборотов, малоиспользуемых слов (в малом количестве) является отличительной особенностью антологии Шафика. Вопрос использования художественных средств в антологии стал важной частью исследования, в ходе которого были установлены самые используемые Нарайином Шафиком средства художественной выразительности. Шафик выразил красоту речи антологии посредством рифмованной прозы, эпитетов, хронограмм. Автор антологии применяет особые изящные обороты, имеющие блистательный язык и связанные логической взаимосвязью с каким-либо элементом в имени, псевдониме или личных качествах поэта.

11. В антологии Нарайин Шафик уделяет огромное внимание поэтическому элементу произведения, начиная с выбора образцов поэзии и заканчивая оценкой поэтического мастерства и умения поэтов, стремится кратко охарактеризовать поэтический статус с литературоведческой точки зрения. Часто оценивает поэзию критическим взглядом не прямо, а посредством деликатного обращения к мнению выдающихся современников, особенно Мир Озода Балгирами, что также является одной из важных отличительных черт его антологии и в целом стилистики. В ходе критической оценки поэзии Шафик для убеждения и обоснования своего мнения прибегает к поэтическим образцам поэзии великих предшественников.

12. XVII–XVIII века считаются периодом истинного расцвета жанра антологии на Индийском полуострове и именно в этом периоде было исследовано множество вопросов жанра антологии, в числе которых литературные отношения и другие важные вопросы жанра. Антологии указанного периода являются не только литературными источниками, но также служат хорошим и авторитетным материалом в изучении истории, культуры, просвещения, социально-нравственного пласта указанного периода. В указанный период были составлены антологии, собравшие в себя сведения о современниках и имеющие в связи с этим большую ценность,

такие как антология «Вечер странников» Лачхми Нарайина Шафика, сочетающей в себе архаизм и новизну произведений данного жанра.

13. Наряду с тем, что антология Лачхми Нарайина Шафика написана особым стилем, в стилистическом пейзаже произведения ощущается влияние предыдущих антологий, таких как «Сарви Озод», «Маджма-ун-нафаис», «Арафат-уш-ашикин», «Тазкираи Насрабади», «Каламат-уш-шуара» и др. Автор антологии в приведении сведений о житии поэтов-современников и дружеских отношениях между поэтами особенно подражает своему учителю и наставнику Мир Озоду Балгирами. Следует также отметить некоторое влияние Насрабади и Сархуша при описании личности поэтов и деталей их жизни. Несмотря на указанное влияние, Шафик во множестве случаев предпринимает попытку усовершенствовать и дополнить сведения своих предшественников.

14. Наряду с подражанием Лачхми Нарайина Шафика выдающимся предшественникам, произведению Лачхми Нарайина Шафика также уделили внимание другие известные прозаики-антологисты, ярким примером которому служит Мухаммад Кудратуллах Гупамуи. В написании антологии «Натаидж-ул-афкар» он широко использовал воззрения и сведения Шафика, а в некоторых случаях привёл полное заимствование из антологии «Вечер странников». Ахмад Гулчин Маани в своей антологии «Корвони Хинд» принял за основу принципы и методы составления антологии Шафика. Он продолжил работу, начатую Шафиком около двухсот лет назад и представил логическое продолжение «Вечера странников» Лачхми Нарайина Шафика в уже более современном, совершенном и полном варианте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

I. Источники:

а) на таджикском языке:

1. Шаръӣ, Абдулазими Ҳочӣ. Тазкират-уш-шуаро / Ба кӯшиши М.Ҳочаева ва И.Эшонкулов. – Хучанд: Хуросон, 2015. – 228 с.
2. Насриддин, Абдулманнон. Тазкираи шуарои Хучанд / А.Насриддин / Ба кӯшиши Фаҳриддин Насриддинов. – Хучанд: Ношир, 2015. – 512 с.
3. Ҳусайнӣ, Атоулло. Бадоеъ-ус-саноеъ / Бо сарсухан, тавзеҳот ва таҳрири Раҳим Мусулмонкулов. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 221 с.

в) на персидском языке:

4. Арزو, Сراج الدين على خان. مجمع النفايس. – ج. 1. – اسلام آباد: مركز تحقيقات فارسی ایران و پاکستان، 1383. – 493 ص.
5. آزاد بلگرامی، میرغلام علی. سرو آزاد \ تحقیق، تدوین، تصحیح، ترتیب، مقدمه و حواشی دکتر زرینه خان. – علی گره: 2008. – 6556 ص.
6. آزاد بلگرامی، میرغلام علی. خزانه آمره. – کانپور، 1781. – 394 ص
7. ابو القاسم ابن حیدر. همیشه بهار. نسخه خطی کتابخانه دانشکده ادبیات و علوم انسانی دانشگاه تهران. – شماره 98.
8. احمد صديق حسن خان، نواب. شمع انجمن. – کلکاته: چاپخانه شاهي جهاني، 1293. – 584 ص.
9. اخلاص، کشان چند. همیشه بهار \ مقدمه و تصحیح متن و تحشیه به کوشش دکتر زبیر احمد قمر. دهلی: ذاکرنگر، 2003. – 296 ص.
10. اکرام، سید محمد اکرم. اثار الشعرا (از اسر مسعد سعد تا اسر اللام اقبال). اسلامآباد: مرکز تحقیقات فارسی ایرانوپاکستان، 2008. – 521 ص.
11. خوشگو، بندر ابن داس. سفینه خوشگو (دفتر ثالث). – پتنه، 1959. – 400 ص.
12. سرخوش، محمد افضل. کلمات الشعرا / تسحیح علی ریضا قنوی. – تهران: مجلس شورای اسلامی، 1389. – 309 ص.
13. شیرخان لودی. مرآت الخیال \ به اهتمام حمید حسنی. – تهران، 1388. – 370 ص.
14. شفیق، نراین لچهمی. شام غریبان. – کراچی، 1977. – 378 ص.
15. شفیق، نراین لچهمی. گل رعنا. – حیدرآباد، بدون سال نشر. – 188 ص.
16. صدارنگی، هر ومل. پارسی گویان هند و سند. ایران: انتشارات بنیاد فرهنگ ایران، بدون سال / – 300 ص.
17. عبد الغنی، محمد. تذکره الشعرا. – علی گره، 1916. – 146 ص.
18. عظیم آبادی، حسین قلی خان. نشتر عشق. – ج 3. – دوشنبه: دانش، 1983. – 1179-783 ص.
19. علی خان سندهلوی، قاضی احمد. مخزن الغرایب. – تهران: کتبخانه مرکزی دانشگاه تهران، میکرافیلیم شماره 1010.

20. گوپاموى، محمد قدرت الله. نتائج الافكار / به كوشيش ارديشير نبىشاهى. - بمبئى: چاپخانه صلتانى، 1336. - 800 ص.
21. معانى، احمد گلچين. كاروان هند. - ج. 1. - مشهد: مؤسسه چاپ و انتشارات استان قدص رضوى، 1369. - 844 ص.
22. معانى، احمد گلچين. كاروان هند. - ج. 2. - مشهد: مؤسسه چاپ و انتشارات استان قدص رضوى، 1369. - 1675 ص.
23. ملا عبد النبى قزوينى، فخرالزمانى. ميخانه \ آماده كننده چاپ و مولف مقدمه و توضيحات احمد گلچين معانى. - تهران، 1381. - 599 ص.
24. نصرابادى، مرزا محمدطاهر. تذكرة نصرابادى \ با تسحيح وحيد دستگيرى. تهران: چاپخانه ارمغوان، 1317. - 575 ص.
25. نهاوندى، ملا عبدالباقى. مآثر رحيمى. - ج. 3. - كلكاته، 1924-1931.
26. واله داغستانى، على قلى خان. رياض الشعرا. تهران: كتابخانه مركزى، عكس شماره 5801.

II. Научная литература:

а) на таджикском языке:

27. Ахрорӣ З. Калимат-уш-шуаро // Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. - Ҷ.2. - Душанбе, 1989. - С.-5.
28. Фаффоров А. Назми форсизабони Ҳинду Покистон дар нимаи дуюми асри XIX ва асри XX. - Душанбе: Дониш, 1975. - 143 с.
29. Фаффорова Замира. Тазкираҳои Сархуш ва Хушгӯ ҳамчун сарчашмаи нақду сухансанҷӣ / Замира Фаффорова. - Хучанд: Нури маърифат, 2001. - 280 с.
30. Фаффорова Замира. Ташаккул ва инкишофи адабиёти форсизабони Кашмир дар асрҳои XVI-XVII / Замира Фаффорова. - Хучанд, 2011. - 574 с.
31. Зеҳнӣ, Т. Санъатҳои бадеӣ дар шеърӣ тоҷикӣ / Т.Зеҳнӣ. - Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1960. - 260 с.
32. Зеҳнӣ, Тӯракул. Санъати сухан / Т.Зеҳнӣ. - Душанбе: Ирфон, 1978. - 326 с.
33. Каримов У. Адабиёти тоҷик дар нимаи дувуми асри XVIII ва аввали асри XIX. - Душанбе, 1974. - 186 с.
34. Қаландаров, Ҳ. «Хизонаи Омира»-и Мирғуломалихони Озод ҳамчун сарчашмаи омӯзиши таърихи адабиёти форс дар асрҳои IX-XVIII: автореф. дис. номз. илм. филол.: 10.01.03 / Ҳоким Сафарбекович Қаландаров. - Душанбе, 2005. - 30 с.
35. Маъсумӣ, Носирҷон. Адабиёти тоҷик дар асри XVIII ва нимаи аввали асри XIX. - Душанбе, 1962. - 368 с.
36. Мирзозода, Холиқ. Таърихи адабиёти тоҷик (Китоби 2) / Х.Мирзозода. - Душанбе: Маориф, 1977. - 487 с.

37. Мирзозода, Холик. Материалҳо аз таърихи адабиёти тоҷик (асрҳои XVI – XIX ва ибтидои асри XX). – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1950.
38. Мирзоев А. Аз таърихи мусибатҳои адабии Мовароуннаҳр ва Ҳинд / А.Мирзоев // Садои Шарқ. – 1964. – №5. – С.35-39.
39. Мирзоев, Абдулганӣ. Боз як аҳамияти муҳимми тазкираи Малехо // Шарқи Сурх. – 1961. – № 7. – С.148-152.
40. Мусулмонкулов, Р. Сачъ ва сайри таърихӣ он дар насри тоҷик / Мусулмонкулов Р. – Душанбе: Ирфон, 1970. – 218 с.
41. Мусалмониён, Раҳим. Назарияи адабиёт / Р.Мусалмониён. – Душанбе: Маориф, 1990. – 334 с.
42. Мухторов А. Дурдонаҳои маданияти Тоҷикистон дар ганҷинаҳои Ҳиндустон. – Душанбе: Ирфон, 1984. – 207 с.
43. Окилова, Муътабар. Тазкират-ул-авлиёи Шайх аттор ва арзиши адабиву ирфонӣ он. – Хучанд: Андеша, 2012. – 184 с.
44. Саидзода, Ҷамолиддин. Сабки ҳиндӣ гарчи сабки тоза буд... / Ҷ.Саидзода. – Душанбе: Ирфон, 2012. – 123 с.
45. Салимов, Ю. Ёдгори умр / Ю.Салимов. – Ҷ.2. – Хучанд, Нури маърифат, 2003. – 488 с.
46. Саъдиев, С. Адабиёти тоҷик дар асри XVII / С. Саъдиев. – Душанбе: Дониш, 1985. – 268 с.
47. Хочаева, М. Масъалаҳои сабкшиносӣ / М.Хочаева.- Хучанд: Раҳим Ҷалил, 1994. – 223 с.
48. Ҳодизода Р., Каримов У., Саъдиев С. Адабиёти тоҷик (асрҳои XVI –XIX ва ибтидои асри XX). – Душанбе: Маориф, 1988. – 414 с.
49. Шарифов Худой. Каломи бадеъ / Х.Шарифов. – Душанбе: Ирфон, 1998. – 170 с.
50. Шарифов Х. Назарияи наср / Х.Шарифов. – Душанбе: Пайванд, 2004. – 319 с.
51. Эшонкулов Илҳом. Тазкираҳои Ҳашмати Бухорӣ ва аҳамияти илмиву адабии онҳо / И.Эшонкулов. – Хучанд: Нури маърифат, 2014. - 166 с.

б) на русском языке:

52. Алиев Г.Ю. Персоязычная литература Индии / Г.Ю. Алиев. – Москва: Наука, 1968. – 247 с.
53. Баранников А.П. Индийская филология. – Литературоведение /А.П.Баранников. – Москва: ИВЛ, 1959. – 333с.
54. Бертельс, Е.Э. История персидско-таджикской литературы / Е.Э.Бертельс. – М.: Изд. вост. лит, 1960. – 556 с.

55. Брагинский, И.С. Из истории персидской и таджикской литературы: Избранные работы / И.С. Брагинский. – Москва: Наука, 1972. – 527 с.
56. Брагинский, И.С. Из истории персидского литературного наследия / И.С. Брагинский. – Москва: Наука, 1972. – 527 с.
57. Ванина Е.Ю. Наука и образование в Индии позднего средневековья и начало нового времени (XVI-XVIII вв) // Индия. – 1987. – Ежегодник. – Москва: ГРВЛ, 1988. – С.277–293.
58. Мусульманкулов, Р. Персидско-таджикская классическая поэтика (X–XV вв) / Мусульманкулов Р. – Москва: Наука, 1983. – 240 с.
59. Пригарина Н.И. Индийский стиль и его место в персидской литературе (Вопросы поэтики) / Н.И.Пригарина. – Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 328 с.
60. Ризаев З.Т. Индийский стиль в поэзии на фарси конца XVI–XVII вв. / З.Т. Ризаев. – Ташкент: Фан, 1971. – 219 с.
61. Рипка, Ян. История персидской и таджикской литературы / Я.Рипка; перевод с чешского, редактор и автор предисловия И.С.Брагинский. – Москва: Прогресс, 1970. – 440 с.
62. Хади-заде Русул. Источники изучения таджикской литературы второй половины XIX века. – Сталинабад: Изд-во АН Тадж. СССР, 1956. – 140 с.

в) на персидском языке:

63. احمد قمر، زبیر. معرفی اجمالی تذکره همبشه بهار // نامه پارسی. 1386. سال دوازدهم. – شماره اول. – 151-157 ص.
64. ادبیات فارسی در هند (کتاب های درسی فارسی برای دانشگاه های سراسر هند). – ج.2. – دهلی: انتشارات رایزنی فرهنگی سفارت جمهوری اسلامی ایران، بدون سال نشر. – 127 ص.
65. ارشاد، فرهنگ. مهاجرت تاریخی ایرانیان به هند. – تهران: پژوهشگاه علوم انسانی و مطالعات فرهنگی، 1378. – 238 ص.
66. اشرفزاده، رضا. شیوه نقد نقادی در تذکره مجالس النفایس \ فصلنامه تخصصی ادبیات فارسی دانشگاه آزاد اسلامی مشهد. زمستان 1388. – شماره 24. – 8-25 ص.
67. اصیل، حجت الله. تذکره \ فرهنگنامه ادبی فارسی. – ج.2. – تهران، 1381. – 329-330 ص.
68. امیری، کیومرث. زبان و ادب فارسی در هند. – تهران: شورای گسترش زبان و ادبیات فارسی، 1374.
69. ایتی، هیرمن. تاریخ ادبیات فارسی \ ترجمه ریضازاده شفق. – تهران: بنگاه ترجمه و نشر کتاب، بی‌دون سال نشر.
70. برزگر، حسین. شفیق اورنگابادی \ دانشنامه ادبی فارسی. – ج.4، بخش 2، تهران، 1380. – 1518-1519 ص.

71. برون، ادوارد. تاریخ ادبیات ایران (از صفویه تا حاضر) \ ترجمه دکتر بهرام رقدادی.
- ج. 4. 1369. 545 ص.
72. بهار، محمدتقی. سبک شناسی. تا ریخ تطور نثر فارسی. - ج. 3. - تهران، 1397. -
447 ص.
73. باباپور، یوسف. تذکره نتایج الافکار و سنت تذکره نویسی فارسی در هند \ کتاب ماه
ادبیات. - شماره 28، 1387. - 48 - 55 ص.
74. حمید حسنی. دیباچه مصحح \ مرآت الخیال شیرخان لودی. - تهران، 1388. - 15 -
21 ص.
75. ربعیان. تذکره نویسی فارسی در شبه قاره \ دانشنامه ادب فارسی. ج. 2.1. - تهران:
سازمان چاپ و انتشارات، 1375. - ص. 743-760.
76. رخشان، سید غلام علی، بوشاسب گوشه، فیض الله. تاریخ نگاری، ترجمه، تذکره نویسی
و نامه نگاری فارسی در حکومت مغولان کبیر از بابر تا پایان اورنگ زیب (932-1118/1526-
1707) // تاریخنام خوارزمی. 1397. سال پنجم. - شماره بیست و یکم. - 42-67 ص.
77. زرینه خان، حیدری، فرشته. معرفی آگره \ اکبرآباد بر پایه ی تذکره ها و تاریخ //
فصلنامه مطالعات شبه قاره. 1391. سال چهارم. - شماره دوازدهم. - 97-108 ص.
78. سبحانی، توفیق. تاریخ ادبیات ایران. - تهران: دانشگاه پیام نور، بدون سال نشر. -
416 ص.
79. سبحانی، توفیق. نگاهی به تاریخ ادب فارسی در هند. شورای گسترش زبان و ادب
فارسی، 1377. - 724 ص.
80. سعید نفیسی. تاریخ نظم و نثر در ایران و در زبان فارسی تا پایان قرن دهم هجری -
ج. 2. - تهران: میهن، 1344. - 1182 ص.
81. سلیمان، غلام رضا، یاری گل درّه، سهیل. نقش تذکره ها و فرهنگ ها (مورد مطالعه
دیوان مسعود سعد سلمان) \ متن سنانی ادب فارسی (علمی - پژوهشی). 1391. سال چهارم. - شماره
3. 59-74 ص.
82. شفیعیون، سعید. گزری دیگرگون بر تذکره های ادبی (بحثی در باب گونه شناسی تذکره
های ادبی و ارائه طرحی برای تقسیم بندب آنها) \ فنون ادبی (علمی - پژوهشی). 1393. سال ششم. -
شماره 2. - 85-104 ص.
83. شمیسا، سیروس. انواع ادبی. - ج. 2. - تهران: فردوس، 1373.
84. شمیسا، سیروس. سبک شناسی شعر. - تهران: فردوس، 1374.
85. شمیسا، سیروس. سبک شناسی نثر - تهران: نشر میترا، 1388. - 320 ص.
86. شمیسا، سیروس، فرقدانی، شهلا. تحلیل دیدگاه های انتقادی خان آرزو در تذکره ی مجمع
النفائس \ فصلنامه مطالعات شبه قاره. 1389. سال دوم \ - شماره پنجم. - 7-28 ص.
87. شوقی، ضیف. پژوهش ادبی \ ترجمه عبد الله شریفی خجسته. - تهران، 1376. - 354
ص.
88. صدیقی، محمد اکبر الدین. مقدمه \ تذکره شام غریبان. کراچی: انجمن ترقی اردو،
1977. - 3-13 ص.
89. صدیقی، مصطفی. قلم رو نقد و نظریه ادبی. - شیراز: نوید شیراز، 1390. - 392
ص.

90. صفا، ذبیح الله. تاریخ ادبیات در ایران (و در قلمرو زبان پارسی. از آغاز صدۀ دهم تا میانه صدۀ دوازدهم). - ج. 5. بخش 2. - تهران، 1373. - 636-1420 ص.
91. صفا، ذبیح الله. تاریخ ادبیات در ایران. - ج. 2. - تهران 1367.
92. ستوده، مرجع شناسی ورویش تحقیق. - تهران: انتشارات صمت، 1373.
93. فتوحی، محمود. تذکره نویسی \ دانشنامه زبان ادب فارسی. - ج. 2. - تهران، 1384. - 302-304 ص.
94. فتوحی، محمود. نگاهی به ریاض الشعراى واله داغستانی \ مجله دانشکده زبان و ادبیات و علم انسانی، شماره 4. - تهران، 1373. - 151-168 ص.
95. قنوی، علی ریضا. مقدمه \ کلمات الشعرا. ندمحمد افضل سرخوش. - تهران: مجلس شورای اسلامی، 1389. - 765 ص.
96. مسعدی، عبد الله. تذکره نویسی \ دایرة المعارف بزرگ اسلامی. - ج. 4. - تهران: مرکز دایرة المعارف بزرگ اسلامی، 1367. - 716-722 ص.
97. معانی، احمد گلچین. تاریخ تذکره های فارسی. - ج. 1. - تهران: انتشارات کتابخانه سنائی، 1363. - 765 ص.
98. معانی، احمد گلچین. تاریخ تذکره های فارسی. - ج. 2. - تهران: انتشارات کتابخانه سنائی، 1363. - 1006 ص.
99. معانی، احمد گلچین. مقدمه \ کاروان هند. - ج. 1. - مشهد: مؤسسه چاپ و انتشارات استان قدص رضوی، 1369. - 1-44 ص.
100. مفرد، افسانه. تذکره نویسی فارسی \ دانشنامه جهان اسلام. - ج. 6. - تهران، 1380. - 772-774 ص.
101. مؤتمن، زین العابدین. زبان و ادب فارسی. - تهران: 1364.
102. نجم الرشید. اشارات نقدی در تذکره مقالات الشعرا // نامه پارسی. 1382. سال هشتم. - شماره اول. - 141-154 ص.
103. نعمانی، رئیس احمد. تعلیقات \ طور معنی منشی احمد حسین سحرى کاکروى. - دهلی، 2007/1385. - 275-493 ص.
104. نعمانی، رئیس احمد. مروری بر تذکره نویسی فارسی \ کیهان، شماره 143. - تیر، 1377. - 16-21 ص.
105. نقوی، علی ریضا. تذکره نویسی فارسی در هندو پاکستان. - تهران: مؤسسه متبغات علمی، 1343. - 574 ص.
106. یان ریپکا، اتاکا کلیم، ایرژی بیچکا. تاریخ ادبیات ایران \ ترجمه کیخسرو کشاورزی. - تهران: ابن سینا، 1370. - 630 ص.

г) на английском языке:

107. Gorekar, M.A. Persian Poets in India / M.A.Gorekar / indo-iranica, 1963 vol. XVI, №2.
108. Kirmani, Waris. Dreams forgotten (an anthology of indo-persian poetry) /W.Kirmani. Academic Books, Aligarh, 1986. - 462 pp.
109. Reuben Levy. Persian literature / L.Reuben. - London, 1936. - 112pp.

III. Энциклопедии, сборники и своды:

а) на персидском языке:

110. انوشه، حسن. دانشنامه ادب فارسی در شبه قاره (هندستان، پاکستان، بنگلادش). - ج.4. - تهران، 1380. - 923-1749 ص.
111. انوشه، حسن. فرهنگنامه ادب فارسی (دانشنامه ادب فارسی). - ج.2. - تهران، 1381. - 1537 ص.
112. تسبیحی، محمد حسین. فهرست الفبای نسخه های خطی کتابخانه گنج بخش (از آغاز تاسیس تا کنون). - اسلام آباد: مرکز تحقیقاتی ایران و پاکستان، 2005.
113. حسینی، سید احمد. فهرست نسخه های خطی کتابخانه عمومی حضرت آیت الله اعظمی نجفی مرعشی. - ج.2. - قوم، بدون سال. - 799 ص.
114. حسینی، سید احمد. فهرست نسخه های خطی کتابخانه عمومی حضرت آیت الله اعظمی نجفی مرعشی. - ج.5. - قوم، بدون سال. - 387 ص.
115. حسینی، سید احمد. فهرست نسخه های خطی کتابخانه عمومی حضرت آیت الله اعظمی نجفی مرعشی. - ج.20. - قوم، بدون سال. - 387 ص.
116. دهخدا، علی لکبر. لغتنامه. - ج.5. - تهران: روزنه، 1377. 6409-7999 - ص.
117. دایرة المعارف بزرگ اسلامی. - ج.4. - تهران: مرکز دایرة المعارف بزرگ اسلامی، 1367. - 728 ص.
118. محدث زاده، حسین. اثرآفرینان (زندگی نامه نام آوران فرهنگ ایران). - ج.4. - تهران: انجمن آثار و مفاخر فرهنگی، 1384. - 378 ص.
119. معین، محمد. فرهنگ فارسی. - ج.2. (د-ق). - تهران: امیر کبیر، 1371. - 477-2774 ص.
120. منزوی، احمد. فهرست نسخه های خطی گنج بخش، شماره 48. - لاهور: مرکز تحقیقات فارسی ایران و پاکستان، 1980. - 1924 ص.
121. منزوی، احمد. فهرستواره کتابهای فارسی. - ج.2. - تهران: مرکز دایرة المعارف بزرگ اسلامی، 1382 ش. - 1119 ص.
122. منزوی، احمد. فهرستواره کتابهای فارسی. - ج.3. - تهران: مرکز دایرة المعارف بزرگ اسلامی، 1382 ش. - 2576 ص.
123. منزوی، احمد. فهرستواره کتابهای فارسی. - ج.4. - تهران: مرکز دایرة المعارف بزرگ اسلامی، 1382 ش. - 3263 ص.
124. نبی حادی، سید کمالحاجی، سیدجوازی. فرهنگنامه زبان و ادبی فارسی در شبه قاره هند. - ج.1. - تهران، 1390. - 405 ص.

б) на английском языке:

125. Browne, Edward, Denison, Ross. A Catalogue of Two collections of Persian and Arabic manuscripts of India office library /E.Browne R.Denison. - London, 1902. - 189 pp.

126. Browne, Edward. A supplementary Hand-list of the Muhammadan manuscripts preserved in the libraries of the

university and colleges of Cambridge /E.Browne. – Cambridge, 1922. – 348 pp.

127. Ethe, Hermann. Catalogue of Persian manuscripts in the library of the India office /H.Ethe. Volume I. – Oxford, 1903. – 1632 pp.

128. Mauvlavi, Mirza Ashraf Ali. Catalogue of the Persian books and manuscripts in the library of the Asiatic Society of Bengal. – Calcutta, 1895. – 200 p.

129. Rieu, Charles. Catalogue of Persian manuscripts in the British Museum / Ch.Rieu. Volume I. – London, 1879. – 432 p.

130. Rieu, Charles. Catalogue of Persian manuscripts in the British Museum / Ch.Rieu. Volume II. – London, 1881. – 433 – 877 pp.

131. Sprenger, A. A catalogue of the Arabic, Persian and Hindustany manuscripts, of the libraries of the kings of Oudh /A.Sprenger. Vol. 1. – Calcutta, 1854. – 648 pp.

132. Storey C.A. Persian Literature. A bio-bibliographical survey. – London, 1953. – Vol.I, P.2. – 314 p.

IV. ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ САЙТЫ:

133. <http://ar.lib.eshia.ir/>

134. <http://www.ensani.ir/storage/>

135. <https://www.noormags.ir/view/fa/articlepage/>

136. <http://heredipety16.rssing.com/>

137. <http://www.iran-newspaper.com/newspaper/>

138. <http://encyclopaediaislamica.com/>